

ISSN 2076-3468

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

ВЫПУСК 25

МІНСК
2024

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК. Выпуск 25

ISSN 2076-3468

9 772076 346009

THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

INSTITUTION «BELARUSIAN ARCHIVAL SCIENCE AND RECORDS
MANAGEMENT RESEARCH INSTITUTE»

ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION

THE BELARUSIAN ARCHEOGRAPHICAL YEAR-BOOK

Founded in 2000

Volume 25

Minsk
2024

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

УСТАНОВА «БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ»

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 25

Мінск
2024

УДК 930.25(476)(058)

У дваццаць пятым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» змешчаны артыкулы па археаграфіі, архівазнаўстве, крыніцазнаўстве, гісторыі архіўных і навуковых устаноў Беларусі. Публікуюцца дакументы па гісторыі архіваў Беларусі канца XVI — пачатку XVII ст. Змешчаны даклады, прадстаўлены на круглым stole з міжнародным удзелам «200-годдзе беларускай археаграфіі», які быў прысвечаны выданню ў 1824 г. падрыхтаванага гомельскім прагаіерэем а. Іаанам (Грыгаровічам) зборніка дакументаў «Беларускі архіў старажытных грамаг».

Штогоднік прызначаны для археографіаў, архівістаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, філалагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДЦДАС

Рэдакцыйная калегія:

Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), А. Л. ВОІНАЎ, Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА,
Р. С. ЖАЎНЯРКЕВІЧ, С. М. КАШТАНАЎ, В. А. КОСМАЧ, М. В. ЛАРЫН,
В. Л. НАСЕВІЧ, В. С. ПАЗДНЯКОЎ (адказны сакратар), А. Я. РЫБАКОЎ,
І. В. САВЕРЧАНКА, С. В. КУЛІНОК, А. М. САРОКІН,
А. У. ХМЯЛЕЎСКАЯ, М. Ф. ШУМЕЙКА

Рэцэнзенты: доктар гістарычных навук, дацэнт *А. А. Мязельскі*,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт *В. Л. Насевіч*

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 4 ліпеня 2005 г. № 101 (у рэдакцыйнага загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 2 лютага 2011 г. № 26) «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навук

© БелНДЦДАС, 2024

АРТЫКУЛЫ

*М. Ф. Шумейко,
ведущий научный сотрудник
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
кандидат исторических наук, доцент;
e-mail: jesti@inbox.ru*

**ВОПРОСЫ АРХЕОГРАФИИ
НА ПЕРВОЙ ВСЕБЕЛОРУССКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
АРХИВНЫХ РАБОТНИКОВ**

(к 100-летию созыва конференции)

В мае 2024 г. исполнилось 100 лет со дня созыва Первой всебелорусской конференции архивных работников, сыгравшей важную роль в деле становления и развития архивного дела в республике. Созванная в условиях произошедшего так называемого первого укрупнения Беларуси, изменения административно-территориального деления, что напрямую влияло на организацию сети архивных учреждений, конференция, тем не менее, не ограничилась рассмотрением вопросов только организационного характера. На ней обсуждались и проблемы архивоведения, включая архивное право, делопроизводства, археографии, подготовки кадров архивных работников и др.

Характерной особенностью конференции (в некоторых документах она именовалась даже архивным съездом) являлся плюрализм мнений ее участников при рассмотрении тех или иных вопросов, чего нельзя сказать о последующих аналогичных форумах. Да и формат последних — совещания, а не конференции — не предполагал такого широкого представительного состава, как это имело место на конференции 1924 года. Все это следует иметь в виду, говоря о значении конференции, ее роли, в становлении и развитии архивной службы республики.

Первым историографом конференции стал один из инициаторов созыва и активный ее участник, ректор БГУ академик В. И. Пичета (1878—1947), оперативно откликнувшийся в органе Центрархива РСФСР, журнале «Архивное дело», носившей информационный характер статьей о белорусской архивной конференции [11]. Через четыре десятилетия в преемнике «Архивного дела», журнале «Вопросы архивоведения», появилась подобная же статья одного из руководящих работников Архивного управления при Совете Министров БССР [13]. С созданием в декабре 1991 г. отраслевого научно-исследовательского центра документоведения и ретрoинформации (архивного дела) в материалах его первой научной конференции, состоявшейся 1—2 декабря 1993 г., также присутствовала источниковедческая по названию статья сотрудника центра, посвященная конференции 1924 года [4]. Упоминание об архивной конференции 1924 года с некоторыми элементами анализа обсуждавшихся на ней вопросов археографического характера (чего вообще

не было в вышеупомянутой предыдущей статье!) содержались в ряде статей и других участников конференции 1993 года [3; 7].

И, наконец, в 1999 году автор этих строк реализовал через три четверти столетия замысел участников архивной конференции 1924 года, издав в форме отдельной книги, к счастью, сохранившиеся ее материалы (протокол заседания, резолюции, тексты некоторых докладов и анкеты делегатов) [10]. Изданию предшествовала подготовленная им же публикация в общесоюзном продолжающемся археографическом издании одного из основных источников археографического характера — доклада Д. И. Довгялло «Археографические работы в Белоруссии», прозвучавшего на конференции [11].

В последующих работах автора настоящей статьи, носивших как научный, так и учебный характер, также присутствовала информация об архивной конференции в форме отдельных лекций (параграфов) [14; 15].

Таким образом, можно говорить о достаточной степени изученности археографического сегмента архивной конференции. Тем не менее, остаются вопросы, выпавшие из поля зрения авторов, которые, на наш взгляд, представляют научный и практический интерес. Они особенно актуализировались в связи с организацией и современным состоянием археографической деятельности в республике, повышением роли в этом архивных учреждений, формированием методической базы в области археографии, появлением так называемой электронной (компьютерной) археографии и др.

Попытка рассмотреть эти вопросы через призму анализа событий вековой давности и является целью настоящей статьи.

Одним из первых (по времени происхождения) источников, свидетельствовавших о намерении руководства архивной службы Беларуси обсудить на конференции наряду с другими и археографические проблемы, является письмо заведующего Централхивом Д. Ф. Жилуновича на имя заведующего Могилевским губернским архивом Д. И. Довгялло от 28 февраля 1924 г. В нем, помимо информации о намечаемом на первые числа апреля 1924 г. «совещании [здесь и далее выделено мною. — М. Ш.] архивных работников Беларуси», содержалось предложение адресату подготовить доклад об археографических работах в Беларуси, «сделав обзор предшествовавшим археографическим работам, необходимость таких работ, их возможность при современном состоянии архивов и пути для их осуществления» [5, л. 5]. Одновременно руководитель Централхива просил сделать доклад и об архивных описях. Ответ Д. И. Довгялло последовал незамедлительно, 6 марта 1924 г.*:

* Напомним, что за три дня до этого, 3 марта 1924 г., Президиум ВЦЦИК принял постановление «О передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением», в соответствии с которым из состава Гомельской губ. в БССР передавались Могилевский, Рогачевский, Быховский, Копытовичский, Чериковский и Чаусский уезды, а также ряд волостей Речицкого уезда, а из состава Смоленской губ. — Горелкицкий и часть Мстиславского уездов с г. Мстиславлем (СУ РСФСР. 1924. № 24. Ст. 237).

«Выражаю свою полную готовность принять участие в апрельском *совещании* архивных работников Беларуси и согласие пред [о]ставить для этого *совещания* намеченные Центрархивом доклады: а) об археографических работах и б) архивных описях» [5, л. 6].

Здесь важно отметить, что инициатива подготовки доклада об археографии исходила от Центрархива, а не от В. И. Пичеты, поскольку в его статье, в некоторой степени инициировавшей созыв конференции и содержавшей примерную повестку дня ее работы, присутствовала лишь фраза самого общего характера: «Цэнтрархіву трэба наладзіць выдавецкую працу» [12].

Д. И. Довгялло просил Центрархив взять на свой счет расходы по командировке, «т. к. Могилевский архив никакими ресурсами пока не располагает». В том, что это соответствовало действительности, убеждает хотя бы тот факт, что письмо написано на обороте бланка Виленской археографической комиссии, председателем которой Д. И. Довгялло был вплоть до прекращения ее деятельности летом 1915 года (т. е. в архиве не было даже чистой бумаги для ведения делопроизводственной переписки).

В дополнение к своему письму от 28 февраля Центрархив проинформировал 24 апреля Д. И. Довгялло о точной дате пока что еще планировавшегося *совещания* — 12 мая 1924 г. и сообщал об оплате расходов по командировке. В письме указывался также адрес проживания делегатов — Дом работников просвещения (Коммунистическая (бывш. Юрьевская), дом 19) [5, л. 8].

В дальнейших материалах и прежде всего протоколе заседаний формата форума именуется как конференция (В. И. Пичета в своем приветствии при открытии конференции назвал ее даже «съездом архивных деятелей Беларуси»), поэтому далее она так и будет именоваться.

Следует отметить, что археографическая тема на конференции прозвучала уже в первый день ее работы, в докладе о деятельности Центрархива РСФСР, с которым выступил представлявший орган архивного управления России, одновременно занимавший должность ректора БГУ В. И. Пичета. «Издательская деятельность Центрархива, — отмечал он, — была поставлена довольно широко. В издательском подотделе научно-теоретического отдела [его с сентября 1923 г. возглавлял В. И. Пичета] рассматривались и обсуждались вопросы об издании архивных материалов, и благодаря Госиздату нам удалось широко развить издательскую деятельность. Были изданы материалы Третьего отделения, в которых имеется, между прочим, масса данных о крестьянских волнениях в Белоруссии. Нами был задуман журнал «Архивное дело» [2], первый номер которого уже вышел» [10, с. 18].

Вопросов публикации документов архивными учреждениями на примере Витебского центрального архива древних актовых книг касался в своем докладе «Об архивах и архивной работе в Витебской губ.» и недавний руководитель Витебского губернского архива, возглавивший до 1922 года и местное отделение Московского археологического института, Б. Р. Брежто. При этом он без

ссылку на источник утверждал: «Мысль об отдельном издании актов, хранящихся в Витебском центральном архиве, принадлежала министру внутренних дел П. А. Валуеву, который, признавая полезным для сбережения заключающихся в Витебском центральном архиве документов от всяких случайностей, предполагал поставить в обязанность архива издавать печатно все те материалы, которые могут относиться до исторического быта белорусского края» [10, с. 59].

В другом своем докладе «Сдача, прием, размещение и хранение архивных материалов в Белоруссии» Б. Р. Брежто также, хотя и косвенно, затрагивал проблемы камеральной археографии, увязывая их с обеспечением сохранности архивных документов: «...надежно охраной документов является также составление и печатание описей» [10, с. 115]. Правда, он не развивал эти мысли, учитывая то, что «по ним, как видно из повестки дня конференции, будут сделаны специальные доклады» [10, с. 115].

Разумеется, Б. Р. Брежто имел в виду вышеупомянутые доклады Д. И. Довгялло, к рассмотрению которых переходим далее.

Если в докладе «Об архивных описях» руководитель Могилевского исторического архива акцентировал внимание коллег на важности работы по составлению научных описаний архивных фондов, которые, будучи изданными, дадут «широкий простор историку-исследователю и каждому общественнику без труда отмечать все, нужное для познания прошлого», то в докладе «Археографические работы в Белоруссии» (с ним Довгялло выступал на 4-м утреннем заседании конференции 14 мая) была предпринята попытка дать исторический обзор археографической деятельности, дополненная соображениями методологического и методического характера. Доклад был структурирован по пяти разделам: 1. Перерыв (с 1915 г.) археографических работ в Белоруссии и необходимый их охват (архивы, рукописные отделы библиотек и музеев). 2. Исторический обзор археографических белорусских изданий. 3. Типичные издания по белорусской археографии. 4. Необходимость в археографическом издании в настоящий момент жизни Беларуси. 5. Замечание о методе работы.

Первый раздел носил методологический характер, в нем Д. И. Довгялло сформулировал определение археографии как научной дисциплины и сферы практической деятельности, не сводя ее лишь к эдиционному направлению. Вполне в духе современного широкого толкования археографии как научной дисциплины историко-филологического характера, призванной вводить в научный оборот исторические документы на этапе их поиска и выявления (полевая археография), описания (камеральная) и публикации (эдиционная). Д. И. Довгялло утверждал: «В собственном смысле археография обнимает описание и научное издание в печати разных архивных материалов, служащих историческими первоисточниками» [10, с. 91]. Но последние могут храниться не только в одних архивных учреждениях, но и в рукописных отделениях библиотек и музеев, о чем, конечно же, не мог не знать докладчик, имевший с 1903 года отношение к деятельности Виленского центрального архива древних актовых книг и Вилен-

ской публичной библиотеки. В рукописном отделении последней хранились многие уникальные документальные памятники, выступавшие как в качестве объекта описания, что представляло собой камеральное направление в археографии, так и публикации, представлявшей эдиционное направление.

С учетом этого обстоятельства Д. И. Довгялло называет во втором разделе доклада наряду с сугубо документальными сборниками, готовившимися Витебским центральным архивом древних актов книг, Виленской археографической комиссией, управлением Виленского учебного округа, и издания камерального типа, характерные для виленских Центрального архива [8] и Публичной библиотеки [9]. Здесь же он упоминает и еще одно учреждение в Минске, которое «интересовалось между прочим, и археографией, именно церковный музей. В выпущенных под ред. Д. В. Скрынченко трех выпусках «Описания церковно-археологического музея и его рукописного отделения» дан целый ряд интересных археографических материалов» [10, с. 93].

В разряд археографической продукции Д. И. Довгялло зачисляет и подготовленное А. П. Сапуновым описание Полоцкой духовной консистории, собственные описания архива Лепельского городского управления, усадебного архива в имении Бешенковичи Лепельского уезда, напечатанные в Трудах Археографической комиссии Московского археологического общества, и др.

Второй и третий разделы доклада представляли собой краткий очерк истории белорусской археографии. Ее родословную Д. И. Довгялло ведет с «Белорусского архива древних грамот» И. Григоровича, изданного в 1824 году. Назвав в третьем разделе изданные в 1843 году в Вильне «Собрание древних грамот и актов городов Вильно, Ковно, Трок...», в 1848 году в Минске аналогичное «Собрание древних грамот и актов городов Минской губ...», инициированное И. Григоровичем пятитомное издание Санкт-Петербургской Археографической комиссии «Акты Западной России» (1846—1853 гг.) как своего рода продолжение «Белорусского архива древних грамот», во втором разделе Д. И. Довгялло отмечает, что «систематически археографические работы велись в Витебском центральном архиве древних актов книг с 1870 по 1903 г., когда последний был перевезен в Вильно и слит воедино с Виленским центрархивом». В то же время он отдает Вильне приоритет в ведении археографической деятельности, где она началась «гораздо раньше» и была поставлена «много шире».

Очерк истории белорусской археографии, несмотря на свою краткость, давал, тем не менее, представление об основных этапах становления и развития археографии в белорусском регионе в XIX — начале XX в. и, кроме того, был свободен от ряда ошибок, которые имели место в книге В. И. Пичеты «Введение в русскую историю (источники и историография)» (М., 1922. С. 26)*.

* Напр., В. И. Пичета ошибочно называет 23 вместо правильных 32 томов «Историко-юридических материалов», изданных Витебским центральным архивом, 38 вместо 39 томов «Актов Виленской археографической комиссии».

Четвертый раздел доклада носил постановочный характер. В нем Д. И. Довгялло демонстрировал обязательную для того времени значимость владения марксистской методологией в деле публикации исторических источников: «На ближайшей очереди масса документов чрезвычайно ценных, без которых не может быть поставлено правильно и всесторонне освещено прошлое белорусского народа, особенно под углом марксистской точки зрения» [10, с. 94]. Вместе с тем он обращал внимание на одну из важнейших функций, которую призвана исполнять археографическая публикация, а именно — проверочную. По его мнению, она представляла особую актуальность в условиях проявления внезапного влияния, оказываемого на археографов, работавших до революции. «Не требует доказательств то мнение, что три кита лежали в основе казенных изданий по истории: православие, самодержавие и великорусская народность. ... Отсюда для беспристрастной истории белорусского народа обнаруженные исторические материалы прежде всего недостаточны по своей неполноте» [10, с. 94—95].

Далее, опять же апеллируя к марксистскому методу исследования, требовавшему, по словам автора доклада, «нового пересмотра исторических первоисточников», Д. И. Довгялло предлагал печатать в первую очередь материалы, освещавшие «подлинную жизнь белорусского народа, его экономику, его юридическое положение и культурный рост», что ярко отражало бы «состояние классовой борьбы».

Пятый раздел и по названию, и по содержанию носил методический характер. Опираясь на опыт возглавляемой им в последний период существования Виленской археографической комиссии, а также императорского Русского исторического общества, давшего своими изданиями Литовской метрики образцы археографической продукции, Д. И. Довгялло считал в качестве первого базисного положения методического характера для белорусской археографии публикацию текстов исторических документов «только лишь в полном виде, без самонаименных изменений или выпусков, а тем более добавлений» [10, с. 95]. Вторым требованием методического характера докладчик полагал наличие определенного плана работы, который гарантировал бы выпуск «самонужнейших для разработки истории белорусского народа материалов». Таким образом, выбор объекта публикации Д. И. Довгялло напрямую связывал с историографическим фактором. Однако не игнорировал он и архивоведческий фактор, особенно для документов XIX—XX вв., отмечая наличие в губернских архивах инвентарей 1842—1858 гг., уставных грамот и дел, связанных с освобождением крестьян в Беларуси, а также «материалов по революционному движению в Беларуси в 1904—1906 гг. и далее».

Как и в докладе «Об архивных описях», в пятом разделе археографического доклада Д. И. Довгялло вновь обращается к камеральной археографии, опираясь опять-таки на опыт виленских археографической комиссии и центрального архива, занимавшихся «работами по описанию документов». «Мы полагали бы необходимым, — отмечал он, — в целях дальнейшего планомер-

ного осуществления задачи по белорусской археографии, чтобы все архивы безотлагательно стали работать над составлением описей и притом в такой форме, которая обеспечивала бы возможность печатания их с пользой для научной работы по истории белорусского народа. Эти описи должны дать возможность научным исследователям изучать свою тему не односторонне, а иметь для нее исчерпывающий материал» [10, с. 96].

В заключении раздела Д. И. Довгялю обращает внимание на ряд организационных вопросов, решение которых, по его мнению, будет содействовать развитию белорусской археографии. Он предлагает создать при Минском центральном архиве, в котором должны быть сконцентрированы секретные архивные фонды со всей Беларуси, издательство, занимающееся публикацией документов: «Самым подходящим местом для издания археографических работ нужно считать Минск, как центр научно-политический. Университет Белоруссии может особенно близко стать к этой работе как учреждение, наиболее заинтересованное в наличии свежих архивных материалов по вопросам белорусской культуры как для научных исследований, так и для студенческих семинаров» [10, с. 96].

Как видно, в докладе не называлась форма, в которой должна была вестись археографическая работа, в то время как протокол зафиксировал не вошедшее в текст устное добавление, сделанное докладчиком. Оно очень важно, потому приведем его полностью: «Сканчываючы свой даклад, Дз. І. Даўгяля дабаўляе, што патрэбна ў Менску зладзіць археографічную камісію, якая б пачала палгатоўку матэрыялаў для выдання матэрыялаў па гісторыі Беларусі і гэтым самым працягнула тую працу, якая праводзілася да рэвалюцыі» [10, с. 39].

Выступивший первым в прениях по докладу В. И. Пичета полностью одобрил вносимые Д. И. Довгялю предложения методического характера, указав, что его предыдущие издания «получили большой интерес для исторической науки». Вместе с тем он отметил, что для ведения археографической работы «необходима поддержка ЦИК и других учреждений, и надеюсь, что они пойдут навстречу» [10, с. 39].

Состоявшийся затем обмен мнениями, касавшийся основных положений доклада, между М. В. Мелешко и Д. Ф. Жилуновичем свидетельствовал о сомнении (со стороны Мелешко) вести археографическую работу при отсутствии многих архивных фондов белорусского происхождения, а также описей дел, о желательности привлечения Истпарта к археографической работе. Д. Ф. Жилунович был настроен более оптимистично, нежели его заместитель, несмотря на имевшие место проблемы организационного и финансового характера. Принятая по его предложению резолюция по докладу Д. И. Довгялю носила достаточно общий характер. В ней отмечалось в целом позитивное значение документальных публикаций, предпринятых до революции, однако указывалось, что они не охватывали XIX—XX вв. и, кроме того, часть их страдала неполнотой и тенденциозностью. С учетом данных обстоятельств было принято решение как можно оперативнее приступить к изданию документов по изу-

ченко истории белорусского народа в XIX—XX вв., которые представляют наибольший интерес по истории Беларуси [10, с. 52, 53].

Что касается формы организации археографической деятельности, о чем говорил в дополнении к докладу Д. И. Довгялло, то о ней не было речи в резолюции архивной конференции. Однако предложение о создании археографической комиссии прозвучало в его докладе, хотя и не попало в резолюцию конференции.

Вероятно, не без влияния доклада Д. И. Довгялло на конференции и благодаря его научной и организаторской деятельности археографическая работа в республике получила организационное оформление. Руководство ею было возложено на историко-археологическую секцию Инбелкульту, созданную через полгода после архивной конференции, 24 февраля 1925 г. и возглавляемую ректором БГУ академиком В. И. Пичетой [15, с. 244]. С переездом летом—осенью 1925 года в Минск Д. И. Довгялло из Могилева и М. В. Довнар-Запольского из Баку оба ученых включились в работу вначале секции, а затем — одноименной комиссии, созданной в ее структуре 1 октября 1925 г. (М. В. Довнар-Запольский в качестве председателя, а Д. И. Довгялло — ученого секретаря).

Обо всем этом Д. И. Довгялло говорил, выступая 14 ноября 1930 г. на заседании Белорусского отделения Всесоюзного научного общества историков-марксистов в рамках дискуссии о положении на историческом фронте и задачах общества. Разумеется, его выступление с учетом сложившейся в это время ситуации в республике (вынужденный отъезд, а фактически высылка осенью 1926 года из Беларуси М. В. Довнар-Запольского, арест в сентябре 1930 года В. И. Пичеты и других историков) требует критического к себе отношения: выступавший пытался всячески принизить свою роль в организации и деятельности возглавляемой М. В. Довнар-Запольским историко-археологической комиссии, представить себя исключительно лишь исполнителем указаний обоих ученых-историков. «Мяне, напрыклад, — гаворил он, — прымуслі займацца тым, каб я выдзяліў дакуманты, якія адносяцца да гісторыі гарадоў, тых выданні, якія паказвалі б нам законадаўчы кодэкс, які быў ў штодзённым ужыванні магістрату» [6, л. 111].

Выступавший с заключительным словом секретарь Общества М. С. Югов (возглавлял аспирантуру БГУ) подверг острой критике выступление Д. И. Довгялло, говоря едва ли не его же словами на архивной конференции о значении издания документов «под марксистским углом зрения»: «Г. Довгялло гаворил, что его посадили в археографическую комиссию и что он должен был издавать акты старожитности, и отсюда были его ошибки. Я думаю, что общество историков-марксистов разделит мое мнение о том, что это было самое лучшее использование комиссии именно на актах старожитности. Напрасно некоторые думают, что нам не нужно издавать акты старожитности, напрасно некоторые думают, что мы отказываемся от изучения древних и средних веков. Все эти вопросы мы должны и будем разрабатывать

под марксистским углом зрения [выделено мною. — *М. III.*] и потому нам нужно проделать большую археографическую работу» [6, л. 122].

Возвращаясь к конференции 1924 года и оценивая ее роль и значение в белорусской археографии, нельзя не отметить, что она демонстрировала собой пример продолжения традиций, заложенных И. И. Григоровичем в 1824 году изданием «Белорусского архива древних грамот» и развитых Витебским центральным архивом древних актовых книг, Виленской археографической комиссией. Пятый раздел прозвучавшего на конференции доклада Д. И. Довгялло «Археографические работы в Белоруссии» являл собой, на наш взгляд, первую попытку в деле формирования отсутствовавшей тогда в СССР методической базы в области археографии.

Говоря об активной деятельности современных архивных учреждений в сфере практической археографии, нельзя забывать о том, что ее истоки лежали в событиях столетней давности и во многом были связаны с Первой всебелорусской конференцией архивных работников.

Литература и источники

1. Доклад Д. И. Довгялло «Археографические работы в Белоруссии» на I всебелорусской конференции архивных работников // Археографический ежегодник за 1994 год. — М.: Наука, 1996. — С. 321—328.
2. Журнал «Архивное дело»: Систематический указатель к журналу, составленный проф. В. К. Лукомским / сост. В. Г. Бухерт. — М.: РГГУ, 2023. — 1 файл PDF: 71 с. Текст: электронный.
3. Крючек, П. С. М. В. Довнар-Запольский как археограф / П. С. Крючек // Тэзісы Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі «Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі: стан і перспектывы». — Мінск, 1993. — Ч. 1. — С. 71—74.
4. Макаревич, А. Ф. Материалы Первой всебелорусской конференции архивных работников как источник по истории организации архивного дела в республике / А. Ф. Макаревич // Тэзісы Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі «Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі: стан і перспектывы». — Мінск, 1993. — Ч. 1. — С. 3—11.
5. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 63.
6. НАРБ. — Ф. 1449. Оп. 1. Д. 15.
7. Нестерович, Ю. В. Традиции и некоторые особенности развития белорусской археографии / Ю. В. Нестерович // Тэзісы Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі «Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі: стан і перспектывы». — Мінск, 1993. — Ч. 1. — С. 69—71.
8. Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. — Вильна, 1895—1906. — Вып. 1—5.
9. Опись документов Виленского центрального архива древних актовых книг. — Вильна, 1901—1913. — Вып. 1—10.
10. Первая всебелорусская конференция архивных работников. 12—15 мая 1924 г.: Док. и материалы. — Минск: БелНИИДАД, 1999. — 148 с.
11. Пичета, В. И. Первая всебелорусская архивная конференция / В. И. Пичета // Архивной дело. — 1925. — Вып. 2. — С. 144—146.

12. Пічэта, Ул. І. Чарговыя заданні архіўнай справы на Беларусі / Ул. І. Пічэта // Савецкая Беларусь. — 1924. — 31 студз.
13. Шорохов, Е. Ф. Конференция белорусских архивистов в 1924 году / Е. Ф. Шорохов // Вопросы архивоведения. — 1965. — № 3.
14. Шумейка, М. Ф. Археография: Курс лекций / М. Ф. Шумейка. — Минск: БГУ, 2005. — С. 195—200 (Лекция 12. Проблемы археографии на Первой всебелорусской конференции архивистов).
15. Шумейка, М. Ф. Белорусская археография в XIX—XX вв.: (Проблемы теории, истории, методики) / М. Ф. Шумейка. — Минск: БелНИИДАД, 2007. — С. 239—244. (Параграф 3.2. Вопросы археографии на Первой всебелорусской конференции архивистов).

Артывкул пастануты ў рэдакцыю 15.04.2024.

Т. Д. Гермоич,
доцент кафедры источниковедения исторического факультета
Белорусского государственного университета;
e-mail: tat.gemovich@gmail.com

БРОНИСЛАВ УССАС — ХРАНИТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА в г. МИНСКЕ (1919 ГОД)

В 1997 году в работе М. Ф. Шумейко «Собрать расселянное. О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем» впервые была приведена информация из записки М. В. Мелешко уполномоченному НКВД при правительстве Беларуси от 22 сентября 1928 г. об обстоятельствах, связанных с укрытием части белорусских архивов, которые подлежали передаче Польше по условиям Рижского мирного договора 1921 года и последующего Генерального соглашения от 16 ноября 1927 г. [1, с. 31]. В этой записке М. В. Мелешко писал: «Поляки, конечно, знают какие архивы от царского правительства остались в Минске; кроме того, во время польской оккупации, по некоторым сведениям, заведовал Минским архивом кс. Усас, а также некий Баранцевич, которые сейчас находятся в Польше и могли сообщить польской делегации нужные сведения...» [11].

Несмотря на сложную судьбу Бронислава Уссаса, полную событий, достойных сюжета приключенческого романа, публикации о его жизни и деятельности немногочисленны. Так, автор настоящей статьи, при подготовке в 2006 г. статьи для «Белорусского археографического ежегодника» о реституции архивных документов, столкнулась с практически полным отсутствием в отечественной историографии информации об упомянутом «кс. Усасе» и его деятельности в качестве заведующего Минским архивом [2].

Между тем, личный архив Б. Уссаса сохранился и доступен в отделе рукописей библиотеки Люблинского католического университета. В 1979 году Д. Дзерзковска и Х. Маньковска представили краткую характеристику его состава [3]. В личном фонде Б. Уссаса хранятся личные документы, личная переписка с многочисленными культурными и научными деятелями, научные работы, уникальные воспоминания о его жизненном пути и др. Частично воспоминания Б. Уссаса опубликовала Р. Зенюк на информационном портале catholicnews.by [4]. Переписка и ряд других документов из «Личного собрания кс. Б. Уссаса» были использованы в статье Э. М. Зюлек [5].

Отдельные документы о жизни и деятельности Б. Уссаса сохранились в российских архивах, в связи с тем, что он родился, жил, учился и с 1921 по 1924 год возглавлял созданные для реализации положений Рижского мирного договора Польское отделение Ревиндикационной и Специальной комиссий в Санкт-Петербурге. В публикации М. Н. Корневой «К биографии коенда Бронислава Уссаса» приводится информация из личного дела Б. Уссаса в составе фонда «Канцелярии Митрополита римских католических церквей в России» Российского государственного исторического архива [6]. Также в фонде 111 ГАРФ «Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде

(охранное отделение) при Петроградском градоначальнике» нами было выявлено личное дело за 1907 год «Усас Бронислав Матвеевич, кличка “Фонарный”».

Особый интерес для исследования истории становления архивных учреждений представляет период жизни Б. Уссаса с марта по июнь 1920 года, когда он в г. Минске выполнял обязанности хранителя государственных архивов. В отделе рукописей библиотеки Люблинского католического университета сохранились его воспоминания и также перечень фондов, которые он взял под опеку в г. Минске. Фактически это первое документальное свидетельство о составе архивных фондов, сохранившихся после революционных событий и оккупаций в г. Минске. Сведения, указанные Б. Уссасом, можно сопоставить с информацией, которую приводит в конце 1920 — начале 1921 года Н. П. Шкляев, ставший после возвращения Советов в г. Минске заведующим минскими архивами при Подотделе охраны памятников искусства и культуры Наркомпроса СССР.

Учитывая важную роль Б. Уссаса в сохранении белорусских архивов, а также его активное участие в перемещении документальных собраний в связи с условиями Рижского мирного договора 1921 года, полагаем, что исследователям будет небезынтесна судьба харизматичного архивиста ксендза Бронислава Уссаса. Выявленные в архивах документы позволяют нам приблизиться к тому, чтобы «сделать забытое незабываемым» и отметить вклад Б. Уссаса в сохранение документального наследия.

Бронислав Методий Уссас родился в г. Петербурге 30 июня 1885 г. Его отец Матеуш Уссас был известным доктором, мать Алина происходила из рода Савицких из Могилевщины. Имя Савицких было конфисковано за участие в восстании 1863—1864 годов. Кроме Бронислава, в семье было еще шестеро детей. В 1903 году Бронислав окончил классическую гимназию. Во времена учебы благодаря учителю истории С. П. Кирсанову он увлекся изучением истории Церкви. В это время он начинает посещать костел св. Екатерины в Петербурге, где знакомится с о. Витольдом Чечотом, прелатом Ежи Матулевичем и со своим духовным наставником о. Эразмом Ключевским.

В 1903 году Бронислав Уссас поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, а также являлся студентом Археологического института. Во время учебы он познакомился с Николаем Пиотровским, с которым в дальнейшем сотрудничал во время работы Специальной комиссии по выявлению польского культурного наследия. Будучи студентом и участвуя в работе студенческого кружка любителей истории, по заданию о. Эразма Ключевского он выявлял и описывал польские культурные ценности, вывезенные Россией после разделов Речи Посполитой.

После окончания учебы Бронислав работал администратором в частной клинике своего отца, продолжая одновременно работу в библиотеках и архивах. Как он отмечал в своих воспоминаниях, «...мой бацька, будучы заснавальнікам Літоўскага таварыства ўзаемнай дапамогі ў Пецярбургу, а так-

сама і я, выхаваныя ў традыцыйных Гаральдзельскай уніі, заўсёды лічылі, што Польшча і Літва павінны быць адной федэратыўнай дзяржавай, а гэўныя варожыя адносіны паміж палякамі і літвінамі ёсць і будуць яшчэ большай крыўдай і няшчасцем для абодвух народаў» [4].

В 1913 году он поступил в Могилевскую римско-католическую духовную семинарию, которая находилась в Петербурге. В феврале 1917 года, спустя год после окончания семинарии, был рукоположен епископом Яном Чеплаком и направлен на пастырское служение в Минский Марининский костел викарием.

Также в этот период о. Б. Уссас был связан с деятельностью Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского. Уже в 1917 году, в конце войны, он провел широкую работу по поиску культурных ценностей, вывезенных из Речи Посполитой. В фондах Люблинского католического университета сохранилась переписка с Е. Лопачинским, о. Я. Стальским, Л. Буйко (Астрахань) и Я. Корженевской. Так, например, Я. Корженевская сообщила, что выявила в Казани документы о восстаниях 1830—1831 и 1863—1864 годов, письма, которые, вероятно, происходили из Радзивилловской библиотеки, библиотеки Станислава Августа, библиотеки виленских иезуитов, собраний Льва Сапеги и т. д. [12].

Во время пребывания в Минске Б. Уссас помогал польским беженцам, преподавал, а также активно участвовал в деятельности различных общественных организаций. Благодаря его содействию Бернардинский костел был возвращен общине верующих.

После восстановления в 1919 году в г. Минске советской власти Б. Уссас был арестован в связи с конфликтом, который произошел в костеле из-за неуважительного отношения к верущим. Большевики заняли помещение костела и сушили в нем женское белье. Из-за возникшей драки и стрельбы Б. Уссас был приговорен к смерти и заключен сначала в Минскую тюрьму, затем переведен в г. Смоленск. Однако после ареста В. С. Мицквичюса-Капсукаса Б. Уссас вместе с другими пленными были обменены большевиками, на литовского коммуниста.

После своего освобождения Б. Уссас оказался в г. Ковно, откуда переезжает в г. Вильно, где встречается с Ю. Пилсудским и рассказывает о судьбе 200 поляков, заключенных в тюрьмах Минска. Записка, которую подготовил Б. Уссас для Ю. Пилсудского, хранится в собрании Архива Института Юзефа Пилсудского в Америке (Archiwa Instytutu Józefa Piłsudskiego w Ameryce) [13].

Благодаря поддержке Ю. Пилсудского, после занятия поляками Минска 8 августа 1919 г., Б. Уссас возвращается к служению в Доминиканском костеле. В этот период, как он пишет в своих воспоминаниях, «я адразу ж аднавіў працу па абудове папамініканскага касцёла. Мяне выбралі ў Раду горада. Амерыканская мсія (American Relief Administration, ARA, — заўв. Р. 3), якая клапацілася пра бедных дзіцей, выбрала мяне сваім упаўнаважаным, а мінскас

насельніцтва — Старшынёй камітэта дапамогі дзецям. Па даручэнні Амерыканскай місіі штодня я карміў на Міншчыне 65 тысяч дзяцей» [4].

С приходом польской администрации в Минске начинается работа по упорядочению сохранившихся архивов. Архивы размещались в здании бывшего Бернардинского монастыря, не были систематизированы и не имели описей. К тому же в здании протекала крыша, и часть документов из-за этого была значительно повреждена.

Как пишет в своих воспоминаниях о. Б. Уссас, «паколькі не было прафесійных архівістаў і немагчыма было заапаганяваць спецыялістаў, па парадзе інжынера і дырэктара Корзана — старшыні мясцовага Аддзела таварыства аховы помнікаў — звярнулася да мяне Грамадзянская адміністрацыя ўсходніх зямель з просьбай заняць пасаду кіраўніка архіва. У адказе я адзначаў, што мне не хапае часу з-за маёй працы ў касцёле, у семінарыі, у камітэце дапамогі дзецям, у саюзе хрысціянскай дэмакратыі — гэта абсалютна не пакідае мне вольнага часу. У выніку я згадзіўся на гэтую пасаду пад умовай, што буду займаць яе да моманту знаходжання адпаведнага спецыяліста. Лістом ад 12 сакавіка 1920 г. Генеральны камісар Адміністрацыі ўсходніх зямель прызначаў мяне кусташам Дзяржаўнага архіва ў Мінску. На гэтай пасадзе я знаходзіўся да моманту выезду з Мінска праз заняцце яго савецкімі войскамі. Маючы ў дапамогу толькі аднаго чалавека, я быў вымушаны абмежаваць працу выключна да перавозкі ў архіў актаў з устаноў былых расійскіх уладаў і іх адпаведнай сарціроўцы. Падрабязную справаздачу аб гэтай рабоце я выслаў у Вільню ў Генеральны камісарыят першага архіўнага аддзела 22 мая 1920 г. Акрамя гэтага асабіста правёў разбор дакументаў, што датычылі скасаваных кляштароў на Міншчыне, якія, на жаль, насілі следы рабаўніцкага гаспадарання маіх папярэднікаў, паколькі ўтрымлівалі недахопы шэрагу дакументаў, вырваных з папак варварскім спосабам» [4].

Отчет Б. Уссаса от 22 мая 1920 г. в Генеральный Комиссариат г. Вильню об архивах учреждений, находящихся в г. Минске, выявлен нами в библиотеке Люблинского католического университета и публикуется впервые. В отчете приводится список архивных фондов, сохранившихся в г. Минске на момент мая 1920 года и взятых под охрану Б. Уссасом [14].

В июле 1920 года после ухода польской администрации Б. Уссас остается в Минске в качестве заместителя Уполномоченного Польского Красного Креста в составе польской делегации по вопросу перемирия. К его обязанностям относились вопросы, связанные с оказанием помощи раненым и военнопленным по возвращению на родину.

После заключения Рижского мирного договора 1921 года Бронислав Уссас возвращается в Петербург. Летом 1921 года, уже находившийся в Петербурге о. Бронислав был назначен экспертом по архивным и библиотечным делам. Вместе с Николаем Пиотровским, которого он знал по учебе, и Эмилием Вежбицким, а также членами Комитета при полной поддержке приходского священника костела св. Екатерины о. Константина Будкевича они организова-

ли тайный вывоз дипломатической почтой реликвий из этой церкви [15]. Одной из самых ценных среди них был гроб с останками короля Станислава Лещинского, а также часть сокровищницы церкви св. Екатерины и часть приходского архива [7]. Однако о. Будкевич в связи с гонениями на католическое духовенство был арестован. Даже после этого, как вспоминал о. Уссас, «за четыре бутылки спирта и некоторую сумму долларов» он купил документы из этого архива у советских чиновников [8].

В ноябре 1924 года по ложному обвинению в жестоком обращении со своими подчиненными ксендз Бронислав Уссас был арестован. На самом деле проблема возникла из-за того, что о. Уссас, узнав, что одна из двух машинисток, работающих в отделении польской делегации в Ленинграде, передает копии секретных польских документов советской стороне, уволил ее с работы. Ему угрожали арестом и судом, несмотря на то что у него был дипломатический паспорт. Однако Уссас был непреклонен и отверг все обвинения, объявив их ложными. Из-за своего упорства он был арестован в ноябре 1924 года. В периодической печати была развернута активная кампания по травле и дискредитации польского священника. На инсценированном процессе 15 апреля 1925 г. о. Уссаса приговорили к 6 годам лишения свободы и штрафу в размере 2000 рублей [9].

В 1924 году советские власти предложили обменять Уссаса и польского консула Лашкевича на двух польских коммунистов Багинского и Вечоркевича. Однако у самой границы, в Столбцах, Багинского и Вечоркевича убили польский полицейский чиновник Мурашко, который считал их изменниками и предателями, заявив, что «выполнил свой патриотический долг» [16].

После неудавшегося обмена заложниками о. Уссас был отозван в Россию. Период до декабря 1925 года он провел в тюрьме в Ленинграде, объявив голодовку. Это привело к публикации в ленинградской «Новой Вечерней газете» заметки о том, что ранее распространенные о нем сведения не соответствуют действительности. В январе следующего года он был перевезен в Лубянский тюрем, а 10 февраля в рамках обмена пленными вернулся в Польшу — больной, с тяжелой формой цинги.

По приезду в Варшаву Уссас был принят на аудиенции тогдашним президентом Республики Польша Станиславом Войцеховским. За все свои действия по спасению польского имущества в России и, в частности, по спасению библиотеки Залуских, он был удостоен Знака Почета.

После выздоровления о. Уссас, кроме пастырской деятельности, занимался и научной деятельностью. Он публиковал статьи о событиях в России, по делу церкви св. Екатерины, о выполнении условий Рижского мирного договора. В 1936 году он опубликовал статью, резюмирующую результаты ревизии [10].

Отец Бронислав Уссас дожил до глубокой старости в Польше, так и не вернувшись в свою епархию, хотя до конца жизни оставался священником Могилевской архиепископии и умер 6 декабря 1977 г. На волне «оттепели» в

1957 году он предпринял шаги при посредничестве Стефана Вышинского получить согласие властей СССР на возвращение в епархию, но запрос был отклонен советскими властями.

Публикуемый ниже отчет Б. Уссаса от 22 мая 1920 г. в значительной мере перекликается с докладными записками Н. П. Шкляева. Так, в одной из них указывалось, что «... в 1921 г. в ведении Минского губархива находились 7 архивных комплексов: 1) Архив б. Казенной Палаты (угол Соборной пл. и Койдановской ул.); 2) Архив б. Губернского правления (Соборная площадь, дом Труда); 3) Архив б. старшего нотариуса окружного суда (Соборная площадь, дом Труда); 4) Архив упраздненных судебных мест (Монастырский переулочок); 5) Архив Контрольной палаты (угол ул. Юрьевской и Петропавловской); 6) Архив Минского дворянства (угол ул. Подгорной и Петропавловской); 7) Духовной консистории (угол ул. Захарьевской и Архиерейский переулочок)...» [17].

Оба архивиста Б. Уссас и Н. П. Шкляев, указывают два основных хранилища в г. Минске, в которых были сконцентрированы архивные фонды дореволюционных учреждений: здание на Кафедральной площади и здание в Бернардинском (Монастырском) переулочке. Из отчета Б. Уссаса следует, что именно он стал концентрировать фонды в здании Бернардинского монастыря, вероятно, присовокупив их к документам Архива упраздненных судебных мест, которое впоследствии, в 1922 г., было определено в качестве здания Централархива БССР. Таким образом, публикуемый ниже документ дает возможность не только уточнить состав архивных фондов дореволюционных учреждений, уцелевших к 1920 году, но и составить представление о формировании первого центрального архивохранилища в г. Минске.

ДОКУМЕНТ

ОТЧЕТ БРОНИСЛАВА УССАСА ОТ 22 МАЯ 1920 г. В ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАРИАТ ОБ АРХИВАХ УЧРЕЖДЕНИЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В Г. МИНСКЕ*

22 мая 1920 г.

№ 20

В Генеральный Комисариат Секция I Отдел Архивов в Вильню

В соответствии с запросом от 2.04 этого года за № 77 сообщая, что в Минске находятся следующие архивы учреждений:

Канцелярии Губернатора, Губернского правления,
Губернского присутствия по земским делам и городским,
Губернского присутствия по военным делам,
Губернского правления по делам земским,
Комитета Всероссийского земского союза,
Минской землеустроительной комиссии.

* Библиотека Люблинского Католического университета. Отдел рукописей (BU KUL). — Rkp 910. K. 339—341. Пер. с польск.

Мещанского управления,
Минской казенной палаты,
Дирекции школ низших,
Губернского статистического бюро,
Управления поветового земства,
Губернского присутствия по крестьянским делам,
Крестьянского банка неэвакуированная часть,
Поветового правления по военным делам,
Контрольной палаты,

Управление Либаво-Роменской дороги (оставшаяся неэвакуированной часть дел Либаво-Роменской и Контроля железной дороги).

Работа начата 1 марта сего года и дала следующий результат:
из упомянутых архивов были перевезены
в здание Окружного суда (Кафедральная площадь) дела учреждений:

Канцелярии губернатора,
Губернского правления,
Губернского присутствия по земским делам и городским,
Губернского присутствия по военным делам,
Губернского статистического бюро.

В здание по-Бернардинского (переулок Бернардинский) — дела учреждений:

Губернского присутствия по крестьянским делам,
Губернского присутствия по делам земским,
Комитета Всероссийского земского союза,
Минской землеустроительной комиссии,
Мещанского правления,
Дирекции школ низших.

Еще не перевезены дела учреждений:

Минской Контрольной палаты (*улица Рейтана — угол Доминиканской*),
Управления поветового земства (...)*,
Крестьянского банка (*улица Мицкевича, 43*),
Поветового правления по военным делам (*улица Шпитальная, [...]****),
Контрольной палаты и Контроля железной дороги (*улица Мицкевича — угол Архирейского переулка*),

Управление Либаво-Роменской дороги (*угол Доминиканской и Рейтана*).

После 1,5 месяца переговоров с властями военными и гражданскими, благодаря энергичной поддержке нашей просьбы Его светлостью Графом Чапским удалось получить разрешение на занятие для архива части здания по-Бер-

* пропущено в документе.

** неразборчиво.

нардинского монастыря. Была построена новая стена в 1,5 кирпича, которая отделила подвал архива от помещения. Работы стоили...*

Перевоз архивов осуществлялся нанятыми фурманками и стоил больших сум, машины же нанять невозможно, в связи с отсутствием таковых и потому до настоящего времени архивы не перевезены. К тому же перевезенные архивы будут в хаотичном состоянии и также это не представляется возможным в связи с теснотой в помещении.

Перевезенные архивы находятся в большом беспорядке, поэтому приводятся в порядок в соответствии с учреждениями. На настоящий момент приведены в порядок дела учреждений.

Канцелярии губернатора,

Губернского правления,

Губернского присутствия по земским делам и городским,

Губернского присутствия по военным делам,

Губернского присутствия по делам земским,

Дирекции школ низших,

Губернского статистического бюро,

Губернского присутствия по крестьянским делам,

Мещанского правления (упорядочены также по годам).

Все архивы будут упорядочены, описаны и расставлены на стеллажи (часть полок уже сделана).

Далее также есть много разных документов, которым также нужно посвятить много времени, чтобы таковые привести в порядок.

Хранитель Государственного архива Б. Уссас

Литература и источники

1. Шумейко, М. Ф. Собрать рассеянное. Ореституции белорусских архивов в прошлом и настоящем / М. Ф. Шумейко. — Минск : БелНИИДАД, 1997.
2. Гернович, Т. Д. Рэстаўтцыя польскай архіўнай спадчыны з БССР у 1920—1960-я гады / Т. Д. Гернович // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Минск : БелНДДАС, 2006. — Вып. 7. — С. 21—35.
3. Dzierzkowska, D., Mańkowska, H. Zbiór rękopisów ofiarowanych przez ks. B. Ussasa Bibliotece Uniwersyteckiej KUL / D. Dzierzkowska, H. Mańkowska // Archiwa, Biblioteki, Muzea Kościelne. — 1979. — Т. 39. — S. 57—62.
4. Зяноч, Р. Мінск і Міншчына ў перыяд 23.ІІ.1917—18.ІІІ.1921 ва ўспамінах княдзя Браніслава Усаса / Р. Зяноч // Партал Catholicnews.by. Анлайн-версія газеты Віцебскай дыяцэзіі «Каталіцкі Веснік» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://catholicnews.by/minsk-i-minshchyna-peryjad-23-ii-1917-18-iii-1921-va-spaminah-ksjandza-branislava-ussasa-chastka-2/>. — Дата доступа: 12.02.2023.
5. Ziółek, E. M. «Sprawa Ussasa». Przyczynek do dziejów Mieszanych komisji reewakacyjnej i komisji specjalnej 1922—1924 / E. M. Ziółek // Teka Komisji Historycznej TN KUL. — 3(18). — 2021. — S. 159—175.

* пропущено в документе.

6. Корнева, Н. М. К биографии ксендза Бронислава Уссаса / Н. М. Корнева // Славянский альманах. — 2005. — № 2004 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-biografii-ksendza-bronislava-ussasa>. — Дата доступа: 09.08.2022.
7. Нилова, В. А., Штакельберг Ю. И. Два польских короля в костеле на Невском проспекте / В. А. Нилова // Славянский альманах. — 2003. — № 2002. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dva-polskih-korolya-v-kostele-na-nevskom-prospekte>. — Дата доступа: 09.08.2023.
8. Gombin, K. Pośmiertne peregrynacje Stanisława Leszczyńskiego. Z dziejów poglądów na szczątki królewskie jako pamiątkę narodową i obiekt muzealny / K. Gombin // Roczniki Humanistyczne. — Т. 48—49 (2000—2002). — З. 4. — S. 185.
9. Дело Уссаса в Ленинградском губернском суде. Стенографический отчет. — Л., 1925.
10. Ussas, B. Piętnasta rocznica traktatu ryskiego. 1921.18/III—1936 / B. Ussas // Przegląd Katolicki. — 1936.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 249. Оп. 4. Д. 6. Л. 14.
12. Библиотека Люблинского Католического университета. Отдел рукописей (BU KUL). — Rkp 790. К. 2—4, 9, 14.
13. Archiwa Instytutu Józefa Piłsudskiego w Ameryce [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://archiwa.pilsudski.org/dokument.php?nonav=1&nra=701&nzesp=2&sygn=18&handle=701.180/7049&seria=0>. — Дата доступа: 01.12.2022.
14. Библиотека Люблинского Католического университета. Отдел рукописей (BU KUL). — Rkp 910. К. 339—341.
15. Ussas, B. Pośmiertne peregrynacje króla Stanisława Leszczyńskiego / B. Ussas // Słowo Wileńskie. — 1938. — № 10.
16. Кровавым подвигам ганов надо положить конец // Новая вечерняя газета. — 1925. — 1 апреля.
17. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 1. Л. 22, 23.

Артыкул напіўтуў у рэдакцыю 26.06.2024.

А. М. Бяляўскі,
 доцент кафедры источниковедения
 Белорусского государственного университета,
 кандидат исторических наук, доцент;
 e-mail: bialiauski@bsu.by

М. Е. Тумаш,
 научный сотрудник отдела публикаций
 Национального архива Республики Беларусь;
 e-mail: m.tumash@narb.by

**«УЗОР, НЕВИДИМЫЙ ИНАЧЕ»:
 ПОВСЕДНЕВНОСТЬ БЕЛУРОСУВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.
 ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ «ПИСЕМ ВО ВЛАСТЬ»**

(по материалам Национального архива Республики Беларусь)

И он, Вилас, записывая и прочитывая разворачивающуюся перед ним драму семейных дел, не имеющую конца трагикомедийно жизни, сознавал, что из совокупности писем складывается картина, видеть которую достоин один он. Он давал переписке течь через сознание, отдельные эпизоды сами находили себе место — как цветные стеклышки в kaleidoscope. Случайные события, бессельная жестокость, необъяснимая доброта, внезапная беда, нежданная щедрость... Вместе взятые, они образовывали некий узор, невидимый иначе. Если бы можно было читать письма всего человечества, составлять бесчисленные ответы за всех людей, он бы увидел мир глазами Бога — и смог бы его понять.

Рохинтон Мистри. «Дела семейные» [6, с. 201].

Один из второстепенных персонажей романа канадского писателя индийского происхождения Рохинтона Мистри, философствующий продавец из бомбейского книжного магазина Вилас Ране, помогающий неграмотным наемным рабочим, приехавшим в город в надежде заработать в доках или на стройке, писать письма домой и читать ответные послания от родных — совершенная метафора архива в современном его понимании. С одной стороны, бережно облекая сбивчивую речь своих «клиентов» в материальную форму литературного письма и превращая в рассказ чернильные знаки на бумаге, он воплощает то свойство архива (по Жаку Деррида), которое канадский же архивист Брайен Бротман охарактеризовал словом «тенсегриту», придуманным в 1920-е гг. знаменитым американским дизайнером Ричардом Бакинстером Фуллером и означающим баланс между сжатием и натяжением архитектурных элементов, обеспечивающим устойчивость общей конструкции [29, р. 74]. Подобным же образом архив может рассматриваться как структура, сбалансированная письмом (как попыткой сжатия, фиксации значения в определенной нормативно установленной знаковой системе, то, что Деррида называл «архи-

вированием») и чтением (как интерпретацией, раскрывающей эту систему). С другой стороны, в своих рассуждениях Вилас приходит к пониманию того, что совокупность эпистолярной всего человечества — другими словами, тотальный архив — образует универсальную картину человеческого бытия, включающую все формы активности человека, ту самую, которую стремилась написать «новая история», начиная с основателей школы «Анналов» Л. Февра и М. Блока, историка коллективной памяти М. Хальбвакса и др.

Постепенно возвращаясь к нарративу и нарративным источникам (мемуарам, дневникам, письмам и другим эго-документам в широком смысле) со второй половины XX в., историки совершенствовали методы их анализа, на что в значительной степени повлияло развитие семиотики и структурной (а затем постструктурной) лингвистики. Эти дисциплины открыли возможности для превращения основного (как считалось историками со времен Леопольда фон Ранке) недостатка таких источников — субъективности — в их преимущество. Новые направления исследований, такие как история повседневности, история ментальности, социальная история, ориентированные на «жизненный мир» рядовых членов общества, все активнее прибегают к произведениям эпистолярного жанра как важной составляющей своей источниковой базы. В отличие от историографии стран Запада, в большей степени ориентированной в этом смысле на личную переписку (Р. Шартъе, К. Дофен, Д. Гербер и др.), в распоряжении историков, изучающих страны бывшего социалистического блока, в особенности СССР, оказался характерный именно для этого региона вид переписки — обращения граждан во властные структуры разных уровней. Особенности государственного устройства и внутренней политики этих стран способствовали значительному развитию переписки граждан с госорганами, отдельными представителями власти, а также редакциями газет и журналов. Более того, центральные власти даже активно стимулировали ее со своей стороны — как средство контроля действий нижних эшелонов управления и для мониторинга настроений рядовых граждан.

На этом пути историки оказываются в тесной зависимости от архивов в самом прямом значении этого слова — государственных учреждений, обеспечивающих сохранность исторических документов. Как один из видов массовых источников, письма образуют «узор, невидимый иначе» только *en masse*, степень их репрезентативности зависит от их количества. Именно поэтому мы вынесли цитату Мистри в заголовок и эпиграф. Нельзя утверждать, что они страдают от избытка внимания историков, но с начала 1990-х гг. российские исследователи опубликовали уже целый ряд сборников документов и отдельных «кейс-стадис» [4: 7, 22; 23; 26; 27]. В Беларуси ситуация выглядит пока скромнее (это обусловлено и более скромными объемами архивных материалов), но несколько важных публикаций необходимо отметить: сборник обращений граждан в государственные органы БССР за 1951 г., подготовленный

А. А. Гужаловским [5], и коллекцию жалоб и заявлений граждан за 1920—1930-е гг. (составитель Н. В. Юркевич, редактор К. И. Козак) [28].

В основном в приведенных примерах исследования построены на основе традиционной исторической критики, для которой в данном случае важны количественные показатели, позволяющие судить о типичности индивидуальных историй из писем. К сожалению, по мере движения по архивным коридорам к современности таких возможностей у исследователей становится все меньше. Дела с «обращениями, заявлениями и жалобами» граждан в фондах белорусских архивов за вторую половину XX в. встречаются спорадически и разрозненно. Остается только надеяться, что в будущем белорусские архивисты пересмотрят свое отношение к этому виду документов, пока что не пользующемуся особым их вниманием.

В условиях трудностей с оценкой репрезентативности в традиционном смысле этих комплексов за указанный период нам представляется потенциально результативным обращение к упоминавшимся выше лингвистическим методам. В русскоязычной историографии таких исследований очень мало (и выходят они из-под пера не историков, соответственно ориентируясь на иные цели [25]), но есть работы наших коллег из дальнего зарубежья, в которых раскрываются возможности новой (для историков) методологии, причем именно на материале писем советских граждан. В частности, в 2009 г. авторитетным английским издательством «Рутледж» в академической серии «Руководство к работе с историческими источниками» («Routledge Guides to Using Historical Sources») выпущен сборник статей «Чтение первичных источников. Интерпретация текстов из истории XIX—XX вв.» под общей редакцией историков из Университета Шеффилда М. Добсон и Б. Зиманна [30]. Во введении авторы предлагают вниманию читателей аналитические стратегии работы с нарративными источниками, основанные на идеях Ж. Деррида, Р. Барта, Х. Уайта, Р. Козеллека, Дж. Г. А. Покока, К. Скиннера и др. Общее в них то, что все они основаны на постструктуралистском понимании языка не как нейтрально-прозрачного медиума в передаче информации, а как самостоятельного актора в дискурсе, конструирующего мир в соответствии с паттернами, которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни. Способы обнаружения таких паттернов в исторических текстах авторы сборника представляют сначала в виде своеобразного «примерного вопросника историка» (обращая внимание на диалоговый характер работы с источниками), а затем в конкретных исследованиях, посвященных отдельным видам нарративных источников. Статью, посвященную изучению эпистолярных источников, написала М. Добсон [30, р. 57—73].

В «вопросник» были включены следующие вопросы:

1. Какие ключевые понятия выражает источник, какие дополнительные смысловые ассоциации они вызывают?
2. Использует ли текст диспропорциональные или бинарные оппозиции?

3. Употребляются ли в тексте метафоры, какую конкретно функцию они выполняют в содержании текста?

4. Содержит ли источник упоминания о рассказчике или читателе?

5. В какой литературной форме изложен текст?

6. Какой «эффект действительности» создает текст?

7. Насколько важен контекст для интерпретации текста? [30, р. 6—15].

В целом такая направленность диалога с источником позволяет историку сфокусироваться на характерном способе передачи и собственной структуре каждого текста в зависимости от жанра вместо того, чтобы пытаться выявить скрытый за искажениями смысл, вложенный автором в текст. Не все из вопросов в равной степени применимы к изучению именно писем, однако некоторые могут быть очень полезны, и мы попытаемся их использовать далее в анализе обращений граждан из фондов Национального архива Республики Беларусь (далее — НАРБ): Комитета народного контроля (дела за 1963, 1964, 1967, 1969, 1970 гг.) [15—19], редакции газеты «Советская Белоруссия» (1986 г.) [10—14]. Кроме того, в предыдущих публикациях мы уже касались писем из фондов народных депутатов (К. А. Абушенко за 1945—1950 гг., В. А. Ключковой за 1970-е гг. и С. И. Костяна за 1990-е — начало 2000-х гг. [1]) и Министерства финансов Республики Беларусь (конец 1990-х — начало 2000-х гг. [2]). Их результаты здесь также будут упомянуты для сравнения.

Начать нужно с того, что, очевидно, мы не можем слишком широко экстраполировать фактологическую часть из писем с учетом того, что не располагаем возможностями независимой проверки историй, излагаемых авторами писем, за исключением документов о рассмотрении заявлений, которые в свою очередь трудно считать идеалом объективности. Но есть другой аспект, на который нужно обратить внимание: подобно тому, как Вилас, хоть и старался быть предельно точным, записывая рассказы своих клиентов, выбирал определенную литературную форму изложения (как в свое время писцы, оформлявшие челобитные), так и авторы заявлений, которые, хотя и не нуждались в посторонней помощи для записи, все же выбирали определенную форму обращения к адресату письма. Сам выбор формы говорит о доверии к ней, ее эффективности с точки зрения просителя из народа. Как правило, это выбор определенного «правильного» образа социальной реальности, к которому апеллировал проситель, при этом, вполне возможно, преследуя свои прагматичные цели.

Если обратиться к идеям одного из важнейших теоретиков концепции «повседневности» М. де Серто [24], то можно объяснить это следующим образом: не обладая своим собственным «местом», возможностью выражать свои требования прямо (как по причинам безопасности, так и по причине отсутствия альтернативного способа высказывания, поскольку «письма во власть» *всегда* писались только одним определенным языком, в смысле структуры, и к этому мы еще вернемся), просители прибегали к тактике «уловок», своеобразной игры на поле противника. Мы попробуем разобрать это на примерах трех

писем. Цитировать их целиком здесь нет возможности, поэтому приводим только наиболее важные для нашего анализа фрагменты.

Первое из них — заявление директора дома инвалидов К.* председателю Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПБ и Совета Министров Совета Министров БССР С. О. Прицьшкору, 1963 г.:

«Убедительно прошу дочитать мое заявление до конца [всего 9 страниц — А. Б., М. Т.]»

Комиссией партийно-государственного контроля при Логойском парткоме от 14/VIII-63 г. я снята с работы. Я считаю неправильным это решение... Я убеждена, что мою судьбу решали равнодушные и очень черствые люди, которые не нашли даже нужным подумать о том, что же будет с коммунистом после этого жестокого, несправедливого «снятия с работы»... Доведенная до отчаяния кляузлами и бездушием руководителей района, я поехала в Минск, чтобы попасть к Вам, Сергей Осипович, и рассказать обо всем... Почему к Вам? Потому что я Вас знаю как первого секретаря Гродненского обкома партии, в то время я работала помощником начальника политотдела Берестовицкой МТС...

Проше убраться К. и временно утихомирить кляузников — так, наверное, думают «снежные люди» — руководство нашего района.

Мне 48 лет, муж погиб на фронте под Москвою в 1942 году. Сама я тоже участница Отечественной войны. Двадцать один год я живу вдовой, вдвоем с очень больной, теперь уже старенькою матерью. Нелегко мне было прожить эти годы, женщине-одиночке, много было тяжелых и горьких минут, но в тяжелое время я всегда чувствовала плечо друга, товарища и брата, а вот в Логойске я этого не почувствовала. Прошу рассмотреть мое заявление и вынести справедливое решение.

Н. К.

26/VIII-63 г.» [15, л. 81—84].

Второе — письмо колхозницы Т. в редакцию газеты «Советская Белоруссия», 1986 г.:

«Пишет вам колхозница к-за «Красный Октябрь»... Обращаюсь к Вам за помощью и надеждой, что Вы сможете мне помочь найти правду... Обращаюсь я к т. Я., но председатель ее даже не захотел выслушать... Я обратилась в райисполком к зам. председателю... Отправила в сельхозуправление к т. О. Он выслушал меня и позвонил т. Я. Я обратилась за помощью к председателю райисполкома..., но он мне не помог.

* Фамилии в письмах из этических соображений мы заменили инициалами. При передаче текстов документов сохранены особенности языка и стиля их авторов. Погрешности текстов (опечатки, явные орфографические и пунктуационные ошибки и др.), не имеющие смыслового значения, устранены без оговорок.

За активное участие в художественной самодельности я награждена грамотами, дипломами и медалью лауреата Всесоюзного конкурса самодеятельного творчества, выступала по областному и республиканскому телевидению. Телевидение приезжало ко мне домой. Я была до глубины души благодарна Советской власти за такую заботу о простом человеке. Нас у матери было шесть детей, мы росли без отца. Мать была членом Компартии Западной Белоруссии, организатором подпольной ячейки нашей деревни. Она всю жизнь мечтала, чтобы получили образование, были счастливыми. Ее расстреляли фашисты в 1942 г. Но мечта её сбылась, многие внуки пооканчивали институты, стали полноправными гражданами нашей страны. У нас есть сейчас все, что необходимо рабочему человеку для полного счастья. Вот поэтому меня до глубины души волнует и возмущает то, что у нас еще есть случаи несправедливости и «барского» отношения к простому колхознику. В то время, когда партия уделяет столько заботы о людях, ставя на первый план человеческий фактор, т. Д. и ему подобные высокомерно возвышают себя над простыми людьми, не желая вникать в заботы и нужды колхозников. У него не хватает теплого слова, он не выслушивает людей. Пишу к Вам с надеждой, что Вы сможете решить наболевшие вопросы. С уважением...» [14, л. 9—11].

И третье — жалоба гражданки М. в редакцию газеты «Советская Белоруссия» (копии были направлены в отдел индпошива одежды Министерства бытового обслуживания населения и директору салона «Мода»). 1986 г.:

«Впервые за всю свою жизнь я обращаюсь с просьбой в такие высокие инстанции. Не скрываю, обратиться к вам меня заставило огромное событие в жизни каждого советского человека нашей страны — XXVII СЪЕЗД КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. Хочу убедиться, как на самом деле осуществляются Постановления ЦК КПСС и Советского Правительства, как реагируют на жалобы наши те, кто обязан выполнять эти постановления.*

6 декабря 1985 года мной было заказано зимнее пальто в салоне «Мода»..., со своего материала у закройщицы К. ... На первой примерке стало ясно, что пальто скроено не по индивидуальной мерке, а по шаблону... Когда я пришла на вторую примерку — пальто оказалось готовым, и кроме того дефекта, что было, оказалась перекошенной вся левая полка...

22 февраля с. г. я, вместе с мужем, пришла забрать пальто, но пальто оказалось на складе готовой продукции, и мне предложили раньше рассчитаться за пальто и «меряйте сколько угодно». После долгих разговоров удалось все же примерить пальто и оказалось, что к пальто только пришли мои туговицы. Закройщица срезала туговицы и путем их перемещения решила исправить брак. Я сказала, что теперь видно, что пальто окончательно испорчено, и что я отказывалась его взять. На что К. с уверенностью сказала

* Прописные буквы сохранены, как в документе.

«пальто возьмешь» и далее «ты посмотри на себя, как выглядишь и в чем пришла» — что я кривоногая и прочее. Я чувствовала себя такой униженной, все это было сказано в присутствии заказчиков, а также моего мужа.

Я не претендую на титул «мисс-Минск». Мне 56 лет, ношу 58 р., вдобавок ко всему я больная женщина (у меня одна почка). Но разве я не имею права за свои деньги сшить себе пальто, чтобы прилично выглядеть...

Такое отношение к заказчику «в чем пришла, в том и уйдишь» я считаю пора прекратить, так как хочу, придя в ателье, чувствовать себя как на празднике, ведь я шью новую вещь, шитая доброкачественно любая вещь приносит каждому из нас огромную радость. Так кто же дал право лишать нас этой радости.

Теперь я иду мимо ателье словно по минному полю и не знаю, где будет последний шаг, зайдя в ателье или же выходя из него.

Я вынуждена обратиться к вам, потому, что теперь начнется игра «кто кого». Я уже научена: одно пальто, которое сейчас ношу испорченное, я взяла — заставили обстоятельства (больна, холодно, носить нечего), обошлось оно мне в 270 рублей. Второе заказала в октябре 1982 года в ателье дома быта... из ткани ателье, уплатив аванс в сумме 150 руб. Пальто испортили. Пера «кто кого» продолжалась до августа 1984 года, пока мне не посоветовали обратиться в Министерство бытовых услуг. Создали комиссию, деньги вернули. Извиниться забыли. Что ждет меня теперь?

Это пальто будет уж стоить 350 рублей.

Так кто же ответит за такую самостоятельность.

[Подпись] (М.)

3.III 1986 г.» [11, л. 5—7].

Ключевым понятием в двух первых примерах является «справедливость»*, что не случайно, учитывая его важность в системе ценностей советских граждан. «социальная справедливость имела такую же значимость, как качественное образование, труд, хорошая обстановка в стране и т. д.» [3, с. 23]. Фактически социальная справедливость связывалась с социалистическим равенством

* Оно присутствует во многих письмах: «Прошу не отказать в моей просьбе и разобраться справедливо... потом будет хуже добиваться справедливости» [Ф. 911. Оп. 6. Д. 1308. Л. 256]; «Я... хочу, чтобы общество было устроено свободно и справедливо... Я... был твердо убежден, что справедливость существует, а сейчас начинаю терять веру в это...» [Ф. 911. Оп. 6. Д. 43. Л. 34]; «Взяться за перо и обратиться к Вам с просьбой о защите от жестокой несправедливости меня заставили люди, которым не по вкусу становилась моя непримиримость к лицам, допускавшим злоупотребления... Еще раз убедительно прошу во имя справедливости поручите разобраться с моей жалобой. Я лично считаю, что ко мне отнеслись бесчеловечно и хочется верить в то, что правда восторжествует» [Ф. 911. Оп. 3. Д. 39. Л. 171, 172 об.]; «Обращаемся к вам со своей болью в сердце и с огромной просьбой помочь нам. Ведь должна где-то существовать правда и справедливость» [Ф. 239. Оп. 5. Д. 26. Л. 10 об.].

вом (между социальными классами и группами: интеллигенцией, рабочим классом и крестьянством; городским и сельским населением, работниками преимущественно физического и преимущественно умственного труда; работниками исполнительского и управленческого труда). «Но такое равенство достигается не благими пожеланиями и административными решениями... а развитием социалистической экономики и культуры... Социалистическое равенство включает равную обязанность всех трудиться по своим способностям, а также равное для всех право получать по труду. Но это равное право не устраняет известного фактического неравенства» [21, с. 245]. Следующей фазой, согласно Программе КПСС, должно было стать коммунистическое равенство, которое «означает, что все люди будут иметь равное положение в обществе, одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда и распределения, будут активно участвовать в управлении общественными делами... воплотится в жизнь основной принцип коммунизма: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям» [21, с. 245].

Однако в большинстве анализируемых писем, авторы которых стараются пользоваться официальным советским дискурсом, заметно, что «справедливость» в основном связывается не с социалистическим равенством, а скорее с той самой «следующей фазой» и с «фактическим равенством» («каждому — по потребностям»), а также с «человечностью». Социальной группой, по отношению к которой наиболее заметны жалобы на ее преимущества, являются «работники управленческого труда». В первых двух из приведенных выше писем выстраивается оппозиция между заявителем и определенной социальной группой — работниками управленческого труда. Другой вариант оппозиции, представленный третьим письмом, — работники сферы обслуживания (что более характерно для писем из фонда редакции газеты «Советская Белоруссия», т. е. 1986 г.).

Обратимся теперь к функции метафор в текстах писем. Весьма любопытна метафора «снежных людей» из заявления директора дома инвалидов. Сейчас такой элемент из дискурса криптозоологии выглядит необычно. Однако именно в те годы тема снежного человека была довольно популярна в Советском Союзе благодаря активности историка, профессора Б. Ф. Поршнев — вплоть до того, что в 1958—1959 гг. поисками реликтовых гоминиоидов некоторое время занимались на уровне АН СССР. Б. Ф. Поршневу и его последователи считали снежного человека деградировавшим неандертальцем (при этом признавая человеком в полном смысле слова только *Homo Sapiens*). В 1966 г. даргинский писатель Ахмедхан Абу-Бакар написал повесть «Снежные люди», экранизированную в 1969 г. «Мосфильмом» («Адам и Хева»). В ней образ каптара — снежного человека — также используется как метафора, отсылающая к культурной отсталости и связи с отжившим прошлым. Использование выражения «снежные люди» в таком значении позволило автору письма решить очень деликатную задачу отделения себя от людей, формально

подобных ей. Автор письма — сама руководитель, пишущий жалобу на других руководителей, по «кляузам» которых она лишилась работы. В данном случае метафора позволяет представить «руководство района» как «деградировавших» советских управленцев, утративших человечность.

Другая метафора из третьего письма — «игра», как нам кажется, проливает свет на представление авторов обращений на функции жалоб в вышестоящие органы. Спор с сестрой о возврате денег за бракованный товар гражданка М. называет «игрой “кто кого”», причем, как выясняется в конце письма, вопреки тому впечатлению, которое она стремится создать в его начале — играет в нее не первый раз и уже знает ее правила. Жалоба в министерство — это проверенный способ достичь победы в игре, окончить ее в свою пользу. В то же время во многих письмах прослеживается негативное в целом отношение к жалобщикам: «За свою жизнь я никогда не жаловался и не писал жалоб, но в данное время меня вынудили взяться за неприятную для меня писанину» [16, л. 33]; «Алексей Алексеевич, я не кляузник и не писака анонимных писем, жизнь меня заставила взяться за перо и обратиться к Вам» [17, л. 40].

Следующий важный аспект, который мы уже фактически затронули, — это позиция рассказчика и читателя в тексте. Представление себя читателю, от которого потенциально зависит решение вопроса, волнующего автора письма, выбор формы обращения к нему выступают едва ли не ключевыми средствами аргументации. Здесь наблюдается устойчивая преемственность обращений как всего советского, так и современного белорусского периодов с традициями челобитных начиная с XVII в., о чем мы уже писали ранее [1]. Для большей наглядности мы дадим выдержки из других писем — думаем, что в трех основных наших примерах читатель легко заметит перечисляемые лексико-фразеологические средства самостоятельно. Широко используются перформативные глаголы* и эмоционально-оценочная лексика**, прямые и кос-

* «Прошу отнестись к моему заявлению чутко... От народных масс ничего скрыть нельзя» [17, л. 40]; «Мы вас просим быстрее разобраться, пока не выписали ордера, потом будет хуже добиваться справедливости» [18, л. 256]; «С трибуны 27 съезда КПСС тов. Горбачев М. С. четко и ясно сказал, что срочно нужно менять стиль работы, перестраиваться, вести борьбу с бюрократизмом, волокитчиками, лицами, нарушающими Закон, и т. д. Для кого это было сказано?... Еще раз убедительно прошу помочь мне добиться справедливости, а не просто впустую пересылать мои письма» [13, л. 12—12 об.].

** «На профкоме директор представила такую характеристику на меня, что и в тюрьму не возьмут...» [15, л. 4—7]; «Мне как коммунисту стыдно слушать нарекания покупателей, что... этот магазин никогда не станет подлинно советским, если Вы в этом не поможете...» [18, л. 46]; «[В]се это делается на глазах людей, партийной организации, но сходит гладко и чисто, безнаказанно. Неужели Вы не примете мер? Но нам остается тогда одно — сообщить обо всем в ЦК КПСС...» [19, л. 185—186]. Ср. с современным письмом: «В случае нерешения нашего вопроса... мы все вынужде-

венные речевые тактики прощения с использованием эмпатических средств*, самоуничижение просителя и возвышение адресата (в советский период место самоуничижения часто занимает причисление себя к «простому народу» и, наоборот, перечисление своих заслуг)**, а также довод сохранения жизни и здоровья***. Во многих случаях все эти приемы используются вместе.

С использованием описанных речевых средств выстраивается композиционная структура писем. В ней нам представляется особенно интересным один элемент, дающий ценную информацию для изучения повседневных представлений наших соотечественников о «хорошей жизни». Это так называемая «ситуация равновесия», нарушение которой становится причиной жалобы, либо достижение которой в перспективе является целью обращения («во власть»). Во многих

ны будем обратиться к Президенту Республики Беларусь, в Конституционный суд, в прессу» [8, л. 69].

* «Уважаемая редакция! Мы обращаемся к Вам, так как считаем, что пресса — самое действенное оружие в борьбе с различными недостатками...» [13, л. 23]; «Здравствуйте, дорогие товарищи! Заранее прошу у Вас прощения за отягоще у Вас время, и очень прошу Вас помочь мне» [11, л. 26]; Ср. из личного фонда С. И. Костяна: *«Помогите решить этот вопрос, ходатайствуйте о том... Буду очень вам признательна и благодарна. Вы моя последняя надежда... Заранее Вам благодарна. Извините за эмоциональность письма, просто во мне говорят материнские чувства...»* [20, л. 54 об.]; *«Если есть у Вас така мажчымасть, паможете, Сергей Івановіч, буду благодарыць пока жывіму, правда, ужо мало асталося...»* [20, л. 27 об.].

** «Прошу Коммунистическую партию как руководящую силу и печать помочь произвести текущий ремонт в Борисовской городской больнице... Беда в том, что Министерства и ведомства — разные, поэтому я обращаюсь к Вам, только Вы сумеете это претворить в жизнь» [13, л. 10]; «Было время, я нёс общественную работу, был профоргом, инспектором по технике безопасности и если мне нищо доверять, я буду выполнять с честью любую работу, как Отец и мой братишка защищали родину от немедяк захватчиков, братишка погиб, отец инвалид Отечественной войны...» [18, л. 256]; «Я рядовой человек, не имею высокой должности и известного имени, не обличенным никакими званиями, кроме одного, но вполне достаточного — гражданина Советской страны, строителя светлого будущего для народа» [17, л. 34].

*** «Я, пенсионерка, с 1930 г. рожд. Проработала 40 лет, живу в д. Шэнькшлица 18 лет... председатель с/с... застрял на грязной дороге... и он нашел выход, остановил бульдозер и очистил себе дорогу около моего забора. Поломал и выкопал всю мою красоту... Скамейка также лежала поломанная... Я как приехала с Минска, в меня чуть не стал инфаркт. Я так была разволновалась, что во время войны, когда меня немец вел на расстрел, я не была такой расстроенной...» [12, л. 23—24 об.]; «Я, А., инвалид 2-й группы Великой Отечественной войны, ветеран труда, имеющий сороклетний стаж работы, работающий и сейчас. После войны мы с женой в 1951 году построили частный дом в г. Заславле... помощи у государства мы не просили, строили на свою небольшую зарплату... У меня нет ноги выше колена, сейчас и другая нога заболела, болезней прибавляется с каждым днем, а помощи мне ожидать неоткуда... Мне хотелось бы получить квартиру с удобствами...» [12, л. 25—26 об.].

письмах мы находим описание такой идеальной счастливой жизни советского/белорусского человека. Например, для колхозницы — автора второго письма — это образование и равные гражданские возможности. Для ветеранов, проживших жизнь в тяжелых условиях, — новая квартира: «*Все мы очень радовались и ликovali, что о старой гвардии не забыла партия и правительство, наконец-то мы хоть на старости лет сможем пожить как люди... Наконец пришел для нас долгожданный день и час, 6 марта вывесили списки на получение жилья, первыми заблестали наши фамилии: П., В., Я. Все нас поздравляли, а мы плакали от радости как в день Победы 1945 году. Через три дня наша радость окончилась...*» [12, л. 8—9]. Еще более прозаична мечта гражданки М., заказавшей пальто: возможность приобретать качественные вещи в клиентоориентированном сервисе, как сказали бы сейчас. Очень похоже на нее счастье автора схожей жалобы — автолюбителя, работника тракторного завода «Беларусь», купившего мотоцикл с браком: «*У нас [с женой. — А. Б., М. Т.] двухкомнатная квартира, [в] общем есть все для нормальной жизни... Решили мы купить мотоцикл ИЖ. 2 апреля я оплатил в кассу магазина № 14 1450 руб. и 3 апреля прогнал мотоцикл к дому, соседи поздравили с покупкой, жена осталась довольна внешним видом и цветом мотоцикла и на этом все наши радости закончились*» [11, л. 26]*. Особенно насыщены этим сюжетным элементом обращения граждан о возврате утраченных вкладов из фонда Министерства финансов Республики Беларусь (подробнее см. [2]).

В комплексе разобранные приемы и тактики представления себя как гражданина, достойного внимания и заботы власти, установления эмоциональной связи с адресатом письма, обоснование важности просьбы создают эффект действительности эпистолярного жанра этих источников. Типологическая схожесть общей структуры и составных элементов писем позволяют делать некоторые обобщения относительно «ускользающей и массовой реальности социальной деятельности, играющей с порядком, внутри которого она находится» [24, с. 57]. В ее рамках авторы писем стремятся убедить власть в своей лояльности, приверженности основным ценностям доминирующей идеологии, подтверждают это деталями своей биографии, цитированием базовых идеологем, а также используют различные прямые и косвенные тактики задиривания. В то же время внутри властного дискурса заявители артикулируют отдельные его элементы немного иначе (например, понятие «справедливость»), исподволь перестраивая «под себя» заданное им пространство, что дает нам возможность увидеть особенности работы массового сознания, невидимые из других источников, и отметить устойчивость тысячелетних риторических практик и уловок традиционной культуры, сохранившихся в повседневности белорусов, несмотря на быстрые социальные изменения, происходившие на протяжении последнего столетия.

* Параллельно обращаем внимание на идентичный прием построения рассказа в обоих примерах: поздравления соседей — скорое окончание «радости».

Литература и источники

1. Белявский, А. М., Тумаш, М. Е. «Обращается к Вам Ваш избиратель...»: переписка граждан с депутатами как пример диспропорциональной бинарной оппозиции «письмо — чтение» / А. М. Белявский, М. Е. Тумаш // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы XVI Белорусско-Российской научной конференции (Москва, 22—23 ноября 2023 г.) / сост.: Л. А. Авгуль, Н. В. Вдовина. — Минск: ЦНБ НАН Беларуси; М.: ФГБУН НИЦ «Наука» РАН, 2023. — С. 68—75.
2. Белявский, А. М., Тумаш, М. Е. Обращения граждан в центральные органы государственной власти как источник по истории повседневности Беларуси на рубеже XX—XXI вв. / А. М. Белявский, М. Е. Тумаш // Архіўны дыялог: зборнік артыкулаў. Вып. 2 / рэдакт.: А. К. Дземянок і інш. — Мінск: Колорград, 2024. — С. 193—198.
3. Васыкина, О. Э. Социальная справедливость в массовом сознании советского общества / О. Э. Васыкина // Известия ВГПУ. — № 8. — 2009. — С. 22—26.
4. Еремеева, А. Н. Письма «во власть» как источник по истории студенческой жизни в годы гражданской войны / А. Н. Еремеева // Вестник Пермского университета. История. — № 3. — 2020. — С. 151—162.
5. «...Міласці Вашай просім», альбо Адзін год у навейшай гісторыі Беларусі, адпостраваны ў лістах, заявах, скаргах і іншых формах звароту грамадзян. Зборнік дакументаў / уклад. А. А. Гужалоўскі. — Мінск, 2006. — 280 с.
6. Мистри, Р. Дела семейные / Р. Мистри, пер. с англ. М. Салганик. — М.: Издательство АСТ, 2022. — 704 с.
7. Морозова, Т. И. Письма сибиряков во власть в условиях новой экономической политики / Т. И. Морозова // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 412. — С. 89—97.
8. НАРБ. — Ф. 93. Оп. 21. Д. 1590.
9. НАРБ. — Ф. 239. Оп. 5. Д. 12.
10. НАРБ. — Ф. 239. Оп. 5. Д. 20.
11. НАРБ. — Ф. 239. Оп. 5. Д. 24.
12. НАРБ. — Ф. 239. Оп. 5. Д. 26.
13. НАРБ. — Ф. 239. Оп. 5. Д. 27.
14. НАРБ. — Ф. 239. Оп. 5. Д. 29.
15. НАРБ. — Ф. 911. Оп. 3. Д. 20.
16. НАРБ. — Ф. 911. Оп. 3. Д. 39.
17. НАРБ. — Ф. 911. Оп. 6. Д. 43.
18. НАРБ. — Ф. 911. Оп. 6. Д. 1308.
19. НАРБ. — Ф. 911. Оп. 6. Д. 1320.
20. НАРБ. — Ф. 1510. Оп. 1. Д. 45.
21. Научный коммунизм: Словарь / Александров В. В., Амвросов А. А., Ануфриев Е. А. и др.; под ред. А. М. Румянцева. — 4-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1983. — 352 с.
22. Письма во власть. 1917—1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост.: А. Я. Лившиц, И. Б. Орлов. — М.: РОССПЭН, 1998. — 664 с.
23. Письма во власть. 1928—1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост.: А. Я. Лившиц, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. — М.: РОССПЭН, 2002. — 528 с.

24. Серто, М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто, пер. с фр. Д. Калупина, Н. Мовниной. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 330 с.
25. Токарев, Г. В., Леонова, Ю. Ю. Лексико-фразеологические средства выражения просьбы в челобитных XVII века / Г. В. Токарев, Ю. Ю. Леонова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2011. — № 2(14). — С. 50—54.
26. Чернышова, А. В. «Письма во власть» как отражение результатов государственной политики (Исторический аспект) / А. В. Чернышова // Социология власти. — 2005. — № 4. — С. 114—121.
27. Шаходанова, О. Ю. Челобитные как исторический источник по изучению жизнедеятельности населения Западной Сибири XVI в. / О. Ю. Шаходанова // Общество: философия, история, культура. — 2017. — № 11. — С. 48—50.
28. Юркевич, Н. У. Прашу Рабоча-сялянскую інспекцыю...: скаргі і заявы грамадзян Беларусі (1920—1930-я гг.) / Н. У. Юркевич / рэд. К. І. Козак. — Мінск, 2009. — 215 с.
29. Brothman, B. Declining Derrida: integrity, tensegrity, and the preservation of archives from deconstruction / B. Brothman // Archivaria. — Fall 1999. — Vol. 48. — P. 64—88.
30. Reading Primary Sources. The interpretation of texts from nineteenth- and twentieth-century history / Ed. by M. Dobson and B. Ziemann. — London: Routledge, 2009. — 260 p.

Артывул пастануті ў рэдакцыю 17.07.2024.

В. Н. Жук,
*старший научный сотрудник
отдела исследовательской и научно-методической деятельности
Белорусской сельскохозяйственной библиотеки им. И. С. Луиновича
Национальной академии наук Беларуси,
кандидат исторических наук,
e-mail: research@belab.by*

О ДАТИРОВКЕ СЛУЖЕБНОГО ПИСЬМА МИНИСТРА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА БССР С. С. КОСТЮКА *(из истории создания Академии сельскохозяйственных наук БССР)*

Вопрос организации Академии сельскохозяйственных наук БССР в отечественной историографии практически не разработан, что обуславливает проведение научно-исследовательской работы в этом направлении. Во время работы в Национальном архиве Республики Беларусь (далее — НАРБ) с протоколами и материалами Бюро ЦК КПБ за 1950-е гг. автором был выявлен комплект документов, касающихся указанной темы. В числе обнаруженных архивных источников находилось и служебное письмо министра сельского хозяйства БССР С. С. Костюка, адресованное Секретарю ЦК КПБ К. Т. Мазурову. При внимательном ознакомлении с данной корреспонденцией выяснилось, что она не была оформлена по установленной форме. В ней отсутствовала важная часть делопроизводственных реквизитов, включая сведения о датировке, что способствовало бы конкретизации хронологии процесса организации Академии сельскохозяйственных наук БССР. Это послужило основанием для проведения отдельного научного исследования, целью которого является установление даты письма по косвенным сведениям, вытекающим из содержания и формы документа.

Для достижения поставленной цели применялся следующий алгоритм. Текст исследуемого документа (служебное письмо С. С. Костюка) был разделен на множество фрагментов, каждый из которых представлял собой отдельный факт или набор фактов. Эти факты интерпретировались с уклоном установления хронологий событий, после чего выявлялись даты, содействующие сужению хронологических рамок.

В работе использованы общенаучные и специфические методы познания. К первому относятся: сравнение, анализ, синтез, обобщение, исторический и логический методы, ко второму — системный подход, который предполагает рассмотрение объекта как целостное множество взаимосвязанных элементов.

Основным признаком, по которому деловые письма из всех видов управленческой документации выделяются в особую группу документов, является пересылка их по почте или фельдьегерской связью. В Советском Союзе существовало несколько разновидностей деловых (служебных) писем, выделяемых по их назначению: сопроводительная записка, информационное письмо, письмо-запрос и письмо-просьба. Текст последнего состоял из двух

частей. В первой части излагалась история вопроса, а во второй выражалась просьба принять решение. Начиналось письмо с обращения к должностному лицу вышестоящей инстанции — адресату и завершалось подписью руководителя ходатайствующей организации.

При оформлении деловой переписки использовался бланк письма. Он представлял собой лист бумаги стандартного формата (А4) с нанесенными типографским способом форм реквизитов, которые при использовании должны были содержать обязательную для данного вида документа информацию. Применялся следующий набор реквизитов: Государственный герб, полное наименование организации, ссылка на номер входящего письма, дата написания и регистрационный номер исходящего документа, адресат, текст и подпись должностного лица.

Рассматриваемое служебное письмо Министерства сельского хозяйства БССР состояло из двух листов [документ № 1]. Первый из них представлял собой официальный бланк министерства, в середине верхнего поля которого красным цветом изображался герб БССР. Ниже слева и справа от него воспроизводилось на белорусском и русском языках полное наименование организации — «Беларуская ССР МІНІСТЭРСТВА СЕЛЬСКОЙ ГАСПАДАРКІ — Белорусская ССР МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА». Следом с левой стороны бланка располагалась незаполненная форма реквизита «Ссылка на номер входящего письма» (На В. № __ Н / увах. № __). Данный реквизит заполняется только в письмах-ответах. Это значит, что запрос от вышестоящей инстанции не поступал. Следовательно, инициатива исходила от Министерства сельского хозяйства. В противоположной стороне от формы реквизита «Ссылка на номер входящего письма» располагалась форма реквизита «Дата» («__» _____ 195 г.). Число, месяц и год не указывались, однако можно было предположить, в каком десятилетии велась работа над документом — в 50-е гг. XX в. Форма реквизита «Регистрационный номер» (№ __) тоже не была заполнена.

Прежде чем приступить к анализу основного текста документа, дадим экспертную оценку двум записям реквизитов: «полное наименование организации» и «адресат».

1. *«Беларуская ССР
МІНІСТЭРСТВА
СЕЛЬСКОЙ ГАСПАДАРКІ*

*Белорусская ССР
МИНИСТЕРСТВО
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА»*

В советский период наименование правительственного учреждения, ведающего сельскохозяйственной отраслью управления в советской Белоруссии, начиная с января 1919 г. и заканчивая сентябрем 1991 г., неоднократно менялось. Об этом свидетельствует приведенная таблица [1].

Таблица. Правительственные органы управления сельскохозяйственной отраслью в советской Белоруссии (1919—1991 гг.)

Крайние даты	Название
01.1919—01.03.1919	Комиссариат земледелия (Комзем) Временного рабоче-крестьянского правительства БССР, г. Минск
01.03.1919—07.1919	Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) Литовско-Белорусской ССР (ЛитБел), г. Минск
07.1919—08.1919	Отдел земледелия Минского губернского военно-революционного комитета (Мингубвоенревкома), г. Минск
08.1919—07.1920	Отдел земледелия Ликвидационной комиссии эвакуированных учреждений ЛитБел и Уполномоченного по делам земледелия ЛитБел, г. Минск
07.1920—08.1920	Отдел земледелия Минского губернского революционного комитета (Мингубревкома), г. Минск
08.1920—12.12.1920	Комиссариат земледелия (Комзем) Военно-революционного комитета (Военревкома) БССР, г. Минск
12.12.1920—06.1941	Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) БССР, г. Минск
1944—26.03.1946	Наркомзем БССР, г. Минск
26.03.1946—15.02.1947	Министерство земледелия БССР, г. Минск
15.02.1947—24.04.1953	Министерство сельского хозяйства (Минсельхоз) БССР, г. Минск
24.04.1953—26.12.1953	Министерство сельского хозяйства и заготовок (Минсельхозаг) БССР, г. Минск
26.12.1953—22.11.1985	Министерство сельского хозяйства (Минсельхоз) БССР, г. Минск
22.11.1985—16.07.1990	Государственный агропромышленный комитет (Госагропром) БССР, г. Минск
16.07.1990—20.02.1991	Государственный комитет БССР по сельскому хозяйству и продовольствию (Госкомсельхозпрод БССР), г. Минск
20.02.1991—19.09.1991	Министерство сельского хозяйства и продовольствия (Минсельхозпрод) БССР, г. Минск
19.09.1991—	Минсельхозпрод Республики Беларусь, г. Минск

Перечень наименований показывает, что республиканский орган государственного управления с названием «Министерство сельского хозяйства БССР» функционировал только в послевоенный период и отмечен двумя этапами: 1) 15.02.1947—24.04.1953; 2) 26.12.1953—22.11.1985. Крайние даты: 1947—1985 гг.

2. «*СЕКРЕТАРЮ ЦК КП БЕЛОРУСССНІ товарищу МАЗУРОВУ К. Т.*»

Мазуров Кирилл Трофимович, белорус, родился в крестьянской семье 25 марта (7 апреля) 1914 г. в д. Рудня-Прибытковская (ныне Гомельский район Гомельской области Республики Беларусь). В 1943—1946 гг. — второй, а с июня 1946 г. по октябрь 1947 г. — первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии. В последующие годы (1947—1948) работал в аппарате ЦК КП(б) Белоруссии. В 1948—1950 гг. — второй и первый секретарь Минского городского комитета КП(б)Б, в 1950—1953 гг. — первый секретарь Минского областного комитета КПБ. С июля 1953 г. — Председатель Совета Министров Белорусской ССР. С 28 июля 1956 г. постановлением IV пленума ЦК КПБ назначен первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Внес значительный вклад в решение насущных проблем подъема экономики и культуры Белорусской ССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 апреля 1954 г. за выдающиеся достижения в области руководства отраслями промышленности СССР и в связи с 60-летием со дня рождения Кириллу Трофимовичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда. 30 марта 1965 г. освобожден от должности первого секретаря ЦК КПБ в связи с переводом в Москву на должность первого заместителя Председателя Совета Министров СССР [2].

Таким образом, с 28 июля 1956 г. по 30 марта 1965 г. К. Т. Мазуров находился в должности первого секретаря ЦК КПБ. Крайние даты: 1956—1965 гг.

3. «*В соответствии с решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля № 253 «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству» и решением ЦК КП Белоруссии и Совета Министров БССР от 5-го апреля с. г. институты сельскохозяйственного профиля Академии наук БССР — Институт социалистического сельского хозяйства, Институт животноводства, Институт леса переданы в ведение Министерства сельского хозяйства БССР, Институт мелиорации, водного и болотного хозяйства в ведение Министерства мелиорации БССР».*

Из историографии и архивных документов известно, что в соответствии с постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля 1956 г. № 253 «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству», ЦК КП Белоруссии и Совета Министров БССР от 5 апреля 1956 г. № 174 «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству Белорусской ССР» в ведение Министерства сельского хозяйства (далее — МСХ) БССР было передано пять научно-исследовательских институтов сельскохозяйственного профиля и шесть областных государственных сельскохозяйственных опытных станций [3, с. 117, 118; 4, л. 4—8; 5, л. 604, 605].

Дата постановления ЦК КПБ и Совета Министров БССР № 174 является неоспоримым фактом того, что служебное письмо МСХ БССР начали составлять однозначно в 1956 году, но не ранее 5 апреля.

Институт мелиорации, водного и болотного хозяйства находился в ведении Академии наук БССР с 22 декабря 1947 г. После объединения с Минской болотной опытной станцией 4 апреля 1956 г. на их базе был создан **Белорусский научно-исследовательский институт мелиорации и водного хозяйства**, который сначала был передан в ведение Министерства мелиорации БССР, а затем (6 апреля 1957 г.) в МСХ БССР [3, с. 118; 6].

Из приведенных фактов следует, что служебное письмо составлялось не позднее 6 апреля 1957 г.

Институт социалистического сельского хозяйства перешел в ведение МСХ БССР от Академии наук БССР по акту от 10 мая 1956 г. С 8 июня того же года он стал именоваться **Белорусским научно-исследовательским институтом земледелия** [5, л. 606; 7, л. 240, 251].

Приказом № 189-к по МСХ БССР от 21 июля 1956 г. **Институт животноводства**, принятый от Академии наук БССР в ведение Министерства сельского хозяйства БССР по акту от 10 мая 1956 г., был переименован в **Белорусский научно-исследовательский институт животноводства** [5, л. 606, 607; 7, л. 247].

Приказом № 187-к по МСХ БССР от 21 июля 1956 г. **Институт лесного хозяйства МСХ БССР (в Гомеле)** был объединен с **Институтом леса АН БССР**, переданным Академией наук БССР в систему Министерства сельского хозяйства БССР. С этого времени объединенный институт стал именоваться **Белорусским научно-исследовательским институтом лесного хозяйства** [5, л. 607; 7, л. 249].

Из всего сказанного можно сделать предварительный вывод, письмо составлялось в интервале между 21 июля 1956 г. и 6 апреля 1957 г.

4. *«По решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР в республике организованы новые институты — Белорусский научно-исследовательский ветеринарный институт, Белорусский научно-исследовательский институт плодоводства, овощеводства и картофеля и Белорусский научно-исследовательский институт экономики и организации сельскохозяйственного производства».*

Белорусский научно-исследовательский ветеринарный институт был организован приказом МСХ БССР № 188-к от 21 июля 1956 г. на базе Белорусской научно-исследовательской ветеринарной станции МСХ БССР и отдела ветеринарии бывшего Института животноводства Академии наук БССР [5, л. 607; 7, л. 248].

Белорусский научно-исследовательский институт плодоводства, овощеводства и картофеля был организован приказом МСХ БССР № 203-к от 27 июля 1956 г. на базе Белорусской плодовоовощной опытной станции МСХ БССР и опытной станции «Русиновичи» Министерства промышленности продовольственных товаров БССР. В его структуру был передан отдел картофеля бывшего Института социалистического сельского хозяйства АН БССР и группа селекции и семеноводства картофеля бывшей Белорусской государствен-

ной селекционной станции, со всеми научными материалами и оборудованием [5, л. 606; 7, л. 241].

16 июня 1956 г. ЦК КПСС признал необходимым организовать в БССР Научно-исследовательский институт экономики и организации сельскохозяйственного производства, который был создан 25 октября того же года. В тот же день коллегия МСХ БССР, рассмотрев вопрос о штатном расписании новообразованного НИИ, обратилась в Совет Министров БССР и ЦК КПБ с просьбой об утверждении штатов этого научного учреждения и передаче ему работников из других институтов. Однако до конца года вопрос на официальном уровне решен не был [5, л. 605—607; 8, л. 165, 169, 170, 266]. Это произошло позднее. 21 января 1957 г. в соответствии с постановлением Совета Министров БССР № 27 МСХ БССР утвердило штаты БелНИИ экономики и организации сельскохозяйственного производства в количестве 40 человек [3, с. 120; 9, л. 19].

События, связанные с историей образования БелНИИ экономики и организации сельскохозяйственного производства, убедительно показывают, что процитированный выше фрагмент служебного письма МСХ БССР писали после 25 октября 1956 г.

5. *«Не решенным до настоящего времени остался вопрос о [б] институте механизации и электрификации».*

Как представляется, «настоящее время» — это 1956 год. Упомянутый же в тексте документа вопрос был решен 25 января 1957 г., когда Совет Министров БССР постановил передать НИИ механизации и электрификации сельского хозяйства, находящийся в структуре Академии наук БССР, в ведение Министерства сельского хозяйства БССР [3, с. 120].

Данный факт говорит о том, что служебное письмо МСХ БССР было написано до 25 января 1957 г.

6. *«В системе Министерства сельского хозяйства БССР организовано также шесть областных государственных сельскохозяйственных опытных станций».*

В системе МСХ БССР упомянутые станции (Брестская, Витебская, Гомельская, Гродненская, Могилевская и Молодечненская) находились с августа 1956 года [5, л. 607—609; 7, л. 243—245; 10, л. 52; 11, л. 73].

7. *«Для работы институтов и опытных станций в различных почвенно-климатических районах БССР организовано 17 экспериментальных баз».*

Стоит отметить, что указанное в письме количество экспериментальных баз не вызывает доверия. В приложении № 1 «Перечень научно-исследовательских учреждений, подчиненных Академии сельскохозяйственных наук БССР» к проекту постановления ЦК КПБ и Совмина БССР, написанном не позднее 8 января 1957 г., упоминаются только 7 экспериментальных баз, а именно: Зазерье, Токарня, Самуэлево, Анополь, Устье, Заречье, Щомыслица [11, л. 72, 73]. В приложении № 1 с аналогичным названием к проекту поста-

новления ЦК КПБ, датируемому не позднее 24 января 1957 г., упоминается столько же [12, л. 51, 52]. В новом проекте постановления ЦК КПБ и Совмина БССР, визируемого двумя подписями 24 и 25 января 1957 г. (в последнем случае С. С. Костюком), приводится уже новая цифра — «8 экспериментальных баз» [12, л. 49, 50].

Таким образом, в январе 1957 г. и ранее 17 экспериментальных баз в реальности быть не могло. Упоминание этой цифры в письме можно объяснить неправильной методикой подсчета, что подтверждается следующим фактом. 11 мая 1957 г. президент Академии сельскохозяйственных наук БССР И. С. Лупинович, обращаясь к министру сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевичу, писал: «В ведении Академии сельскохозяйственных наук Белорусской ССР имеется ... 17 отраслевых станций и экспериментальных баз» [13, л. 143].

8. *«Кроме того, в республике имеется 4 высших учебных с/х заведений, которые также ведут научно-исследовательскую работу по сельскому хозяйству».*

Под упомянутыми учебными заведениями подразумевались: Белорусская Ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная Академия, Витебский ветеринарный институт, Гродненский сельскохозяйственный институт, Минский институт механизации и электрификации сельского хозяйства [11, л. 74]. В середине 1950-х гг. данные учреждения находились в ведении Министерства высшего образования СССР, однако в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 июня 1956 г. № 774 в том же месяце были переданы в ведение Министерства сельского хозяйства СССР [14, л. 380—381].

9. *«В целях поднятия уровня руководства научно-исследовательской работы в области сельского хозяйства, повышения теоретического уровня исследований, улучшения подготовки кадров для сельскохозяйственного производства, а также для более полного исследования научных и педагогических сил в решении задач(,) поставленных XX съездом КПСС перед сельскохозяйственной наукой...».*

Данный фрагмент текста в точности повторяет преамбулу постановления Совета Министров БССР от 24 января 1957 г. № 36 [документ № 4]. Возникает резонный вопрос: кто у кого позаимствовал? От полученного ответа зависит, в какую сторону станут сужаться хронологические рамки от упомянутой даты. В этой связи зададимся вопросом: какой орган власти в 1950-е гг. в СССР (БССР) являлся верховным в принятии государственных решений?

В указанное время в Советском Союзе центром принятия основополагающих решений являлся Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и подчиненные ему нижестоящие структуры в союзных и автономных республиках. В БССР директивным органом являлся Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии. Ни один закон, ни одно постановление государственных органов не выходили в республике без реше-

ния партийной инстанции. Ее решения были обязательны для исполнения любым ведомством или министерством — вплоть до Совета Министров БССР или Президиума Верховного Совета БССР.

10. *«Министерство сельского хозяйства Белорусской ССР просит Вас принять решение Бюро ЦК КПБ о создании при Министерстве Академии сельскохозяйственных наук БССР с местом расположения «Курасовщина» Минского района. Академия сельскохозяйственных наук БССР может быть организована за счет общего лимита численности административно-управленческого аппарата Министерства сельского хозяйства БССР».*

Как показали дальнейшие события, такое решение действительно было принято. 9 января 1957 г. под председательством К. Т. Мазурова состоялось заседание Бюро ЦК КПБ. Всего присутствовало 26 человек, в том числе члены Бюро ЦК Н. Е. Авхимович (он же Председатель Совета Министров БССР), Т. С. Горбунов, Т. Я. Киселёв, Ф. А. Сурганов, С. К. Тимошенко, члены ЦК КПБ С. С. Костюк, С. Н. Калинин, Ф. М. Пальгубев, а также инструктор ЦК КПСС А. А. Смирнов. Шестнадцатым пунктом рассматривался вопрос «О создании Академии сельскохозяйственных наук при Министерстве сельского хозяйства Белорусской ССР». С докладом выступил С. С. Костюк, в прениях высказались Ф. А. Сурганов, Т. С. Горбунов, Т. Я. Киселёв и Н. Е. Авхимович, подвел итог К. Т. Мазуров [документ № 3]. Спустя день на заседании Коллегии МСХ БССР министр сельского хозяйства республики так описывал происходившее заседание (цитируется по стенограмме):

«**Костюк:** Пару слов о состоявшемся вчера Бюро ЦК по вопросам, касающимся Министерства сельского хозяйства... В конце заседания стоял вопрос об организации Академии [сельскохозяйственных] наук. Я докладывал, наши предложения приняты об организации Академии наук сельского хозяйства в Белоруссии. Принято новое предложение, чтобы не сейчас учредителей утвердить, а поручили т. т. Горбунову, Лупиновичу, мне внести отдельно. Президентом Академии наук утвержден т. Лупинович и штаты приняты. Предложено нам, чтобы мы быстрее дали все эти вопросы уже отобранные на подпись т. Авхимовичу» [15, л. 14, 16, 17].

По итогам обсуждения вопроса Бюро ЦК КПБ приняло решение:

«1. Предложение Министерства сельского хозяйства БССР о создании Академии сельскохозяйственных наук принять.

2. Поручить тов. Авхимовичу послать записку Министру сельского хозяйства СССР тов. Машкевичу по данному вопросу.

3. Президентом Академии сельскохозяйственных наук утвердить тов. Лупиновича Ивана Степановича.

4. Поручить т. т. Горбунову, Сурганову, Лупиновичу, Пальгубеву и Костюку рассмотреть вопросы о составе академиков-учредителей, структуре и штатах Академии и свои предложения представить на рассмотрение Бюро ЦК КПБ» [документ № 3].

11. *«Академия сельскохозяйственных наук БССР будет являться высшим научно-методическим центром республики по сельскому хозяйству; на которую возложить задачу осуществлять руководство работой 22 научно-исследовательских учреждений, из них 8 научно-исследовательских [институтов,] 6 областных государственных сельскохозяйственных опытных станций и 7 отраслевых опытных станций научно-исследовательских институтов».*

В представленном фрагменте обращает на себя внимание наименование организации — Академия сельскохозяйственных наук БССР, которое главным образом применялось в официальных документах 1957 г. и позже [16, с. 11, 12, 12, л. 59; 17, л. 115; 18, л. 19; 19, л. 1; 20, л. 51]. Однако были и исключения. Проиллюстрируем это фактами. С 23 марта по 3 апреля 1957 г. в Совете Министров БССР под руководством первого заместителя Председателя Совмина БССР И. Ф. Климова разрабатывался нормативный документ под названием «Штатное расписание Белорусской Академии сельскохозяйственных наук при Министерстве сельского хозяйства Белорусской ССР». 31 мая 1957 г. министр сельского хозяйства БССР С. С. Коспюк утвердил «Штатное расписание Белорусской Академии сельскохозяйственных наук при Министерстве сельского хозяйства Белорусской ССР» [21, л. 30—32; 22, л. 10—12]. Что касается 1956 года, то в отличие от последующего времени, название организации имело разные варианты: Белорусский филиал Всесоюзной сельскохозяйственной Академии им. В. И. Ленина, Белорусская сельскохозяйственная академия наук при МСХ БССР, Белорусская сельскохозяйственная академия наук, Белорусская Академия сельскохозяйственных наук, Белорусская сельскохозяйственная Академия наук [12, л. 66, 68; 8, л. 165, 170, 330, 350].

В приложении № 1 к проекту постановления ЦК КПБ и Совмина БССР под названием «Перечень научно-исследовательских учреждений, подчиненных Академии сельскохозяйственных наук БССР», написанном не позднее 8 января 1957 г., действительно упоминаются 22 научно-исследовательских учреждения: 8 научно-исследовательских институтов — БелНИИ земледелия, БелНИИ животноводства, БелНИИ плодоводства, овощеводства и картофеля, БелНИИ лесного хозяйства, БелНИИ экономики и организации сельскохозяйственного производства, Белорусский научно-исследовательский ветеринарный институт, БелНИИ мелиорации и водного хозяйства, БелНИИ механизации и электрификации сельского хозяйства; 6 областных государственных опытных станций — Брестская, Витебская, Гомельская, Гродненская, Могилевская, Молодечненская; 7 отраслевых опытных станций — Ганусовская и Полесская сельскохозяйственные опытные станции, Василишковская опытная станция животноводства, Жорновская лесная опытная станция, Коссовская и Полесская опытно-болотные станции, опытное поле «Боровляны» [11, л. 72, 73].

12. «Кроме того, на Академию возложить методическое руководство научно-исследовательской работой в 4-х высших учебных сельскохозяйственных заведениях».

Интерпретацию по о этому фрагменту см.: пункт 8.

В служебном письме МСХ БССР отсутствует отметка о наличии приложения. Это означает, что в процессе его подготовки в какой-то момент решили письмо не отправлять, а использовать иным образом.

Однако набор вспомогательных документов все же существовал. 8 января 1957 г. министр сельского хозяйства БССР С. С. Костюк завизировал проект «Постановления Центрального комитета КПБ и Совета Министров Белорусской ССР от __ января 1957 года» вместе с приложениями № 1, 2, 3. Надписи удостоверяли, что подписывающий ознакомился с содержанием документов и согласен с ними [документ № 2; 11, л. 72—77]. Приложение № 2 («Структура и штаты Белорусской Академии сельскохозяйственных наук»), судя по форме реквизита «Дата», разрабатывалось в 1956 г. Приложение № 1 («Перечень научно-исследовательских учреждений, подчиненных Академии сельскохозяйственных наук БССР»), в соответствии с той же аргументацией, можно отнести к 1957 г. Последнее из приложений («Список 3 Академиков и членов-корреспондентов учредителей Академии сельскохозяйственных наук БССР») реквизитов не имело, однако, судя по названию организации, скорее всего, прорабатывалось в начале января 1957 г.

На втором листе письма по окончании основного текста воспроизводилась должность, подпись и фамилия автора документа (МИНИСТР СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА БЕЛОРУССКОЙ ССР С. КОСТЮК) [документ № 1].

Существенно сузить промежуток времени помогает датировка трудовой активности С. С. Костюка на посту министра сельского хозяйства БССР (15 декабря 1947 г. — 9 июля 1957 г.) и К. Т. Мазурова — на посту первого секретаря ЦК КПБ (28 июля 1956 г. — 30 марта 1965 г.) [2; 23]. На указанных должностях их деятельность пересекалась в интервале времени с 28 июля 1956 г. по 9 июля 1957 г. Это значит, что служебное письмо МСХ БССР не могло быть написано ранее 28 июля 1956 года.

Суммируя вышесказанное, подведем итоги. Разбор текста служебного письма Министерства сельского хозяйства БССР, анализ реквизитов основного и вспомогательных документов показали, что упомянутое письмо вместе с сопутствующими документами готовилось в министерстве после 25 октября 1956 г. Некоторые документы из приложения дорабатывались в начале 1957 г., но не позднее 8 января. Исследуемая корреспонденция официально никуда не отсылалась, а была использована министром сельского хозяйства БССР С. С. Костюком в качестве доклада на заседании Бюро ЦК КПБ 9 января 1957 г.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

[Герб БССР]

Беларуская ССР
МІНІСТЭРСТВА
СЕЛЬСКОЙ ГАСПАДАРКІБелорусская ССР
МИНИСТЕРСТВО
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВАНа В. № _____
Н / уваж. № _____« » _____ 195 г.
№ _____

СЕКРЕТАРЮ ЦК КП БЕЛОРУССИИ

товарищу МАЗУРОВУ К. Т.

В соответствии с решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля № 253 «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству» и решением ЦК КП Белоруссии и Совета Министров БССР от 5-го апреля с. г., институты сельскохозяйственного профиля Академии наук БССР — Институт социалистического сельского хозяйства, Институт животноводства, Институт леса переданы в ведение Министерства сельского хозяйства БССР, Институт мелиорации, водного и болотного хозяйства в ведение Министерства мелиорации БССР. По решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР в республике организованы новые институты — Белорусский научно-исследовательский ветеринарный институт, Белорусский научно-исследовательский институт плодородства, овощеводства и картофеля и Белорусский научно-исследовательский институт экономики и организации сельскохозяйственного производства. Не решенным до настоящего времени остался вопрос о институте механизации и электрификации. В системе Министерства сельского хозяйства БССР организовано также шесть областных государственных сельскохозяйственных опытных станций. Для работы институтов и опытных станций в различных почвенно-климатических районах БССР организовано 17 экспериментальных баз. Кроме того, в республике имеется 4 высших учебных с/х заведений, которые также ведут научно-исследовательскую работу по сельскому хозяйству.

В целях поднятия уровня руководства научно-исследовательской работы в области сельского хозяйства, повышения теоретического уровня исследований, улучшения подготовки кадров для сельскохозяйственного производства, а также для более полного исследования научных и педагогических сил в решении задач поставленных XX съездом КПСС перед сельскохозяйственной наукой, Министерство сельского хозяйства Белорусской ССР просит Вас принять решение Бюро ЦК КПБ о создании при Министерстве Академии сельскохозяйственных наук БССР с местом расположения «Курасовщина» Минского района.

Академия сельскохозяйственных наук БССР может быть организована за счет общего лимита численности административно-управленческого аппарата Министерства сельского хозяйства БССР.

Академия сельскохозяйственных наук БССР будет являться высшим научно-методическим центром республики по сельскому хозяйству, на которую возложить задачу осуществлять руководство работой 22 научно-исследовательских учреждений, из них 8 научно-исследовательских [институтов,] 6 областных государственных сельскохозяйственных опытных станций и 7 отраслевых опытных станций научно-исследовательских институтов.

Кроме того, на Академию возложить методическое руководство научно-исследовательской работой в 4-х высших учебных сельскохозяйственных заведениях.

МИНИСТР СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
БЕЛОРУССКОЙ ССР

(подпись) (С. КОСТЮК)

НАРБ. — Ф. 4н. Оп. 81. Д. 1180. Л. 68, 69.

Машинистский подлинник на бланке Министерства сельского хозяйства БССР.

№ 2

[Проект]

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПБ и
СОВЕТА МИНИСТРОВ БЕЛОРУССКОЙ ССР

от « » января 1957 года

Об создании Академии сельскохозяйственных наук
при Министерстве сельского хозяйства БССР

В целях создания единого научно-методического центра республики по сельскому хозяйству, поднятия уровня руководства научно-исследовательской работы в области сельского хозяйства, повышения теоретического уровня исследований Центральный Комитет КПБ и Совет Министров БССР постановляют:

1. Создать при Министерстве сельского хозяйства республики Академию сельскохозяйственных наук БССР с местом расположения «Курасовщина», Минского района, на базе средней сельскохозяйственной школы по подготовке председателей колхозов*.

Подчинить Академии 22 научно-исследовательских учреждений — 8 научно-исследовательских институтов, 6 областных государственных сельскохозяйственных опытных станций и 7 отраслевых опытных станций научно-исследовательских институтов.

Кроме того, на Академию возложить методическое руководство научно-исследовательской работой в 4 высших учебных сельскохозяйственных заведениях, расположенных на территории Республики (приложение № 1**).

2. Утвердить структуру и штатное расписание Академии сельскохозяйственных наук БССР (приложение № 2***).

* Загущено простым карандашом.

** В статье не приводится.

*** В статье не приводится.

Штат Академии наук утвердить в пределах лимитов численности административно-управленческого персонала Министерства сельского хозяйства Республики.

3. Утвердить первый состав действительных членов Академии из 11 человек и членов-корреспондентов — 5 человек (приложение № 3*).

4. Министерству сельского хозяйства БССР и президиуму Академии до 20 мая 1957 года провести выборы действительных членов и членов-корреспондентов в Академию сельскохозяйственных наук БССР.

МИНИСТР СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
БЕЛОРУССКОЙ ССР

(С. КОСТЮК)

(подпись С. С. Костюка)

8 / I [19] 57 г. **

НАРБ — Ф. 4н. Оп. 81. Д. 1180. Л. 70, 71. Машинотписный текст.

№ 3

ПРОТОКОЛ № 49

заседания БЮРО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КП БЕЛОРУССИИ

от 9 января 1957 года

Председательствовал т. Мазуров К. Т.

Присутствовали:

Члены Бюро ЦК т. т. Авхимович Н. Е., Горбунов Т. С., Киселёв Т. Я., Сурганов Ф. А., Тимошенко С. К.

Члены ЦК КПБ т. т. Ахремчик И. П., Бондарь А. Г., Здоровенин О. А., Калинин П. З., Кожар И. П., Костюк С. С., Малинин С. Н., Малиненко Н. Д., Пальгуев Ф. М., Перепелицын А. И., Равнополец С. М., Рудак А. Д., Фесько В. И., Халипов Н. А.

Кандидаты в члены ЦК КПБ т. т. Красовский Н. И., Романов В. Р., Семенухин Г. В., Шавров А. С.

Инструктор ЦК КПСС т. Смирнов А. А.

Зав. отделом строительства и городского хозяйства ЦК КПБ т. Тарасов М. П.

...

XVI. О создании Академии сельскохозяйственных наук при Министерстве сельского хозяйства Белорусской ССР

(т. т. Костюк, Сурганов, Горбунов, Киселёв, Авхимович, Мазуров)

1. Предложение Министерства сельского хозяйства БССР о создании Академии сельскохозяйственных наук принять.

2. Поручить тов. Авхимовичу послать записку Министру сельского хозяйства СССР тов. Мацкевичу по данному вопросу.

* В статье не приводится.

** Рукописная надпись.

3. Президентом Академии сельскохозяйственных наук утвердить тов. Лупиновича Ивана Степановича

4. Поручить т. т. Горбунову, Сурганову, Лупиновичу, Пальгуюеву и Костюку рассмотреть вопросы о составе академиков-учредителей, структуре и штатах Академии и свои предложения представить на рассмотрение Бюро ЦК КПБ.

... СЕКРЕТАРЬ ЦК КП БЕЛОРУССИИ (подпись) (К. МАЗУРОВ)

НАРЕ. — Ф. 4н. Оп. 81. Д. 1181. Л. 1, 6, 8. Машинписный подлинник.

№ 4

СОВЕТ МИНИСТРОВ БЕЛОРУССКОЙ ССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 24 января 1957 года № 36

г. Минск

(подпись И. Ф. Климова)

22/Г*

О создании при Министерстве сельского хозяйства БССР Академии сельскохозяйственных наук

Совет Министров Белорусской ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. В целях поднятия уровня руководства научно-исследовательской работой в области сельского хозяйства, повышения теоретического уровня исследований, улучшения подготовки кадров для сельскохозяйственного производства, а также для более полного использования научных и педагогических сил в решении задач, поставленных XX съездом КПСС перед сельскохозяйственной наукой, создать при Министерстве сельского хозяйства БССР Академию сельскохозяйственных наук, подчинив ей научно-исследовательские институты и областные государственные сельскохозяйственные опытные станции, согласно приложения.

Возложить на Академию сельскохозяйственных наук БССР методическое руководство научно-исследовательской работой в высших учебных сельскохозяйственных заведениях, расположенных на территории республики.

2. Поручить Министру сельского хозяйства БССР т. Костюку представить на рассмотрение Совета Министров БССР предложения о первом составе академиков Академии сельскохозяйственных наук БССР, а также структуру и штаты Академии.

Председатель

Совета Министров Белорусской ССР

(подпись)

(Н. Авхимович)

Зам. Управляющего Делами

Совета Министров Белорусской ССР

(подпись)

(Н. Жук)

бм — 19

* Рукописная надпись.

Тираж: 40 экз.*

НАРБ — Ф. 7. Оп. 4. Д. 683. Л. 115.

Машинописный подлинник на бланке Совета Министров БССР.

Литература и источники

1. Минсельхозпрод Республики Беларусь, г. Минск [Электронный ресурс] : информ. о фонде // Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://fk.archives.gov.by/fond/131053/>. — Дата доступа: 26.02.2024.
2. Уфаржин, Н. В. Мазуров Кирилл Трофимович [Электронный ресурс] / Н. В. Уфаржин // Герои страны: междунар. патриот. интернет-проект. — Режим доступа: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=10006. — Дата доступа: 26.02.2024.
3. История аграрной науки Беларуси (XIX — начало XXI в.) : в 2 ч. / В. Г. Гусаков [и др.] ; редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Беларус. навука, 2017. — Ч. 2. — 508 с.
4. НАРБ. — Ф. 4-п. Оп. 81. Д. 1096.
5. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3244.
6. Республиканское научное дочернее унитарное предприятие «Институт мелиорации» Республиканского унитарного предприятия «Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по земледелию» Национальной академии наук Беларуси, г. Минск [Электронный ресурс] : информ. о фонде // Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://fk.archives.gov.by/fond/110350/>. — Дата доступа: 26.02.2024.
7. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3238.
8. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3240.
9. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3949.
10. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3222.
11. НАРБ. — Ф. 4-п. Оп. 81. Д. 1180.
12. НАРБ. — Ф. 7. Оп. 4. Д. 724.
13. Белорусский государственный архив научно-технической документации. — Ф. 133. Оп. 1 уд. Д. 53.
14. НАРБ. — Ф. 4-п. Оп. 62. Д. 442.
15. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3640.
16. Жук, В. Н. История и деятельность Белорусской сельскохозяйственной библиотеки. Кн. 1. Предыстория и годы становления (1957—1974) / В. Н. Жук, В. Б. Бабарико-Омельченко ; редкол.: В. Б. Бабарико-Омельченко [и др.]. — Минск : Ковчег, 2020. — 228 с.
17. НАРБ. — Ф. 7. Оп. 4. Д. 683.
18. НАРБ. — Ф. 7. Оп. 4. Д. 686.
19. НАРБ. — Ф. 7. Оп. 4. Д. 791.
20. НАРБ. — Ф. 7. Оп. 5. Д. 7.
21. НАРБ. — Ф. 7. Оп. 4. Д. 691.
22. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3956.
23. Министры сельского хозяйства Беларуси [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. — Режим доступа:

* Написано карандашом.

<https://mshp.gov.by/ru/history-ru/view/ministry-selskogo-hozjajstva-belarusi-4144/>. — Дата доступа: 26.02.2024.

Артикул настуніў у рэдакцыю 01.03.2024.

Е. П. Дернович,
ведущий научный сотрудник отдела документоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
кандидат исторических наук;
e-mail: katry@tut.by

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ (ГОРОДСКИЕ ИЛИ РАЙОННЫЕ) АРХИВЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В целях накопления, хранения, учета и использования документов в Республике Беларусь создаются архивы в виде государственных архивов, территориальных (городских или районных) архивов, архивов государственных органов, иных организаций. Особое место среди вышеназванных видов архивов занимают территориальные (городские или районные) архивы. Занимаемое ими обособленное место обусловлено как особенностями их статуса и организации деятельности, так и составом документов, принимаемых на хранение. Территориальные (городские или районные) архивы создаются и подчиняются местным исполнительным и распорядительным органам и не входят в систему государственных архивных учреждений. Территориальные (городские или районные) архивы комплектуются документами реорганизованных, ликвидированных организаций, прекративших деятельность индивидуальных предпринимателей, за исключением документов, подлежащих передаче на постоянное хранение в государственные архивы. В первую очередь к ним на хранение поступают документы по личному составу, важность обеспечения сохранности которых очевидна. Б. В. Бурангулов отмечал: «В будущем документы по личному составу могут оказаться одним из источников по исследованию истории целых отраслей, учреждений, организаций, социальной истории, единственными источниками по изучению биографии и генеалогии» [1, с. 2]. Также документы по личному составу играют важную роль в обеспечении защиты трудовых и социальных прав граждан.

Особенности, присущие территориальным (городским или районным) архивам, обусловлены исторически. Предпосылки появления архивов по личному составу, позже переименованных в территориальные (городские или районные) архивы, появились вместе с началом становления государственных архивов в 1920-е годы. В это время организовывались ведомственные архивы, был создан орган управления архивами, образован Центральный архив БССР. Первостепенное внимание уделялось сохранности архивных документов центральных органов, учреждений и организаций, имеющих историко-культурное значение. Вместе с тем уже в 1927 году на Второй конференции (совещании) архивных работников Беларуси отмечалась необходимость создания районных архивов для концентрации в них всех архивов низовых советских учреждений [2]. С 1927 года к Единому государственному архивному фонду БССР, среди проче-

го, были отнесены законченные дела, книги, документы и переписка всех имеющих отношение к БССР ликвидированных и существующих на территории БССР государственных, профессиональных, кооперативных и других общественных учреждений, организаций и предприятий, которые находились на хранении в Центральном архиве Октябрьской революции БССР, исторических архивах, окружных архивах и архивах учреждений и организаций [3, с. 40—41]. Районные и городские архивы не входили в сеть государственных архивов БССР. Впервые о создании районных архивов упоминалось в распоряжении Центрального Исполнительного Комитета БССР от 22 марта 1935 г.: «... у мэтах захавання і прывядзення архіўных матэрыялаў дзеючых раённых і сельскіх устаноў і арганізацый у поўны парадак зараз жа прыступіць да арганізацыі раённых архіваў» [3, с. 76]. Позднее в постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета БССР от 15 декабря 1935 г. «По докладу Центрального архивного управления БССР о мероприятиях по упорядочению архивного дела», где было указано: «... прапанаваць усім РВК зараз жа прыступіць да арганізацыі раённых архіваў» [3, с. 72]. Это предусматривало поиск необходимого помещения, его оборудование, подбор кадров и выделение бюджета. В развитие данного предложения в марте 1936 года отдано обязательное к исполнению поручение о создании районных архивов в срок до 1 мая 1936 года [3, с. 75].

Несмотря на предпринятые усилия в постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета БССР от 28 февраля 1938 г. «О мероприятиях по улучшению постановки архивного дела в БССР» было зафиксировано, что «райархивы находятся совершенно в неудовлетворительном состоянии» [3, с. 81]. Также было принято решение о том, что районные архивы будут хранить принятые материалы 3 года, а затем передавать их в областной архив [3, с. 83—84]. Таким образом, городские, районные, сельские предприятия, учреждения и организации должны были передавать документы в районные архивы, а те, в свою очередь, передавать их в областные архивы. В связи с такой особенностью временного хранения документов районные архивы получили название «архивы с переменным составом». В 1957 году постановлением Совета Министров БССР было утверждено положение о районном (городском) государственном архиве [3, с. 103—107]. В нем было закреплено, что районный (городской) государственный архив создается при исполнении районного (городского) Совета депутатов трудящихся для концентрации и временного хранения документов Государственного архивного фонда СССР, образующихся в деятельности учреждений, организаций и предприятий района (города). В районном (городском) государственном архиве сосредотачивались документы действующих, а также ликвидированных районных, городских, поселковых, сельских учреждений, организаций, предприятий, машинно-тракторных станций, совхозов и колхозов данного района (города). Также в эти архивы должны были передаваться обнаруженные на территории района (города) бесхозные документы.

Районные (городские) государственные архивы (8 городских и районные во всех административных районах) в составе сети государственных архивов БССР осуществляли свою деятельность до 1963 года, когда произошла реформа организации архивного дела. В постановлении Совета Министров БССР от 11 ноября 1963 г. № 537 «О мерах по улучшению архивного дела в БССР» было указано, что «в целях устранения недостатков, улучшения состояния и дальнейшего развития архивного дела в республике» районные и городские государственные архивы были упразднены, а на их базе созданы филиалы государственных архивов областей [3, с. 116—117]. В государственные архивы областей и их филиалы поступали на хранение документы только от организаций, включенных в списки организаций, сдающих свои документы на постоянное хранение. Место и порядок хранения документов остальных организаций в случае их ликвидации определены не были.

Такая ситуация сохранялась до 1990-х годов — момента, когда после обретения Республикой Беларусь суверенитета и реформирования всех сфер общественной жизни, начались преобразования и в сфере архивного дела и делопроизводства. Переход к новой экономической системе, которая основывалась на двух формах собственности — государственной и частной, а также предполагала развитие предпринимательской деятельности, привел к появлению новых субъектов гражданского права — негосударственных организаций. Это вызвало необходимость выстраивать отношения между государственными архивами и негосударственными организациями. Однако первый Закон Республики Беларусь от 6 октября 1994 г. № 3277-ХП «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь» (далее — Закон о НАФ 1994 года) [4] данные отношения не регулировал.

При этом проблема сохранности документов по личному составу продолжала остро стоять перед органами управления в сфере архивного дела и делопроизводства. В это время активно велась работа по поиску ее решения.

В письме председателя Комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь Кабинету Министров Республики Беларусь от 15.02.1996 № 1-2/118 «О необходимости создания сети районных архивов по личному составу» констатировалось, что «практически не находит решения вопрос о месте хранения документов ликвидируемых и приватизируемых предприятий. Основная масса таких предприятий не имеет правопреемника, документы остаются бесхозными, гибнут. Остро стоит проблема обеспечения сохранности документов по личному составу в целях обеспечения прав и законных интересов граждан. ... архивохранилища государственных архивов перегружены» и предлагалось «создать за счет средств государственного бюджета межведомственные архивы по личному составу при райисполкомах» [5, л. 4—5].

Несмотря на это, утвержденный постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь от 13 августа 1996 г. № 532 Порядок направления и рассмотрения представлений о прекращении деятельности субъектов хозяйство-

вания, а также ликвидации юридических лиц и прекращения предпринимательской деятельности, осуществляемой без образования юридического лица (далее — Порядок прекращения деятельности) [6], не устанавливал обязанности для организаций сдавать куда-либо документы на хранение.

Вместе с тем в Положении о Национальном архивном фонде Республики Беларусь, а также сети государственных архивных учреждений Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 20 сентября 1996 г. № 373 (далее — Положение о НАФ) [7], было закреплено, что в городах и районах по решению соответствующих местных исполнительных и распорядительных органов могут создаваться *городские, районные и межведомственные архивные учреждения (в том числе для хранения документов по личному составу)*, действующие на правах зональных государственных архивов.

Закрепление в Положении о НАФ возможности создания таких архивов не обеспечивало их фактического создания, что не позволило решить проблему сохранности документов по личному составу в силу вышеописанных причин.

В этой связи постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 апреля 1997 г. № 390 «О внесении изменения и дополнения в постановление Кабинета Министров Республики Беларусь от 13 августа 1996 г. № 532» (далее — Постановление № 390) [8] были внесены изменения в Порядок прекращения деятельности. Согласно этим изменениям передача документов ликвидированных субъектов хозяйствования постоянного, временного (свыше 10 лет) хранения, в том числе по личному составу, временного (до 10 лет) хранения должна была осуществляться *в регистрирующий орган*.

Во исполнение Постановления № 390 Комитетом по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь был разработан Порядок хранения архивных документов ликвидированных субъектов хозяйствования, утвержденный приказом Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 22 мая 1997 г. № 13* [9]. Данный приказ являлся первым документом нормативно-методического характера, в котором определялся порядок передачи и дальнейшего использования документов ликвидируемых субъектов хозяйствования, в том числе устанавливались формы документов, на основании которых осуществлялась передача документов.

Однако в областях порядок, установленный Постановлением № 390, не соблюдался. Местные исполнительные и распорядительные органы не выполняли его и обязывали *государственные архивы* принимать на хранение документы ликвидированных организаций, а государственные архивы, в свою очередь, не имели материально-технического, финансового и кадрового обеспечения для приема таких документов.

В письме отдела по архивам и делопроизводству Могилевского областного комитета Председателю Могилевского областного комитета от 24.11.1997

* Приказ утратил силу приказом Министерства юстиции Республики Беларусь от 10 февраля 2012 г. № 51.

№ 1/1-107 сложившаяся ситуация описана следующим образом: «В случае ликвидации [организации] документы (архивы) передаются правопреемнику или органу, регистрировавшему эту организацию. Правопреемников, как правило, нет. Документы оказываются бесхозными. Горрайисполкомы не имеют физической возможности принять, обработать и организовать хранение целого потока таких документов из-за отсутствия специалистов-архивистов и подходящих помещений. ... Выборочные проверки показывают, что документооборот и архивы в «новых» организациях ведутся плохо. Есть случаи, когда вся информация о работающих и другие документальные сведения, которые в определенные сроки должны сдаваться на госхранение, заложены только в электронные системы (компьютеры), не дублируются на бумажных носителях и могут быть в любой момент потеряны безвозвратно. Самое опасное в этой ситуации то, что теряются документы, обеспечивающие гарантированные государством социальные права граждан. ... В прошлом году в области было ликвидировано более 2 тыс. организаций ... Госархивы вынужденно приняли документы только от 103 ликвидированных объектов хозяйствования. Незначительную часть приняли горрайисполкомы (регистрирующие органы), что-то приняли правопреемники. Основная же масса документов (архивов) прекративших существование организаций рискует быть потерянной навсегда, так как ее фактически некому принимать. ... Почти по всем фондообразователям района обнаружены потери части документов по личному составу, так как в условиях ведомств при отсутствии постоянных подготовленных людей, отвечающих за архивы, специальных хранилищ, при бесконечных реорганизациях и т. д. сохранить на местах документы 75 лет почти невозможно» [10, л. 28—30].

Так как ни регистрирующие органы, ни государственные архивы не могли обеспечить прием и сохранность документов ликвидированных организаций, Государственный комитет по архивам и делопроизводству Республики Беларусь вновь инициировал создание межведомственных или райгорархивов по личному составу (письмо Председателя Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь в Совет Министров Республики Беларусь «О создании райгорархивов по личному составу» [11, л. 21—30]).

В результате проведенной Государственным комитетом по архивам и делопроизводству Республики Беларусь работы было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26 марта 1998 г. № 464 «Об основных направлениях развития архивного дела и делопроизводства в Республике Беларусь до 2000 года» (далее — Постановление № 464) [12], в котором рекомендовалось облисполкомам, Минскому горисполкому поэтапно, до 2000 года, образовать *районные, городские архивы по личному составу*. На основании вышеназванного постановления местные исполнительные и распорядительные органы стали принимать соответствующие решения:

решение Гродненского облисполкома от 16 февраля 1998 г. № 68 «О восстановлении сети районных и городских архивов по личному составу в 1998—2000 годах» [13];

решение Минского облисполкома от 29 апреля 1998 г. № 44 «О восстановлении сети районных и городских архивов по личному составу в 1998—2000 годах» [14];

решение Могилевского облисполкома от 28 мая 1998 г. № 9-27 «О создании районных и городских архивов по личному составу» [15];

решение Витебского облисполкома от 4 сентября 1998 г. № 427 «О создании архивов по личному составу в 1999—2000 годах в городах и районах области» [16];

решение Брестского облисполкома от 4 апреля 2000 г. № 235 «О районных и городских архивах по личному составу» [17].

Государственным комитетом по архивам и делопроизводству Республики Беларусь было разработано и 01.06.1998 утверждено Примерное положение о районном (городском) архиве по личному составу [18], в котором указывалось, что районный (городской) архив по личному составу является структурным подразделением районного (городского) исполнительного комитета и принимает на хранение документы ликвидируемых субъектов хозяйствования, в том числе по личному составу. Решением Быховского райисполкома от 15 октября 1998 г. № 10-49 первым было создано государственное учреждение «Быховский районный архив».

Создание районных и городских архивов по личному составу нашло отражение и в Законе о НАФ 1994 года. Так, в январе 1999 года к государственным архивам Республики Беларусь были отнесены не только республиканские, областные, зональные, но и районные и городские архивы [19]. Тогда же было закреплено, что городские и районные архивы создаются соответствующими местными исполнительными и распорядительными органами по согласованию с республиканским органом государственного управления по архивам и делопроизводству (часть третья статьи 12 Закона о НАФ 1994 года).

На этом основании в принятом Декрете Президента Республики Беларусь от 16 марта 1999 г. № 11 «Об упорядочении государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования» (далее — Декрет 1999 года) [20] было установлено, что ликвидационная комиссия (ликвидатор) представляет в регистрирующий орган справку *государственного архивного учреждения* о слаче на хранение документов (пункт 64).

В ноябре 2000 года в вышеуказанный Декрет были внесены изменения, согласно которым ликвидационная комиссия (ликвидатор) представляет в регистрирующий орган справку *территориального (городского или районного) архива* соответствующего местного исполнительного и распорядительного органа [21]. Таким образом, в нормативном правовом акте впервые появилось

название «территориальный (городской или районный) архив соответствующего местного исполнительного и распорядительного органа».

Несмотря на то что в Декрете 1999 года они именовались уже *территориальными (городскими или районными) архивами соответствующего местного исполнительного и распорядительного органа*, Указом Президента Республики Беларусь от 4 октября 2002 г. № 513 «О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 20 сентября 1996 г. № 373» [22] было внесено дополнение в Положение о НАФ, которым было определено, что документы ликвидируемых организаций, не являющихся источниками формирования Национального архивного фонда, передаются на хранение в соответствующие *районные (городские) архивы по личному составу* (часть четвертая пункта 19 Положения о НАФ).

Таким образом, принятие Постановления № 464 стало важным этапом в становлении территориальных (городских или районных) архивов, однако не являлось завершающим. После создания районных и городских архивов по личному составу остались нерешенными вопросы определения их статуса, порядка финансирования, нормативно-правового и материально-технического обеспечения и др.

Не был создан городской архив в г. Минске. Как отмечал Председатель Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь А. Н. Михальченко, «в г. Минске достаточно остро стоит проблема приема на хранение документов в государственные архивы, в связи с чем более 15 лет государственный архив Минской области из-за отсутствия свободных площадей не имеет возможности обеспечить прием документов даже государственных организаций» [23].

Данную проблему удалось частично решить через 2 года, когда решением Минского городского исполнительного комитета от 3 декабря 2002 г. № 1792 было создано государственное учреждение «Минский городской архив» [24].

Спустя десятилетие в целях совершенствования организации работы районных и городских архивов по личному составу в новом Законе Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. № 323-З «Об архивном деле и делопроизводстве» (далее — Закон об архивном деле) они получили новое наименование — *территориальные (городские или районные) архивы местных исполнительных и распорядительных органов* — и стали юридическими лицами (за исключением архивов, включенных в структуру зональных государственных архивов). Также они были выведены из состава государственных архивных учреждений.

Вместе с тем в 2019 году при работе над темой НИР «Совершенствование правовых основ организации архивного дела и делопроизводства в Республике Беларусь» отмечалось, что «Закон об архивном деле характеризуется неопределенным статусом территориальных (городских и районных) архивов местных исполнительных и распорядительных органов в системе органов архивного дела и делопроизводства и государственных архивных учреждений, пре-

пытствующим организации четкого взаимодействия между ними в вопросах комплектования архивов, учета и сохранности архивных документов» [25]. Рассматривалось предложение о включении территориальных архивов в систему государственных архивных учреждений. В отчете о НИР отмечалось, что «включение территориальных (городских или районных) архивов в состав государственных архивных учреждений будет способствовать установлению контроля за их работой со стороны государственного органа в сфере архивного дела и делопроизводства, а также обеспечит передачу документов, отнесенных по результатам экспертизы ценности к Национальному архивному фонду Республики Беларусь в государственные архивы на постоянное хранение» [25, с. 24].

Однако данное предложение не нашло своего закрепления в новой редакции Закона об архивном деле. При этом в редакции Закона об архивном деле от 18 апреля 2022 г. [26] они получили название *территориальные (городские или районные) архивы*. Изменение названия было осуществлено в целях его оптимизации [27, с. 18].

В настоящее время свою деятельность осуществляют 122 территориальных архива. Вместе с тем организация их работы требует дальнейшей научной разработки (в том числе вопросов теории комплектования, экспертизы ценности документов, принимаемых ими на хранение), а также внедрения полученных результатов в практику их работы. Отсутствует нормативный правовой акт, регламентирующий работу территориальных архивов и учитывающий специфику состава их документов и организации работы с ними.

С 2023 года существенно изменился состав документов, принимаемых на хранение в территориальные архивы. В связи с изменением определения термина «документ Национального архивного фонда Республики Беларусь», а именно, в части определения его как документа, находящегося на постоянном хранении или подлежащего постоянному хранению в силу его значимости для граждан, общества и государства. Такой категорией документов, соответственно, комплектуются только государственные архивы.

Данное изменение нашло отражение в Перечне типовых документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, иных организаций и индивидуальных предпринимателей, с указанием сроков хранения, в графе 5 которого установлены сроки хранения документов в иных негосударственных организациях, не являющихся источниками комплектования государственных архивов, у индивидуальных предпринимателей. В результате этого максимальные сроки хранения документов, которые поступают на хранение, составляют «10 лет» и «30 лет» (за исключением документов по личному составу со сроком хранения «55 лет»). В связи с этим в территориальных (городских или районных) архивах дела находятся на временном хранении, а по истечении этих сроков выделяются к уничтожению.

Таким образом, территориальные архивы имеют насыщенную историю своего создания и становления. С 1935 года велась работа по созданию районных

государственных архивов, в результате чего в 1941 году было закреплено их вхождение в сеть государственных архивов БССР. Районные и городские архивы являлись архивами с переменным составом, что предполагало хранение ими принятых документов в течение трех лет с последующей передачей в соответствующие областные архивы. Городские и районные государственные архивы осуществляли свою деятельность до тех пор, пока не вступило в силу постановление Совета Министров БССР от 11 ноября 1963 г. № 537 «О мерах по улучшению архивного дела в БССР», в результате чего они были упразднены, а на их базе созданы филиалы государственных архивов областей. С этого момента и до 1997 года оставалось неопределенным место хранения документов, в том числе по личному составу, ликвидированных организаций, не являющихся источниками комплектования государственных архивов.

Только в 1997 году было принято временное решение о передаче документов ликвидированных организаций в регистрирующие органы. При этом на практике документы передавались в разном порядке: в регистрирующие органы, в государственные архивы, а часть документов оставалась бесхозной. Одновременно органом государственного управления в сфере архивного дела и делопроизводства велась работа по созданию районных и городских государственных архивов по личному составу. С учетом мнений государственных органов, местных исполнительных и распорядительных органов Государственным комитетом по архивам и делопроизводству Республики Беларусь проведена соответствующая работа, в результате чего было принято Постановление № 464, в котором закреплено решение рекомендовать облисполкомам, Минскому горисполкому поэтапно, до 2000 года, образовать районные, городские архивы по личному составу. Во исполнение упомянутого постановления местные исполнительные и распорядительные органы на протяжении 1998—2002 годов приняли соответствующие решения. Таким образом, созданные районные (городские) архивы по личному составу принимали на хранение документы ликвидируемых субъектов хозяйствования, в том числе по личному составу. В 2011 году в Законе об архивном деле районные (городские) архивы по личному составу были названы территориальными (городскими или районными) архивами местных исполнительных и распорядительных органов, которые постепенно стали юридическими лицами. В редакции Закона об архивном деле от 18 апреля 2022 г. они получили название территориальные (городские или районные) архивы.

Источники и литература

1. Бурангулов, Б. В. Организация работы государственных архивных служб Приволжского федерального округа РФ по хранению документов личного состава ликвидированных учреждений и организаций / Б. В. Бурангулов // История и архивы. — 2014. — № 2. — С. 31—40.
2. Шумайко, М. Всебелорусские архивно-археографические конференции (съезды, совещания) / М. Шумайко // Студіі з архівной справы та документознаўства. — 2008. — Т. 16. — С. 37—41.

3. Архивное дело в БССР (1918—1968) : сборник законодательных и руководящих документов / Главное архивное управление при Совете Министров БССР ; сост. Е. Ф. Шорохов. — Минск : Польша, 1972. — 141 с.
4. Закон Республики Беларусь от 6 октября 1994 г. № 3277-ХП «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь».
5. Письмо председателя Комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь в Кабинет Министров Республики Беларусь от 15.02.1996 № 1-2/118 «О необходимости создания сети районных архивов по личному составу» // Государственный архив Брестской области (ГАБр). — Ф. 733. Оп. 1. Д. 1430. Л. 4—6.
6. Постановление Кабинета Министров Республики Беларусь от 13 августа 1996 г. № 532 «О некоторых вопросах прекращения деятельности субъектов хозяйствования».
7. Указ Президента Республики Беларусь от 20 сентября 1996 г. № 373 «Об утверждении Положения о Национальном архивном фонде Республики Беларусь, а также сети государственных архивных учреждений Республики Беларусь».
8. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 апреля 1997 г. № 390 «О внесении изменения и дополнения в постановление Кабинета Министров Республики Беларусь от 13 августа 1996 г. № 532».
9. Приказ Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 22.05.1997 г. № 13 «Об утверждении порядка хранения архивных документов ликвидированных субъектов хозяйствования».
10. Документы о рассмотрении и согласовании проектов «Об уточнении порядка прекращения деятельности субъектов хозяйствования», проекта Инструкции о порядке ведения в государственных налоговых органах Республики Беларусь делопроизводства по документам, содержащим информацию об имущественном положении и источниках денежных средств физических лиц // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 249. Оп. 5. Д. 2456.
11. Замечания и предложения центральных госархивов и областных отделов по архивам и делопроизводству по проектам «О порядке создания и деятельности экспертных комиссий» и «О порядке выявления и отнесения документов ...», письма Министерств экономики, юстиции, финансов Республики Беларусь о создании сети районных межведомственных архивов по личному составу // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 249. Оп. 5. Д. 2419.
12. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26 марта 1998 г. № 464 «Об основных направлениях развития архивного дела и делопроизводства в Республике Беларусь до 2000 года».
13. Решение Гродненского областного исполнительного комитета от 16 февраля 1998 г. № 68 «О восстановлении сети районных и городских архивов по личному составу в 1998—2000 годах».
14. Решение Минского областного исполнительного комитета от 29 апреля 1998 г. № 44 «О восстановлении сети районных и городских архивов по личному составу в 1998—2000 годах».
15. Решение Могилевского областного исполнительного комитета от 28 мая 1998 г. № 9-27 «О создании районных и городских архивов по личному составу».
16. Решение Витебского областного исполнительного комитета от 4 сентября 1998 г. № 427 «О создании архивов по личному составу в 1999—2000 годах в городах и районах области».

17. Решение Брестского областного исполнительного комитета от 4 апреля 2000 г. № 235 «О районных и городских архивах по личному составу».
18. Положение Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь от 01.06.1998 «Примерное положение о районном (городском) архиве по личному составу».
19. Закон Республики Беларусь от 6 января 1999 г. № 236-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь».
20. Декрет Президента Республики Беларусь от 16 марта 1999 г. № 11 «Обупорядочении государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования».
21. Декрет Президента Республики Беларусь от 16 ноября 2000 г. № 22 «О внесении изменений и дополнений в Декрет Президента Республики Беларусь от 16 марта 1999 г. № 11 и некоторых вопросах государственной регистрации отдельных юридических лиц».
22. Указ Президента Республики Беларусь от 4 октября 2002 г. № 513 «О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 20 сентября 1996 г. № 373».
23. Разъяснение Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь № 3-1/619 «О хранении документов ликвидированных субъектов хозяйствования» / Сайт bankrot.by Банкротство в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bankrot.by/zak-133>. — Дата доступа: 06.11.2023.
24. Решение Минского городского исполнительного комитета от 03.12.2002 № 1792 «О создании Государственного учреждения «Минский городской архив».
25. Совершенствование правовых основ организации архивного дела и делопроизводства в Республике Беларусь: Отчет о НИР (заключит.) / учреждение «Белорусск. науч.-исслед. ин-т документоведения и архивного дела»; рук. темы С. В. Жумарь. — Минск, 2019. — 93 с. — № 20190417.
26. Закон Республики Беларусь от 18 апреля 2022 г. № 163-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь».
27. Рыбаков, А. Е. Новации Закона Республики Беларусь «Об архивном деле и делопроизводстве»: хранение документов в организациях и комплектование государственных архивов / А. Е. Рыбаков // Архивы и делопроизводство — 2022. — № 5. — С. 18—36.

Артикул паступіў у рэдакцыю 10.09.2024.

*В. С. Іванова,
дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
e-mail: ivanova.volga.s@gmail.com*

ПАДЫХОДЫ ДА ЗБОРУ І АНАЛІЗУ ВУСНЫХ УСПАМІНАЎ

Вусныя ўспаміны з'яўляюцца значнай, але часта недаацэненай гістарычнай крыніцай, а таксама могуць быць пастаянным аб'ектам архіўнага (музейнага) захоўвання. Так у 1959 г. на магнітафонную плёнку былі запісаны ўспаміны аб В. Харужай [1]. Без гуказапісваючай тэхнікі фіксаваліся шматлікія ўспаміны ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны, якія захоўваюцца сёння ў дзяржаўных архівах і музеях. Метад інтэрв'ю не з'яўляецца вынаходніцтвам уласна гістарычнай навукі, а выкарыстоўваецца найперш у журналістыцы, сацыялогіі, этнаграфіі, дакументальнай літаратуры, пазней у кірунку вуснай гісторыі*. Гісторыкам і архівістам для працы ў гэтым кірунку патрэбны дадатковыя кампетэнцыі, якія часта выходзяць за межы класічнага крыніцазнаўства і архівазнаўства. Прадстаўлены артыкул ставіць на мэце акрэсленне асноўных падыходаў і тэрміналогіі ў кірунку працы гісторыкаў і архівістаў з вуснымі ўспамінамі, у кантэксце стварэння вуснага ўспаміну, яго захоўвання і інтэрпрэтацыі.

Гісторык ці архівіст, які працуе з пісьмовым дакументам, ніколі не ўздзейнічае на працэс стварэння крыніцы, а таксама вельмі часта мае даволі абмежаваную інфармацыю аб тым, якім чынам і ў якіх умовах яна паўстала. У супрацьвагу, праца з вусным успамінам пачынаецца з яго запісу як крыніцы. На гэтым этапе закладаецца інфармацыйны патэнцыял і магчымасці далейшага вывучэння і інтэрпрэтацыі.

Існуюць два асноўныя падыходы да запісу вуснага ўспаміну: *даследчыцкі (ці тэматычны)* і *архіўны (ці інфармацыйны)*. Іх даволі грунтоўна акрэсліла ў сваёй дысертацыі расійскі даследчык Дзіяна Хубава яшчэ на пачатку 1990-х гг. [2, с. 66—70]. Гісторык запісвае вусны ўспамін, кіруючыся ўласнай праграмай тэматычнага даследавання. Для архівіста асноўнай задачай з'яўляецца фіксацыя і захаванне інфармацыі аб як мага найбольшай колькасці грамадскіх працэсаў і з'яў. адлюстроўваючы не толькі саму інфармацыю, але і атмасферу яе існавання разам з усімі ўласцівымі ёй характарыстыкамі. Дакументаванне працэсу інтэрв'ювання праз складанне суправаджальных дакументаў: спіса рэспандэнтаў, плана інтэрв'ю, апытальніка, анкеты, пратакола інтэрв'ю, дагавора з рэспандэнтам і інш. — з'яўляецца важным для працы архівіста і метаэгодным для працы гісторыка. Суправаджальныя дакументы фіксу-

* *Вусная гісторыя (oral history)* — кірунак у гістарычных даследаваннях з сярэдзіны XX ст., заснаваны на метадае запісу вуснага ўспаміну як аўтабіяграфічнай (тэматычнай) гістарычнай крыніцы і яго аналізе з дапамогай міждyscyплінарных метадаў.

коць усе этапы працы і ў далейшым дазваляюць праводзіць знешнюю крытыку і верыфікаваць атрыманыя вынікі.

Прынцыповае адrozenне назіраецца ў стаўленні архівіста і гісторыка да працэсу інтэрв'ювання, вынікам якога паўстае вусны ўспамін. Вусны ўспамін заўсёды запісваецца з выкарыстаннем відэа-, аўдыятэхнікі (дыктафона, відэакамеры), якая дае магчымасць атрымаць своеасаблівы адбітак памяці ў зададзеным і верыфікуемым кантэксце, а таксама закладвае магчымасць для найбольшай колькасці інтэрпрэтацый у далейшым. Больш інфарматыўным з'яўляецца відэаінтэрв'ю, бо ўтрымлівае значны аб'ём невербальных звестак (інтэр'ер, адзенне, знешні выгляд, рухі, міміка і г. д.), якія ў далейшым могуць таксама стаць аб'ектам аналізу.

Для архівіста асноўным з'яўляецца біяграфічнае інтэрв'ю, якое прадугледжвае невялікую колькасць пытанняў, як правіла, адкрытага тыпу. Задача — даць рэспандэнту максімальна раскрыцця самастойна для трансляцыі ўласнага вобразу мыслення, памяці, успрымання пражэктага, ацэнкі падзей мінулага. Праблема такога падыходу ляжыць у фарміраванні структурных і часавых рамак інтэрв'ю, бо запісваць усю інфармацыю немагчыма. Рэспандэнт і інтэрв'юер стамляюцца, а праца больш за дзве гадзіны з'яўляецца ўжо неэфектыўнай. З іншага боку, жорсткі тэматычны апытальнік гісторыка можа прывесці не толькі да немагчымасці верыфікацыі інфармацыі праз кантэксст, але і да адсутнасці новай інфармацыі як такой. Бо пры адсутнасці завяршанага наратыву і раскрыцця ўласнага меркавання, асабліва малаадукаванымі рэспандэнтамі, трансліруецца роўна тая інфармацыя, якая закладзена ў самім пытанні.

Для гісторыка суразмоўца — гэта найперш сведка падзей, з якім вядзецца размова па вызначаным плане, для архівіста — апаздальнік, з якім вядзецца вольная гутарка, скіраваная на раскрыццё як мага большай колькасці тэм. Класічны прыклад архіўнага інфармацыйнага (элітарнага) падыходу пры запісе вуснага ўспаміну — гэта ўзяцце інтэрв'ю ў знакамітых дзеячаў сучаснасці, з чаго ўласна і пачыналася вусная гісторыя як новы гістарыяграфічны кірунак у праекце Алана Нэвінса ў Калумбійскім універсітэце ў сярэдзіне XX ст. Надалей жа за вуснай гісторыяй замацавалася ампліа *гісторыі тэлу*. Архіўны падыход пры гэтым не быў страчаны, а развіваўся ў межах захавання памяці асобных сацыяльных груп, якія мелі праблемы ў фіксацыі сваёй гісторыі традыцыйнымі пісьмовымі сродкамі ці не мелі пісьмовай гісторыі ў прынцыпе.

Як паказвае вопыт працы архіваў вуснай гісторыі [3], на практыцы для дасягнення максімальнага выніку тэматычны і архіўны падыходы могуць спалучацца. Задаецца пэўная тэматычная рамка, выбіраецца група рэспандэнтаў, праводзіцца паўадкрытае біяграфічнае інтэрв'ю з асобнымі тэматычнымі блокамі, у выпадку калі тэма, якая выклікае цікавасць, не раскрываецца ў першай фазе інтэрв'ю — фазе т. зв. непрымушанага апаведу. Правільна правядзення інтэрв'ю прапанаваны ў вялікай колькасці прац ад класічных оксфардскіх падручнікаў, працы Пола Томпсона, упершыню апублікаванай у 1978 г. і пераве-

дзенай на рускую мову ў 2003 г., да медальчыных парад, распрацаваных супрацоўнікамі архіваў вуснай гісторыі [4; 5].

Адным з варыянтаў атрымання рэпрэзентатыўнасці вуснага ўспаміну можа быць класічная сацыялагічная выбарка. З кожнай сацыяльнай групы ці падгрупы выбіраюцца 6—15 прадстаўнікоў з мэтай дасягнення інфармацыйнага насычэння тэмы [6, с. 84—88]. Але гісторык, у залежнасці ад пастаўленай задачы, могуць задаваць уласныя параметры выбаркі, зыходзячы з гістарычнага кантэксту. Так, напрыклад, у даследаванні Пола Томпсана «Эдвардынцы» выбраная група рэспандэнтаў адпавядала сацыяльнай стратыфікацыі мінулага, утварала сабой рэпрэзентатыўны зрэз брытанскага грамадства XX ст. [7]. Крытэрыем адбору рэспандэнтаў могуць быць: прафесія, сацыяльны статус, узрост, пол, веравызнанне, месцажыхарства і інш. Для выяўлення якасцей гістарычна працэсаў і з'яў рэпрэзентатыўная выбарка, як і дакладны альпальнік, як правіла, не патрабуецца — дастаткова агульных крытэрыяў сацыяльнага вымярэння і асобных пытанняў. Такі падыход атрымаў у навуковай літаратуры назву «*гістарычная сацыялогія*».

Калі звярнуць увагу на тэрміналогію, што датычыцца працэсу запісу вуснага ўспаміну, то яна таксама можа адрознівацца ў залежнасці ад абранага падыходу. Паняцце «*інтэрв'ю*» разглядаецца як працэс, у выніку якога запісваецца вусны ўспамін. Пол Томпсан адзначаў, што інтэрв'ю — гэта не дыялог і не размова. Яго сутнасць у тым, каб даць магчымасць выказацца інфарманту. А П'ер Бурдзье разглядаў яго як від духоўнага практыкавання, што мае на мэце праз адмову ад уласнага «я» прыйсці да поўнай трансфармацыі меркавання аб іншых людзях. Аб'ектам інтэрв'ю ў дадзеным выпадку выступае *інфармант, інтэрв'юраваны, рэспандэнт*, ад якога даследчык (*інтэрв'юер*) атрымлівае інфармацыю. Інфармант і інтэрв'юер выконваюць розныя, няроўныя ролі і не могуць з'яўляцца суразмоўцамі.

Вынікам біяграфічнага інтэрв'ю можа стаць «*жыццёвая гісторыя*» (ці «*біяграфічны аповед*»), якая, на думку нямецкага сацыёлага Фрыца Шутцэ, і з'яўляецца канструкцыяй, што ўключае ў сябе сацыяльную рэальнасць і ўнутраны жыццёвы вопыт чалавека. Калі гаворка ідзе пра працу гісторыка ў рэчышчы тэматычнага інтэрв'ю, то аб'ектам будзе выступаць асоба, якая можа прадставіць неабходныя звесткі па цікавай тэме, — *сведка ці удзельнік падзей*. Паняцце «*вусны ўспамін*» можна разглядаць у кантэксце класічнай крыніцазнаўчай тэорыі як адзін з відаў дакументаў асабістага паходжання [8], з пэўнымі спецыфічнымі рысамі яго стварэння і інтэрпрэтацыі.

Большасць даследчыцкіх метадык (крыніцазнаўчых, сацыялагічных, антрапалагічных) прадугледжвае на другім этапе працы перанос успамінаў з вуснай у пісьмовую форму, т. зв. *трансфармацыю інтэрв'ю*. Гэта дае магчымасць для паўнаватраснага аналізу, падзелу на дробныя элементы і пошуку новых сэнсаў. Пры гэтым асабліваці вуснай формы таксама вербалізуюцца і аналізуюцца. Найўнясць адкрытага доступу да аўдыяверсіі і суправаджальных дакументаў

(апытальніка, анкеты, пратакола) стварае магчымасці верыфікацыі. Пры транскрыбаванні ўспамін з вуснага пераўтвараецца ў некалі прамоўлены. Транскрыпцыя, па сутнасці, становіцца першаснай інтэрпрэтацыяй. Бо, як паказвае практыка, розныя транскрыбітары могуць па-рознаму чуць і фіксаваць пачутае ў залежнасці ад сваіх кампетэнцый, светабачання, адчування мовы, традыцый, культуры. Па-рознаму могуць інтэрпрэтавацца словы, выбудоўвацца сказы, фарміравацца абзацы, паказвацца завершаныя нарацыі. У кожнага транскрыбітара можа быць свой стыль працы. Можна дакладна пазначаць усе гукі (улічваючы асобныя літары, што не нясуць сэнсавага нападўнення) і невербальныя сімвалы. Можна выбраць варыянт фіксацыі толькі сэнсава абумоўленых сімвалаў. Як адзначаў Майкл Фрыш, «чым больш мы спрабуем, каб голас быў максімальна пачуты на арукаванай старонцы, тым больш рызыкаем атрымаць нечытальны тэкст» [9]. Таму другі варыянт падаецца больш аптымальным. Бо даследчык заўсёды можа параўнаць транскрыбаваны варыянт успаміну з арыгінальным.

Прыступаючы да інтэрпрэтацыі, даследчык найперш мае справу з пэўнай формай суб'ектыўнасці вуснага ўспаміну як крыніцы. Класічнае крыніцазнаўства звяртае ўвагу на тое, што кожная крыніца мае свае асаблівасці ўзнікнення і бытавання, а яе верыфікацыя праводзіцца праз унутраную і знешнюю крытыку. Гэтыя ж правілы дзейнічаюць і для ўсяго комплексу дакументаў асабістага паходжання, метадыка аналізу якіх дастаткова добра распрацавана. Суб'ектыўнасць — гэта ўласцівасць любой крыніцы. Напрыклад, Пол Томпсан у сваёй працы «Голас мінулага» прыводзіць цытату былога брытанскага міністра пачатку XX ст. аб афіцыйных дакументах: «Прачытаўшы ўсе матэрыялы Кабінета міністраў аб пасаджэннях, у якіх я сам удзельнічаў, я зразумеў, што гэтыя дакументы вельмі часта не мелі ніякіх адносін да таго, што адбывалася на самой справе» [4, с. 67]. Аўтар робіць выснову аб тым, што «кожная гістарычная крыніца мае суб'ектыўны характар, але толькі вусныя крыніцы дазваляюць нам пераадолець гэтую суб'ектыўнасць: вызваліць памяць слоў за сломам, дакапацца да яе глыбін у надзеі знайсці скрытую праўду» [4, с. 177]. Таму праблема заключаецца найперш у пошуку адпаведных метадаў інтэрпрэтацыі вуснага ўспаміну, яго ўпісання ў гістарычны кантэкст. Яны павінны адпавядаць падыходу, выбранаму на пачатку даследавання.

Асноўныя этапы фармальнага аналізу біяграфічнага інтэрв'ю былі распрацаваны Фрышам Шутцэ ў 1980-х гг. Першы яго этап, як правіла, скіраваны на ачыстку тэксту ад ненаратыўных частак*, яго сегментацыю на фармальныя раздзелы. На другім этапе праводзіцца структурнае апісанне зместу ўрыўкаў, пазначаюцца тыповыя спосабы пачатку і заканчэння нарацыў — словы, фразы, інтанацыі. Далей выбудоўваецца т. зв. біяграфічная паласнасць — паслядоўнасць

* *Наратыву* (X. Yaitim) — апавядальнае аб'яднанне падзей, што складаюць гісторыю ў адзіную ўсеагульную ці архетыповую форму; *нарацыя* (эпізод, элемент нарацыў) (Ж. Жэнет) — акт выказвання, што ўтрымлівае апавядальны змест. Наратыва мае ўласцівасць завершанасці. Незавершаныя апавед не можа разглядацца ў якасці нарацыі.

працэсаў і напластаванню жыццёвага вопыту па асобных этапах. На чашвёртым — аналізуюцца інтэрпрэтацыі гісторыі ўласнага жыцця і ідэнтычнасці рэспандэнта. Вылучаюцца стратэгіі перапрацоўкі, спірання ці выцяснення памяці. І ўрэшце адбываецца пабудова даследчыцкай аўтабіяграфічнай тэорыі, якая базіруецца на судзіжненні біяграфічных працэсаў і іх змяненню ў часе [6, с. 84—88].

Даследчык-сацыёлаг Габрыэль Разэнгаль прапанавала форму аналізу вусных успамінаў на падставе супастаўлення рэальнага жыццёвага вопыту рэспандэнта з аповедам пра гісторыю гэтага жыцця. Погляд на падзеі з пункту гледжання сучаснасці вызначае, што іменна чалавек лічыць важным для сваёй біяграфіі, як выбудоўвае тэматычныя і часовыя сувязі паміж рознымі перажытымі падзеямі, і якім чынам рэаліі мінулага, сучаснага і ўяўленні пра будучыню ўздзейнічаюць на разуменне сэнсу жыцця. Пасля аналізу біяграфічных даных і тэматычнага поля наратыву адбываецца рэканструкцыя гісторыі жыцця, мікрааналіз асобных частак тэксту, кантраснае параўнанне гісторыі жыцця і наратыву пра яго [10].

Тэматычны аналіз — гэта імкненне да рэканструкцыі (або канструіравання) мінулага на аснове вусных успамінаў непасрэдных сведкаў і ўдзельнікаў гістарычных падзей (*рэканструктыўны падыход*). Гэта задача можа быць актуальнай па прычыне абмежаванасці ці адсутнасці дакументальных гістарычных крыніц традыцыйнага тыпу па тых ці іншых падзеях гістарычнага мінулага. З дапамогай вусных успамінаў можна таксама вывучаць калектыўную памяць і ідэнтычнасць* асобных сацыяльных груп (нацыянальных, рэлігійных, грамадскіх, гендарных і інш.) аб пэўных гістарычных падзеях. Пры гэтым увага даследчыка факсіруецца на тым, што і як распавядае рэспандэнт, як ацэньвае падзеі, які сэнс ім надае (*сацыялагічны падыход*) [9].

Такім чынам, вусныя ўспаміны паўстаюць як актуальная і перспектыўная крыніца для гістарычных даследаванняў, якая дае магчымасць для значнага пашырэння комплексу гістарыяграфічных праблем і падыходаў да іх вырашэння. Асаблівасці збору і аналізу вусных успамінаў патрабуюць ад даследчыка грунтоўных міждысцыплінарных кампетэнцый і дадатковых ведаў у галіне сацыялогіі, культурнай антрапалогіі, лінгвістыкі, псіхалогіі і іншых дысцыплін. Працэс запісу вусных успамінаў і іх транскрыбавання з'яўляецца даволі складаным і працаёмкім. Усё гэта з'яўляецца пэўным выклікам для гісторыка, які прывык працаваць з пісьмовымі дакументамі, але ў той жа час адкрывае шырокія магчымасці для паглыблення і ўдасканалення навуковых даследаванняў. Мэтанакіраваны запіс і захоўванне вусных успамінаў па розных актуальных для грамадства тэмах можа стаць адным з кірункаў камплектавання архіваў і дзейнасці архівістаў.

* *Калектыўная (сацыяльная) памяць* (М. Хальбасак) — памяць пра мінулае асобнай групы людзей, якая падкрэслівае асаблівасці гэтай групы, адрознівае яе ад іншых. *Калектыўная ідэнтычнасць* (А. Асман) — уяўленне пра сябе, якое канструюецца малымі ці вялікімі сацыяльнымі групамі (да нацыі і дзяржаў).

Літаратура і крыніцы

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 1369. Воп. 1. Адз. зах. 33—35. Магнітафонная плёнка з запісам размовы С. Кэмпрада з Г. М. Васілевай у Мінску. Красавік 1959 г.
2. Хубова, Д. Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. Н. Хубова. — М., 1992. — 322 с.
3. Іванова, В. С. Архівы вуснай гісторыі: этапы станаўлення, традыцыйныя практыкі і сучасныя тэндэнцыі захоўвання / В. С. Іванова // Беларускі археаграфічны штогоднік / гал. рэд. Э. М. Савіцкі [і інш.] — Мінск: БелНДДАС, 2022. — Вып. 23. — С. 46—57.
4. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. — М., 2003. — 368 с.
5. Ritchie, D. A. Doing Oral History / D. A. Ritchie. — Oxford, 2002. — 352 p.
6. Рождественская, Е. Ю. Биографический метод в социологии / Е. Ю. Рождественская. — М., 2012. — 380 с.
7. Thompson, P. The Edwardians. The Remaking of British Society / P. Thompson. — London, 1992. — 342 p.
8. Безрогов, В. Г. Автобиография и социальный опыт / В. Г. Безрогов // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. — М., 2004. — С. 529—550.
9. Фриш, М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена» / М. Фриш // Хрестоматия по устной истории. — СПб., 2003. — С. 61—62.
10. Розенталь, Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью / Г. Розенталь // Хрестоматия по устной истории. — СПб., 2003. — С. 322—355.

Артэкул наступіў у рэдакцыю 17.06.2024

Ю. В. Нестерович,*старший научный сотрудник**Центра исследований белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук Беларуси,**кандидат исторических наук;**e-mail: nesterca.com@yandex.by*

К ОПТИМИЗАЦИИ ПОНЯТИЙ, ТЕРМИНИРУЕМЫХ КАК «ПОДЛИННИК ДОКУМЕНТА» И СООТНОСИМЫХ С НИМИ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ И АРХИВНОМ ДЕЛЕ, ДОКУМЕНТОВЕДЕНИИ И АРХИВОВЕДЕНИИ

Терминоединица «подлинник документа» давно и прочно вошла в терминосистему делопроизводства и документоведения, стандартизирована через ряд терминов в СТБ, ГОСТ, ДСТУ. Сегодня при выработке методологической платформы хранения ЭД (электронных документов) (она считается востребованной для разработки единой классификации ЭД для делопроизводства и архивного дела) обосновывается отказ от использования данной терминоединицы в [1; 2]. Альтернативой такому отказу выступает обогащение терминологического аппарата с вектором оптимизации соотношения понятий оперативного документа и подлинника архивного документа, позволяющем непротиворечиво подходить к такой разработке.

Экспликация понятия подлинника документа в междисциплинарной проекции охватывает корреляцию широко употребляемых в делопроизводстве, издательском, библиотечном и архивном деле и в соответствующем законодательстве терминов «оригинал», «копия», «подлинник», «дубликат документа». Сложность формирования фрагмента терминосистемы документологии, включающей термины «оригинал», «копия», «подлинник документа» и иные, обозначающие стадийные формы функционирования единиц документационной и инфообеспечивающей деятельности (к ним относятся служебные документы, научно-технические документы, документы библиотечного фонда, архивные документы), вызвана многозначностью данных терминов, приводящей при междисциплинарной проекции их формирования к неполнозначным соответствиям их понятиям. В тезаурусе, поддерживаемом Международным советом архивов, дефиниция к термину «оригинал документа» полнозначна: «документ, имеющий копию (копии) или предназначенный для снятия с него копий» (такое понятие обобщает, среди прочего, неразрывность копии и оригинала документа как единиц, связанных процессом копирования). Тем не менее, при этом *синонимом берется* термин «подлинник документа» [3], что ведет к возникновению неустраняемых несоответствий. Если принимать во внимание не только концепцию копийности документов, но и концепцию стадийности их, в соответствии с которой оригиналом (образцом для копирования в процессах документирования) может выступать проект, подлинник, полная копия, час-

тичная копия (для ее обозначения используется профессионализм «выписка») документа. Концепция стадильности документа предполагает конституирование разнотипных объектов: эмпирических объектов, представляющих собой кортежи документов, взаимосвязанных между собой прохождением стадий создания и функционирования, и идеализированных теоретических объектов, представляющих собой целостность, охватывающую эти документы, проходящие такие стадии. Понятие о первом типе объектов приемлемо обозначать как «стадильные документы», выражая свойство связи документов прохождением стадий и противопоставляя астадильным документам — у которых данная связь отсутствует. Понятие о втором типе объектов — собирательное, формируемое конструированием инфоединиц прохождения стадий в целостность, которую мы обосновываем мотивированным обозначением «ультрадокумент» (гомологична данной целостности целостность, обобщаемая в понятии генеалогического древа). По отношению к ультрадокументу (т. е. собранию стадильных форм, образуемых при функционировании реализуемого в ряде отдельных документов интеллектуального продукта документирования, конституируемого в семантически-когнитивном плане) абсурдно излагать о наличии у него копий, копированию подлежат стадильные документы — образующие такое собрание (стадильных форм) и выступающие в форме проекта, подлинника, копии. Значительная часть документов *астадильна*, это относится, прежде всего, ко всем персональным документам, к учетным служебным документам.

В делопроизводстве наличие стадильных форм документа соответствует выделению видов служебных документов по признаку «стадий создания», напр. [4]. Такое выделение не вполне точно, исходя из распространенного в отечественном делопроизводстве выделения стадиями «создания документа», «изучения существа дела, сбора необходимой информации, подготовки проекта документа, согласования проекта, подписания документа». Соразмерно излагать о стадиях функционирования не единичного, а именно *ультрадокумента*. Термин «ультрадокумент» и соответствующее ему понятие востребованы в документологии именно для описания стадильности документов. Соответственно базисной теоретической схеме документологии мы формируем трактовки единиц документаобразования, позволяющие элиминировать несоразмерности изложения и концептуализации: *отдельный документ* — обособленно представленный на некотором объекте хранения данных, в некоторой документационной системе ПДЗИ в виде комбинации определенного документированного инфопродукта и отдельного единственного документаризованного продукта (записи данных на носителе данных, в памяти технического устройства) с определенным составом данных и метаданных. *Единичный документ* — ПДЗИ в виде комбинации определенного документированного инфопродукта и отдельного единственного документаризованного продукта, который в процессе функционирования дополняется новыми метадокументированными метаданными / имеет изменение технологических метаданных. *Ультрадокумент* —

ПДЗИ, возникший в процессе, документированная целостность которого образуется на семантическом, семасинтаксическом и прагматическом уровнях происхождения документом стадий создания и функционирования, обеспечивается единством реализуемого интеллектуального продукта.

В отечественном документоведении и делопроизводстве также имеет место синонимия терминов «оригинал документа» и «подлинник документа», но при иной трактовке их, нежели в международном нормативном и справочном дискурсе, делающей данную синонимию частичной и недостаточно мотивированной. Принимая во внимание, что в итоге концептуализации «подлинник документа» предстает, в отличие от «оригинала документа», обозначением сугубо ОПД (официального правового документа), а именно, стадийальной формой управленческого служебного (и аутентичного) ОПД, отличающегося от оригинала служебного управленческого документа добавлением к окончательно установленному комплексу документированных данных («тексту документа») и частично установленных метаданных — удостоверяющих (уже — юридически легализирующих) реквизитов. Такая трактовка имеет место и в пояснениях А. Е. Рыбакова [5]. Номинально он принимал принятое в документоведении в соответствии с критерием «воспроизведения» деление понятия документа на понятия «подлинников (оригиналов) и копий». Фактически же им обосновывается наличие у ряда служебных ультрадокументов стадийальных форм, термилируемых как «оригинал документа» и «подлинник официального документа».

Из дефиниенса к употребляемому в рамках предметной области «делопроизводство» термину «подлинник документа» в ГОСТ 16487-70 (за пределами делопроизводства — в управленческом документоведении и в документологии следует использовать более точный термин «подлинник служебного документа»), из чего однозначно имплицитно вытекает, что «подлинники документов» сугубо официальные документы (в значении, закреплённом в ГОСТ 16487-83). Поэтому в ГОСТ 16487-83 и в ГОСТ Р 51141-98 внесен модифицированный термин «подлинник официального документа». А. Е. Рыбаков же актуализирует эксплицитно выводимое следствие дефиниций ГОСТ — то, что в качестве подлинников документов (ОПД) конституируются *подлинные* документы соответственно трактовке ГОСТ 16487-83 (соответственно доминирующей международной терминологии этому соответствуют *аутентичные* документы). А при пояснении им стадийальной формы служебного документа (промежуточной — между проектом и подлинником) в качестве оригинала его он использует, наряду со стандартизированным дефиниенсом «впервые созданные документы», и нестандартизированный термин «оригинальные документы» (тем самым, получается выверенное в семантическом плане пояснение: подлинник документа коррелятивен подлинному документу, а оригинал его — оригинальному документу).

Тем не менее, внесение в ГОСТ 16487-83 и ГОСТ Р 51141-98 термина «подлинник официального документа» деформирует понятийный аппарат

делопроизводства и точное терминование его, поскольку в делопроизводстве в качестве официальных документов продуцируются документы не только на стадии подлинника, но и на стадии проекта, и на стадии копии (при заверении копии документа). В данных ГОСТ, в отличие от ГОСТ 16487-70, упущено из виду обстоятельство, что «впервые создается» не только документ с окончательно установленным КДДМ (комплексом документированных данных и метаданных) (понятие КДДМ обосновано в [10] и др.), т. е. по терминологии ГОСТ 16487-70 — «подлинник документа», но и с неокончательно установленным КДДМ, т. е. проект документа (данный изъян позволяет устранить использование отсутствующего в понятийном аппарате понятия единичного документа), не обращая уже внимания на смешение в ГОСТ понятий документа и управленческого документа.

А. Е. Рыбаков поясняет, что «в качестве синонима слова «подлинник» иногда употребляется термин «оригинал», хотя по своему смыслу определение «подлинник» (достоверный, действительный) имеет иное значение, чем то, которое вкладывается в понятие «оригинал» (самобытный, первоначальный)» (здесь в наличии метонимия в виде переноса наименования свойства предмета на предмет, учитывая, что взятой им семантикой соразмерно наделять иные термины-единицы, соответственно, «подлинный» и «оригинальный», обозначающие свойства предметов). Он концептуализирует: «оригиналы — документы, впервые созданные каким-либо индивидуальным или коллективным автором. Чтобы оригинал стал подлинником, он должен быть составлен на бланке согласно установленной форме, иметь удостоверяющие реквизиты (подпись и иногда печать), дату и индекс» [5, с. 8—10]. Получается, что предметно-функциональная характеристика, отличающая подлинник (служебного) документа от его оригинала, — оформление в нормативно установленном порядке. Выберя таксономию и концептуализируя с учетом семантической стадийности, приходим к парадоксальному (но не перверсивному) описанию: оригинал служебного документа — проект либо подлинник его, не оформленный в нормативно установленном порядке, а подлинник официального служебного документа — проект либо подлинник его, оформленный в нормативно установленном порядке.

Предложением рассматриваемой концептуальной схемы ученый уточняет терминование понятия в ГОСТ 16487-70 модификацией термина «подлинник документа» в термин «подлинник официального документа» (принимая во внимание, что стандарт устанавливает терминологию в области управления служебными управленческими документами, весомей будет, переходя от формирования понятийного аппарата делопроизводства к формированию понятийного аппарата документоведения и документологии, коррелитивную ГОСТ дефиницию: подлинник управленческого служебного документа — текстовый аутентичный ОПД (уточняя: полностью аутентичный, в отличие от оригинала документа — максимум слабоаутентичного) с комплексом окончательно установленных документированных данных и оформленных метаданных). Сост-

ветственно производимому ученым различению, в частности, оригиналом документа выступает завещание — документ личного происхождения, а подлинником официального документа — экземпляр завещания, заверенный уполномоченным должностным лицом. Конституирование подлинника подлинным оригинальным документом индифферентно к признаку первоначальности либо повторности создания ПДЗИ. В итоге разъяснения «подлинник документа» предстает «впервые созданным» подлинным документом, имеющим, как минимум, удостоверяющие и регистрационные инфоэлементы. Если «подлинный» здесь «конвертировать» в «подлинник», то данное понятие точнее терминировать как «подлинник официального документа».

Соответственно рассматриваемой концептуализации оригинал (служебного) документа становится «подлинным» (т. е. «аутентичным») — имеющим инфоэлементы, доказывающие достоверность официального происхождения), будучи удостоверяем в установленном порядке. А. Е. Рыбаков уточняет: лишь один из оригиналов документа «после придания ему статуса официального документа становится подлинником» [6]. «Статус официального документа» ПДЗИ приобретает в результате специфики оформления / удостоверения, а не именно придания ему правового статуса. В целом предложенная им концептуальная схема, экстраполируемая на единицы электронного документооборота, весьма продуктивная для более точного терминования их. Обозначение служебного ЭД на недооформленной стадии создания термином «оригинал служебного ЭД», а на нормативно оформленной стадии — с наличием ЭЦП и полного набора регистрационных данных термином «подлинник официального служебного ЭД», приемлемо брать альтернативной неполнозначному обозначению таких стадий (в том числе в отечественном законодательстве) через терминоединицу «документ в электронном виде (ДЭВ) — ЭД». Особенно учитывая *немотивированность* терминоединицы «ДЭВ», поскольку соответственно ТЭОИ (теории электронного обмена информацией) электронный вид — на экране имеет не документ, а структурированный набор цифровых данных, обрабатываемых единым целым [7, с. 28] (компонентами ЭД выступают и технические метаданные, и программная среда). Исходя из понятийного аппарата ТЭОИ, дефиниция «ДЭВ — документ, информация которого представлена в цифровой форме» [8, с. 13] противоречива, поскольку цифровую форму имеет двоичный файл на диске памяти техноустройства. Терминопара «ДЭВ—ЭД» фундирует утрированное описание. В рамках неутрированного описания соразмерно различать в служебной деятельности организаций среди электронно-цифровых документов (усеченно — ЭД), т. е. документов, функционирующих в ЭПС (по ТЭОИ — в электронной и в цифровой среде). ЭД с предварительно и окончательно оформленным КДДМ. Идентифицируя их соответственно — проекты и подлинники служебных ЭД.

В СТБ 2059-2013 внесена предельно семантически полиморфная дефиниция «оригинал документа — документ, созданный впервые», не позволяю-

ция вне контекста (пояснений) точно ориентироваться в практической деятельности. Рассматривая термин «оригинал документа» в безотносительном смысле, дефиниенс к нему содержит *конструкт, но не понятие*. Для того чтобы трансформировать данный конструкт в абстрактное, конкретное понятие, необходима конкретизация, напр., соответственно: впервые созданный Статут ВКЛ, экземпляр впервые изданного Статута ВКЛ 1529 г. Рассматривая его в относительном смысле — в контексте СТБ дефиниенс следует интерпретировать как «впервые созданный идентифицируемый инфопродукт», в контексте же СТБ его следует интерпретировать иначе: «впервые созданный законотворческий идентифицируемый инфопродукт, сохраняемый в справочных либо доказательных целях». Фактическая пустота понятия не исчезает, поскольку впервые создаются и *проекты, и подлинники, и копии* документов. Соответственно, невозможно точно указать объем понятия оригинала документа, не сформулировав существенный отличительный признак, отличающий его от проекта и копии документа. Для исключения фактической пустоты и достижения полноточности термина дефиниенс необходимо наполнить признаком, отличающим оригинал документа от проекта его: документ с окончательно установленным КДДМ. Противопоставляются первое и последующие продуцирования документа. Результат повторного продуцирования управленческого, правового документа — законченного по составлению и оформлению ОПД (т. е. с окончательно установленным КДДМ) термируется «дубликат документа». Типологически его следует идентифицировать («повторным» подлинником документа), хотя распространена иная идентификация: «разновидность копии документа». Если подлинник документа при первом создании «умножается» — продуцирован в нескольких машинописных экземплярах, то он «впервые создается» в масштабе ряда отдельных документов — идентичных КДДМ на отдельных носителях данных. Представленное в СТБ 2059-2013 различие оригинала документа и подлинника официального документа ориентировано на продуцирование машинописных служебных документов, когда под копировальную бумагу реплицируются ПДЗИ без удостоверительных документированных метаданных.

Экстраполируя концептуализацию А. Е. Рыбакова, охватывающую различение стадиями документа оригинала его и подлинника официального документа на область электронного документооборота, *оригиналом* служебного ЭД приемлемо выделять стадияльную форму служебного ЭД, представляющую собой частично оформленный документ с окончательно установленными документированными данными, снабженный инфоэлементом в виде электронно-цифрового воспроизведения собственноручной подписи должностного лица либо рестриктированный в плане наличия свойства аутентичности нахождением в локальной автоматизированной системе учреждения, создавшего данный документ. А *подлинником* служебного ЭД выступает стадияльная форма функционирования служебного ЭД, представляющая собой официальный документ (ОПД), идентичный предыдущей стадияльной форме — оригиналу ЭД по доку-

ментированным данным, снабженный ЭЦП (созданного специальными программами средствами аналога собственноручной подписи должностного лица), первый по времени записи на жесткий диск компьютера учреждения, создавшего данный документ. Развивая ее на общетеоретическом уровне и исходя из трактовки подлинности ЭД свойством аутентичности ЭД, устанавливаемой и гарантируемой ЭЦП (имеет место в Законе Республики Беларусь «Об электронном документе и ЭЦП»), достигнимо формировать на общетеоретическом уровне *полнозначный* и *внешне непротиворечивый* терминологический и понятийный аппарат (избегая утрированного описания, задаваемого в законодательном дискурсе Республики Беларусь наличием лишь терминопары «ЭД — подлинный ЭД», а в практическом дискурсе терминопары «ДЭВ — ЭД»). Различая аутентичный проект ЭД, оригинал ЭД, подлинную копию ЭД (в том числе служебно-окончательно составленный и оформленный ЭД, ЭД с измененным форматом, Подлинный проект ЭД, оригинал ЭД, подлинную копию ЭД — снабженный ЭЦП, аутентифицируемый предварительно составленный / оформленный электронный ОПД, окончательно составленный и оформленный электронный ОПД, электронный ОПД с измененным форматом.

Универсализируя концептуальную схему А. Е. Рыбакова через применение ее к описанию инфоединиц архивного дела, соразмерно выделять оригинал оперативного служебного документа (совмещая с базисной схемой общей теории документа В. П. Козлова [9], и оригинал оперативного архивного документа), и подлинник архивного документа, т. е. взятый на сохранение в государственный, территориальный архив (не в архив организации) экс-служебный документ (совокупность их), снабженный электронной подписью источника комплектования.

Представляется, что обоснование (Н. Г. Суровцевой [2] и др.) необходимости отказа от использования понятия подлинника документа для описания процессов документирования и документооборота ЭД в «сфере управления» ведет к фактическому нивелированию модели стадийности документа (ограничиванию описания функционирования документа в ДОУ следованием лишь модели копийности документа). Оно порывает со сложившейся в советское время развития документоведения традицией формирования терминологического и понятийного аппарата делопроизводства и документооборота, с придерживанием *концепции стадийности документа* и с включением в него терминопары «подлинник документа — подлинный документ». В нормативном дискурсе она была представлена в ГОСТ 16487 (в ГОСТ 16487-70 представлен первый термин пары). Документологически корректируя его в качестве полнозначного представления понятия, он охватывает текстовые аутентичные (по ГОСТ 16487 — подлинные) официальные управленческие документы), в ГОСТ 16487-83 представлен второй термин пары, а первый термин, хотя и наделяется иным значением, нежели в ГОСТ 16487-70, тем не менее, прежнее значение при формирова-

нии нового значения латентно подразумевалось. Новое значение стало дополнительным к прежнему значению, добавляющим к термину гиперсему, отражающую описание данной инфоединицы с позиций концепции экземплиарности документа) и продолжается в СТБ 2059-2013 и ГОСТ Р 70.8-2013.

Начало такого отказа ученых связывает с разработкой ВНИИДАД «Архивоведческие и документоведческие проблемы ЭД» (ограничиваясь глупой ссылкой). Тем не менее (вопреки утверждению Н. Г. Суровцевой), главный разработчик В. И. Тихонов в научно-исследовательской работе (НИР) ВНИИДАД, посвященной, в первую очередь, проблемам обеспечения сохранности документов, не сделал вывод о необходимости отказа от понятий и терминов, обобщающих единицы технической стадильности документов (выступающей оборотной стороной копияности). В НИР сделан вывод иной: «дискуссия о копияности ЭД далека от своего завершения», а занятая им позиция прямо противоположна той, которую приписывает НИР Н. Г. Суровцева. Принимая во внимание концептуализацию ученого относительно оперативного функционирования служебного ЭД, оперативная стадия оперативного функционирования служебного ЭД представлена двумя фазами — подготовкой, согласованием и утверждением проекта ЭД и оперативным использованием подлинника ЭД, а архивная стадия функционирования служебного ЭД в архивном подразделении организации представлена фазой архивного использования оперативного функционирования его, «когда документ перемещается в электронное пространство архива организации», и «когда мы имеем дело уже не с подлинником ЭД, а с его дубликатом» [11].

При этом руководитель данной НИР М. В. Ларин делает подобный вывод и относительно трактовки ЭД, отмечая «неустойчивость, терминонеопределенность понятия «электронный документ»» [12, с. 92] (которая, добавим, не преодолена и сегодня, на что показывает отсутствие в Российской Федерации закона об ЭД). В. И. Тихонов при формировании понятийного аппарата электронного документооборота не отказывается от понятия подлинника документа, от концепции стадильности документа. Он лишь игнорирует семантическую стадильность аутентичного ЭД (по сути концептуализации — электронного ОПД) (данный вид (срез) стадильности обобщает наличие изменений семантического содержания продукта документирования в процессе документооборота), оставляя техническую стадильность его (данный вид (срез) стадильности обобщает наличие изменения КДДМ ЭД в ходе документооборота и разное время записи составляющих ЭД КДДМ на носителе данных, объекте хранения данных), встраиваемую в модель копияности аутентичного документа [13].

В более узкой предметной плоскости В. И. Тихонов, трактуя аутентичность документа идентичностью «информации» (прежде всего, текста документа), различает среди аутентичных ЭД оригиналы и копии [14, с. 186]. Он выявляет изъяны описания отношений копияности ЭД в советском и международном нормативном дискурсе. По ГОСТ 6.10.4-84 подлинник и дубликат машиничи-

таемых документов («предшественников» ЭД) различаются инфоэлементами, указывающими на: время записи КДДМ на носитель данных и на копияный статус (последний инфоэлемент может отсутствовать, и в этом случае идентификация копии документов при архивном хранении весьма затруднительна).

Применение термино- и понятийного аппарата ГОСТ 6.10.4-84 при описании электронного документооборота ведет к выделению в качестве подлинника ЭД первой записи цифрового ПДЗИ из оперативной памяти компьютера на жесткий диск, а в качестве дубликата ЭД — записи его на внешние носители данных, имеющие одинаковое время создания с подлинником и разное время записи. Применение традиционного для советского и постсоветского делопроизводства термино- и понятийного аппарата, описывающего копияность и стадильность документов к документам, создаваемым посредством современных офисных программ, ведет к различению подлинника и дубликата ЭД по «разному времени фиксации (записи) документируемой информации», к допущению копии ЭД «совершенно самостоятельным документом с собственной датой создания, однако не имеющим юридической силы» («самостоятельный документ» здесь интерпретируем подчеркиванием обстоятельства, что *простая* копия документа, в отличие от *заверенной* копии его, хотя и встроена в отношение копияности документов, не является стадильной формой документа, выделяемой в техническом плане его (функционирования). Создание аутентичных копий ЭД достигается выработкой системы реквизитов для их идентификации, но добавление их в файл документа будет нарушать целостность ЭД. В. И. Тихонов ссылается на западных ученых, которые ставят под сомнение точность описания электронного документооборота на основе таксонов «подлинник — дубликат — копия», но не исходит из необходимости элиминирования такой таксономии. Ученый оговаривает, что «в западной терминологии отсутствует разделение копияных документов («сору») на дубликаты и копии» (между тем, в советской и постсоветской традиции концептуализации дубликата документа обычно считаются повторными *подлинниками* документа). В любом случае, В. И. Тихонов исходит из иной таксономии, нежели Л. Дуранти и Х. Макнейл, они различают подлинники, проекты, миграционные и имитационные копии ЭД. А он выделяет для описания электронного документооборота инфоединицами подлинник, дубликат, копию, заверенную копию, миграционную копию ЭД [11].

При изложении методологических принципов архивного хранения ЭД на начальном этапе складывания его методологии В. И. Тихонов не использует / не вводит базовые термины с термином элементом «подлинник». Тем не менее, он излагает о получаемых архивом подлинниках документов, в частности, «процедура миграции в пользовательские форматы также должна быть ориентирована на возможное признание полученных документов подлинниками» [15]. Такое изложение соответствует допущению (технической) *стадильности* для архивных документов, описания ее через выделение инфоединицами архивного дела

«подлинника архивного документа» и «копии архивного документа». В рамках концепции стадильности ПДЗИ, развиваемой на общетеоретическом уровне, этому соответствует моделирование архивного ультрадокумента, охватывающего стадильными формами поступивший в архив на хранение документ, и страховые, резервные и иные копии его (другое дело, что в качестве документального памятника *востребован* подлинник архивного документа, который на предыдущей стадии функционирования единичного ПДЗИ выступал *подлинником* служебного документа, законодательного акта).

Исходя из концептуальной схемы стадий бытования документа в общей теории документа В. П. Козлова [9], охватывающей статусную стадильность единичного документа, единичный ПДЗИ (документ) в архивной фазе бытования идентифицируется «оперативным архивным документом», а на стадии «покоя» (соответствующей полной потере социально значимых функций и постоянному архивному хранению) идентифицируется «ретроспективным архивным документом». Предшествующие стадии, проходящие единичным ПДЗИ, ставшим подлинником архивного документа (т. е. экс-служебным документом, дополненным при поступлении в государственный архив метаданными фондообразователя, удостоверяющими подлинность происхождения документа), в зависимости от единицы семантической стадильности, которую он представляет, следует обозначать как «проект, подлинник, копия оперативного служебного документа, законодательного акта» и «проект, подлинник, копия экс-служебного документа, экс-законодательного акта». В качестве «экс-служебного документа, экс-законодательного акта», а исходя из архивоведчески ориентированной терминосистемы — «оперативного архивного документа» выступают именно *подлинники* архивного документа, но не сделанные в архиве резервные, пользовательские копии архивного документа.

Универсализация концептсхемы В. И. Тихонова ведет к тому же результату, что и универсализация концептсхемы А. Е. Рыбакова, — востребованности для более точного описания понятия архивного подлинника, в качестве которого может выступать и проект, и подлинник, и копия экс-служебного документа. В рамках архивного хранения — технического процесса — семантическая стадильность незначима. Тем не менее, она является основополагающей в рамках ретроэдиции и источниковедческой критики.

Вместе с этим В. И. Тихонов в методических рекомендациях ЦАДЭНМ [16], при составлении которых он провел основную работу, использует и определяет не только «понятия резервного и рабочего экземпляров электронных документов, копий электронных документов в страховых и пользовательских компьютерных форматах», но и понятия оригинала и подлинника ЭД. Другое дело, что вследствие сочетания экземплярного, копийного подходов при этом имеет место эклектичность формирования понятийного аппарата, создающая несообразности: с одной стороны, и оригиналы, и копии, и подлинники ЭД идентифицируются «экземплярами ЭД», а с другой, — ученые, хотя и излагает

о копиях ЭД в страховых и пользовательских компьютерных форматах, в дефинициях «ЭД в страховом формате» и «ЭД в пользовательском формате» обходится без упоминания не только копий, но и экземпляров ЭД.

Н. Г. Суровцева [2] отмечает, что К. Г. Митяев, введший термин «подлинник документа», обозначал им расплывчатое понятие, связывал с ним несовместимые денотаты — последняя подписанная и перепечатанная набело редакция документа и первоначальная редакция его (хотя, если первоначальная редакция документированных данных («содержания») документа оставалась неизменной, а он перепечатан на бланк и подписан (и, соответственно, впервые регистрируется для документооборота), то противоречие отсутствует — в наличии подлинник (управленческого, служебного) документа). А среди рукописных документов К. Г. Митяев выделял подлинники-автографы. В связи с этим Н. Г. Суровцева утверждает, что «в этом описании К. Г. Митяев реализовал попытку представления подлинника документа одновременно с двух позиций: делопроизводственной и археографической, и что при таком подходе дать однозначное определение подлинника документа было практически невозможно». Идентификация Н. Г. Суровцевой подхода, применяемого К. Г. Митяевым, несостоятельна, поскольку он делал акцент на нормализацию понятийного аппарата архивоведения и архивного дела коррелятивно понятийному аппарату источниковедения и документоведения. Тем не менее, вопреки утверждению Н. Г. Суровцевой, такое — *однозначное определение* подлинника документа было дано в ГОСТ 16487-70: функционирующий в сфере управления текстовой документ «в окончательной редакции, соответствующим образом оформленный и подписанный» (а некоторая отмечаемая ею несоразмерность дефиниенса, заключающаяся в отграничении подписания документа от его оформления, никак не отменяет отсутствия синонимии («однозначность») и ясность определения понятия, напротив, придает исключительную значимость подписания).

Кстати, аналогично обстоит дело и в электронном документообороте, когда подчеркивается, что ЭЦП (электронная цифровая подпись) — функциональный гомолог собственноручной подписи автора документа. Отметим наличие в ГОСТ 16487-70 жесткой трактовки подлинника документа в сравнении с трактовкой его К. Г. Митяевым — впервые созданным обычно в окончательной редакции документом, достоверность происхождения которого оформлена, гарантирована документированными метаданными (в ГОСТ элиминирован порождающий семантическую полиморфность функтор «обычно»). Если принимать, что К. Г. Митяев придерживался правового подхода, то подлинник документа по его трактовке предстает впервые созданным в окончательной редакции аутентичным ОПД.

Н. Г. Суровцева [2] полагает, что претензии термина «подлинник документа» на «универсальное значение» — и в сфере делопроизводства, и в сфере архивного дела (характеристика «универсальное значение» неточна, нерелевантна (обоснованной Н. А. Слюсаревой) трактовке «универсального термина») тер-

мином, значение которого принято для многих родственных областей») — свидетельствуют «о практически полной деградации понятия подлинника документа». В терминоведческом плане такое обоснование полностью лишено следования терминопонятийному аппарату терминоведения. С одной стороны, ученый пытается представить отношения терминов «подлинник документа» и «подлинный документ» соответствующими диахронической вариантности термина, но этому противоречит продолжающееся сосуществование этих терминов в ГОСТ и СТБ (между тем, в случае наличия диахронической вариантности практическое терминоведение требует выбора адекватного термина). С другой стороны — это самостоятельные термины, но первый из них перестал отвечать реалиям инфообмена и документооборота в условиях информатизации. Тем не менее, он не перестал соответствовать на эмпирическом уровне исследования — реалиям традиционно осуществляемого документооборота, а на теоретическом уровне исследования — концепции стадильности документа. Возражение против употребления термина «подлинник документа» из-за «интервенции» его из области делопроизводства в область архивного дела представляется неуместным сегодня, когда общим местом стали обоснования *необходимости объединения данных областей в единую сферу*. Во всяком случае, на уровне построения терминосистемы во введении ГОСТ Р 7.0.8-2013 излагается о единой «терминосистеме понятий в области делопроизводства и архивного дела». Более того, в терминоведении и в логико-эпистемологии (в отличие от геологии, медицины, психологии) терминологический элемент «деградация» не употребляется для описания негативных явлений (т. е. явлений, происходящих с терминами и понятиями). Уже в связи с этим сделанный ею вывод не сформулирован в соответствии с принятой научной терминологией. А по сути он алогичен, поскольку наличие обоснования уже даже не просто «области делопроизводства и архивного дела», а единой сферы их, и соответствующее этому объединенное построение терминосистемы делопроизводства и архивного дела отменяет «универсализацию» рассматриваемого термина в рамках выделенной области.

Один из основных аргументов, выдвигаемых Н. Г. Суровцевой против применения понятия, обозначаемого «подлинник документа» в делопроизводстве и теоретической науке, отсылает к трудам по ТЭОИ, в которых утверждается, что «в математическом смысле ЭД или тот же самый, или другой документ, если в нем поставлен хотя бы один знак». Тем не менее, теоретизирование ЭД в ТЭОИ далеко не ограничивается данным положением. ЭД в ней трактуется реализацией множества, образуемого совпадением параметров реализаций ЭД эталону. ЭД «может существовать одновременно в различных точках пространства: на экране и на видеокассете». В ТЭОИ и ГОСТ Р 52292-2004 «ЭД» — не документ — «объект инфовзаимодействия в социальной среде (т. е. ПДЗИ («инфо-объект»), непосредственно выполняющий социальные функции), а «форма представления документа в виде множества взаимосвязанных реализаций в электронной среде и соответствующих им взаимосвязанных реализаций в циф-

ровой среде» («среде, образованной неодушевленными цифровыми программно-техническими средствами»). В пассивно-электронной форме ЭД — запись данных (совокупность записей), в активно-электронной форме — процесс. В целом «ЭД» предстает единицей осуществления технических процессов — набором структурированных цифровых данных в электронной среде, фундирующим функционирование служебного и иного документа в социальной среде, когда во внимание принимается представляемый данной записью и процессом инфопродукт. ТЭОИ включает концепцию трех сред существования документа [10]. Явление семантической стадильности выходит за пределы предметной области ТЭОИ. Если концептуализировать его на основе построений ТЭОИ, то минимум проект и подлинник ЭД могут существовать одновременно в различных точках пространства. Если исходить из таксономии ЭД, систематизированной М. В. Ларинным [12, с. 89—90], то ЭД в ТЭОИ предстает и «особым типом документа», и «электронной формой документа». Значит, построения ТЭОИ приемлемо различно экстраполировать на область документоуправления и документационного менеджмента.

Н. Г. Суровцева [2] описывает ситуацию, что «в сфере делопроизводства и архивного дела Российской Федерации применяются два близких по этимологии и семантическому звучанию, но разных по смыслу термина «подлинный документ» и «подлинник документа»». Формулирование его проблемы представляется недостаточно соразмерным, учитывая, что наличие одинакового смысла терминов означает наличие одинакового набора существенных / отличительных признаков обозначаемых ими понятий, соразмерно излагать в контексте постановки проблемы о разном предметном значении терминов, делающих их обозначающими несравнимые понятия. Маргинальным представляется взятие за основу при постановке сформулированной ученым проблемы подчеркивания важности для терминообразования *смыслового звучания* термина. Принимая во внимание, что в семантике и логике основными характеристиками языкового знака, имени выделяются смысловое значение, смысловое содержание их, в семантике изучается звучание языковых знаков («семантика звуков»), но она вспомогательная характеристика знака, несущественная для терминообразования. Принимая это во внимание, необходимость оптимизации термино- и понятийного аппарата области «хранения ЭД в доверенной среде» из-за близкого «семантического звучания» терминов [1], обозначающих несравнимые понятия, представляется надуманной проблемой.

Н. Г. Суровцева считает, что описанная ситуация разрешается отказом от применения термина «подлинник документа» и заменой термина «подлинный документ» термином «аутентичный документ», употребляемым ИСО. Хотя в [17, с. 5—6] была четко показана необходимость использования внесенной в ГОСТ 16487-83 терминопары «подлинник официального документа» — «подлинный документ» (русскоязычный эквивалент международного термина «аутентичный документ») при описании официальных документов: «всякий

подлинник официального документа является подлинным документом, не всякий подлинный документ — подлинником официального документа». Она утверждает, что такая замена «позволяет сформировать новую методологическую платформу хранения ЭД в доверенной среде» [1] (само по себе такое высказывание без раскрытия прагматически значимых следствий такой новизны семантически полиморфно). При таком разрешении концепция и модель стадильности функционирования документа фактически нивелируются, а стадильное функционирование документа по сути редуцируется к копияности его, а концепция копияности его деформируется (хотя процесс копирования документов в сфере делопроизводства протекает перпендикулярно к процессу стадильного функционирования их). Без использования конструкта подлинника документа (с формированием понятия аутентичного официального документа с окончательно установленным КДДМ) не только элиминируется концепция стадильности функционирования документа, а и описание архивного хранения документов, в том числе ЭД, утрируется. Результат проведенного ею метаэпистемического исследования, направленного на отказ от применения термина «подлинник документа» и замену термина «подлинный документ» термином «аутентичный документ», в целом не релевантен ТЭОИ и иной теории. Он релевантен понятийному аппарату нормативно-технического дискурса стандартизации ряда областей деятельности, связанных с документацией (причем раскрытие в нем понятия, терминируемого как «аутентичный документ», явно семантически полиморфно, принимая во внимание, что первым признаком его в стандартах ИСО серии 15489 (вслед за ISO 15489-12001) берется признак «является тем, чем должен быть» (т. е. в стиле курьезных определений Л. Дуранти) и соответствует только предварительной теоретизации документационных процессов.

При анализе аргументации, приводимой Н. Г. Суровцевой в качестве обоснования тезиса, что «свойство подлинности документа, обеспечивающего [т. е. обеспечивающее. — Ю. Н.] возможности идентификации автора документа, времени и места его создания, трансформируется в аутентичный документ в электронной среде...», обращает на себя внимание наличие в рассуждении взятия диспаратных (несравнимых) признаков. Так, утверждается, что «ведущим признаком документа является физически обособленный материальный носитель информации». И, вместе с тем, концептуализируется, что «носитель информации как один из основных признаков документа стал несущественным и утратил свои функции физического обособления документа в качестве материального объекта» (часть / компонент документа не может обособлять объект, частью которого является), «указание на этот признак не является релевантным в определении документа» (соразмерно излагать о несущественности признака для формирования, отражаемого в определении понятия, о релевантности некоторому определению понятия) [2]. Она формулирует, что оно «установлено, что в электронной среде установление подлинника документа как первого экземпляра не имеет смысла в силу невозможности посто-

янного хранения документа в неизменном виде в электронной среде» [1]. То обстоятельство, что некоторый единичный ЭД, терминируемый в аспекте семантической стадиальности (в силу окончательно установленного КДДМ) как «подлинник ЭД», при функционировании и архивном хранении неоднократно перезаписывается на разнотипные носители данных, никак не отменяет наличие стадиальности ЭД, востребованности терминологического «подлинника» для описания такого функционирования и хранения. Оно означает продуцирование копий ЭД. Заметим также, что трактовка подлинника документа первым экземпляром документа без уточнения такого конструкта и дополнения понятия признаком установления КДДМ в окончательной редакции бессмысленна по отношению и к традиционным документам.

При формировании общетеоретических знаний, сопровождаемом оптимизацией терминологического и понятийного аппарата, связанного с понятием подлинника документа, и направленной на элиминацию утрированного описания функционирования документов, продуктивно совмещать и синтезировать концептуальные теоретические схемы, предложенные А. Е. Рыбаковым и В. И. Тихоновым, с теоретико-онтологической схемой, обосновываемой В. П. Козловым.

Литература

1. Суровцева, Н. Г. Развитие документоведения в условиях цифровой трансформации управления документами в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н. Г. Суровцева. — М., 2023.
2. Суровцева, Н. Г. Подлинник, подлинный и аутентичный документ: к вопросу о соотношении понятий / Н. Г. Суровцева // Вестник архивиста. — 2020. — № 1.
3. Тезаурус международной архивной терминологии — Multilingual Archival Terminology // www.cissta.org/nmat/termdb/termlist/Russian.
4. Лазарчик, Т. В. Делопроизводство. Курс лекций / Т. В. Лазарчик. — Могилев : МГУ, 2012. — 144 с.
5. Давыдова, Э. Н. Рыбаков, А. Е. Делопроизводство. Учебно-практич. руководство / Э. Н. Давыдова, А. Е. Рыбаков. — Минск, 2002.
6. Рыбаков, А. Терминология в сфере делопроизводства и архивного дела: понятия «подлинник документа», «подлинник официального документа», «официальный документ» / А. Рыбаков // Архивы и делопроизводство. — 2016. — № 4.
7. Гадасин, В. А. Основы понимания феномена электронного обмена информацией / В. А. Гадасин, В. А. Коняевский. — Минск : Беллитфонд, 2004. — 281 с.
8. Электронный документооборот: термины и определения / отв. сост. В. Л. Носевич. — Минск : БелНИИДАД, 2015. — 36 с.
9. Козлов, В. П. Общая теория документа / В. П. Козлов // Делопроизводство. — 2009. — № 3.
10. Нестерович, Ю. В. Анализ определений базисных понятий документоведения в СТБ П 2059-2010 и целесообразность соразмерения понятийного аппарата документоведения и информатики / Ю. В. Нестерович // Научно-техническая информация. Сер. 1. — 2010. — № 10. — С. 10—15.

11. Документоведческие и архивоведческие проблемы электронных документов. Аналитический обзор / рук. М. В. Ларин // СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД. — М., 1999. — № 10438.
12. Ларин, М. В. Управление документацией в организациях / М. В. Ларин. — М. : Научная книга, 2002. — 288 с.
13. Тихонов, В. И. Сущностные характеристики, состав и классификация электронных документов / В. И. Тихонов // Делопроизводство. — 1999. — № 2.
14. Тихонов, В. И. Аутентичность и целостность электронных документов при долговременном хранении / В. И. Тихонов // Вестник архивиста. — 2002. — № 4—5.
15. Тихонов, В. И. Принципы архивного хранения электронных документов / В. И. Тихонов // Вестник архивиста — 2004. — № 3—4. — С. 217—232.
16. Методические рекомендации по работе ЦАДЭНИМ с документами на электронных носителях. — М., 2006. — 140 с.
17. Елпатьевский, А. В. О новом стандарте по архивной терминологии / А. В. Елпатьевский, Э. И. Ханшира // Советские архивы. — 1984. — № 5.

Артикул наступіу у редакцію 17.04.2024

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

В. С. Пазднякоў,

загідчык аддзела археаграфіі
 Беларускага навукова-даследчага інстытута
 дакументазнаўства і архіўнай справы,
 кандыдат гістарычных навук;
 e-mail: vpmienski@gmail.com

МАТЭРЫЯЛЫ ДА ГІСТОРЫІ АРХІВАЎ БЕЛАРУСІ

Ч. 2. АРХІЎ ЕПІСКАПА КІРЫЛЫ ТАРЛЕЦКАГА Ў ПІНСКУ (1596 г.)

У 1595 г. пачалася доўгая, поўная судовых і пазасудовых спрэчак гісторыя адносна архіва эжарха, епіскапа луцкага і астрожскага Кірылы Тарлецкага. Якая цягнулася не адно дзесяцігоддзе.

Як паведамляў сам Кірыла Тарлецкі, калі ў 1595 г. ён рыхтаваўся разам з Іпацеем Пацеем, епіскапам уладзімірскім і берасцейскім, ехаць у Рым на сустрэчу з папам рымскім, то, бачачы небяспечнасць сваёй маёмасці і архіву на Вальні ад ворагаў як знешніх (татараў?), так і ўнутраных (у 1594 г. пачалося паўстанне казакоў Севярына Налівайкі), вырашыў сваё майно перавезці ў бяспечнае Палесе, а менавіта ў Пінск. Перавозка была даверана Ярашу Тарлецкаму, роднаму брату епіскапа.

Яраш Сямёнавіч Тарлецкі не меў ніякага шляхецкага ўрада, а жыў прыватнай асобай у Пінскім павеце. Меў маёнткі Дубае, Атоўчыны, Рачыца, дом у Пінску [1, арк. 504—506; 2, арк. 132; 3, арк. 359 адв.—362; 4, арк. 54—56; 5, арк. 431; 6]. Несумненна, Кірыл Тарлецкі меў давер да брата. Піншчына ўзяўлялася епіскапу бяспечным краем. У 1595 г. ён не думаў, што зусім хутка, у 1595—1596 гг., Палескі край стане арэнай баявых дзеянняў казакоў і шляхецкага войска. Да Пінска, праўда, казакі не дайшлі, так што план епіскапа па ратаванні маёмасці ад казакоў, можна сказаць, удаўся. Але небяспека прыйшла з іншага боку. Епіскапская маёмасць у Пінску пачала мяняць гаспадароў і не вярнулася да Кірылы Тарлецкага. Чаму так здарылася, крыніцы не кажуць. Нават сам епіскап у сваіх скаргах не раскрыў прычыны гэтых непрыемных для яго падзей.

Захаваўся тры дакументы, якія з'яўляюцца датычнаца гэтых падзей.

Першы дакумент, які апісвае перамяшчэнні маёмасці епіскапа Кірылы Тарлецкага ў цэлым, і яго архіва, у прыватнасці, — гэта скарга епіскапа на пінскага вайта Гурына Фурса і пінскага мешчаніна Рыгора Крупы, у доме якога была складзена маёмасць Кірылы Тарлецкага. Па словах епіскапа, гэтыя дзве асобы часткова забралі сабе, а часткова перадалі іншым маёмасць Кірылы Тарлецкага.

Другі дакумент — засведчаны ў канцылярыі ВКЛ рэстр дакументаў і рэчаў, перададзеных епіскапам Кірылам Тарлецкім на захаванне пінскаму мешчаніну Рыгору Крупе. Рэстр сваёй уласнай даты не мае. У канцылярыі ВКЛ Кірыла Тарлецкі прадставіў яго ў той жа дзень, калі і скаргу, — 4 мая 1596 г.

Трэці дакумент — судовая пазва 1628 г. епіскапа луцкага Іерамея Пачапоўскага і Луцкай капітулы саборнай царквы Святога Іаана Багаслова да Яраша Тарлецкага. Хоць судовая справа 1628 г. датычылася сучасных ёй царкоўных дакументаў, у ёй ёсць звесткі і пра больш раннюю справу трыццацігадовай даўніны. З гэтага дакумента можна даведацца, што ў 1599 г. каралеўскі задворны суд выдаў дэкрэт па «архiўнай» справе, але яго змест незразумелы. У пазве 1628 г. яшчэ раз, але коратка, пералічаны дакументы, забраныя Кірылам Тарлецкім з Луцкага сабора і перавезеныя, быццам, у маёнтак Яраша Тарлецкага — Пір-кавічы і Рачыца ў Пінскім павеце. Так што нават у 1628 г. забраныя ў 1595 г. дакументы не вярнуліся ў Луцкі сабор (прынамсі, так сцвярджалі луцкія святары).

Самы цікавы дакумент — рэстр дакументаў епіскапа Кірылы Тарлецкага ад 4 мая 1596 г. Разгледзім яго падрабязней, надаўшы апісаным там дакументам (групам дакументаў) умоўныя нумары. Адразу адзначым, што ў рэстры Кірылы Тарлецкага ўсе дакументы запісаны без датавання (епіскап прыгадаваў іх па памяці, без дат), так што трэба прыкладзі пэўныя намаганні, каб зразумець, пра які канкрэтна дакумент ідзе гаворка.

Першым у рэстры названы прывілей караля Стафана Баторыя Кірылу Тарлецкаму на епіскапію Луцкую і Астрожскую. Ні арыгінал, ні копіі прывілея невядомы. З пазнейшага пацвярджальнага прывілея Жыгімонта III можна даведацца, што прывілей Стафана Баторыя быў выдадзены ў Кракаве 9 мая 1585 г. Пры гэтым у прывілеі Жыгімонта III сцвярджаецца (вядома, са слоў Кірылы Тарлецкага), што Батораў «ліст разам з іншымі прывілеямі, фундацыямі, лістамі, справамі і рэчамі ўласнымі рухомымі вялебнасці яго ад людзей свавольных гвалтоўна падчас ад'езду вялебнасці яго да сталіцы Апостальскай Рымскай у справах адзінства з касцёлам усеагульным належачых, з пэўнага месца забраны і невядома дзе падзеліся» [7, № 119, с. 499—500]. Разам з каралеўскім прывілеем «у камплекце» быў універсал Стафана Баторыя з усеагульным павадамленнем пра прызначэнне Кірылы Тарлецкага епіскапам. Разам з гэтым «у камплекце» знаходзіўся каралеўскі ліст да гаспадарскага двараніна Мікалая Ракіцкага, каб той здзейсніў юрыдычную і фактычную перадачу Луцка-Астрожскай епархіі з яе маёнткамі Кірылу Тарлецкаму. Цяпер такі ліст невядомы нават у копіі. Затое ў XIX ст. былі апублікаваны павадамленні Ракіцкага ад 17 верасня і 28 лістапада (?) 1585 г. аб тым, што ён увёў епіскапа ў валоданне Луцка-Астрожскай епархіяй. Пры гэтым Ракіцкі заўважыў, што ён не знайшоў у луцкім царкоўным скарбе ніякіх дакументаў на царкоўныя маёнкі [7, № 43, с. 195—196; № 45, с. 199—204].

Пад умоўным № 2 у рэстры значыцца складзены Мікалаем Ракіцкім інвентар Луцка-Астрожскай епархіі з яе маёмасцю і маёнткамі. Тут жа адзначаны ліст вознага, што ён юрыдычна перадаў епархію новаму епіскапу. Гэтыя дакументы (пэўна, 1585 г.) бліжэй невядомы.

Далей адзначаны прывілей польскага караля Уладзіслава «грэцкаму» святарству на правы пры ўмове уніі з Рымскім касцёлам. Дакумент з архіва Тарлецкага, як указана ў рэстры, — выпіска з Кароннай Метрыкі. Гэты пры-

вілей Уладзіслава 1443 г. добра вядомы гісторыкам [8, с. 95]. Не захавалася ні арыгінала, ні тагачаснай копіі прывілея. Ад пачатку XVI ст. выдаваліся пацвярдзальныя прывілеі, заснаваныя на тэксце з Кароннай Метрыкі.

Пад № 4 у рэестры адзначаны пергамінавы прывілей Жыгімонта Старога праваслаўнай царкве ВКЛ. Дакумент выдадзены 2 ліпеня 1511 г. Арыгінал не дайшоў да нашага часу. Ёсць копіі ў Метрыцы ВКЛ [9, № 65, с. 81—83; 10, № 610, р. 447—448; 11, № 6, р. 76—78] і старажытны польскі пераклад [12, с. 9—15].

Дакумент № 5 — прывілей Стафана Баторыя праваслаўнай царкве Рэчы Паспалітай ад 25 лютага 1585 г., які забараняў старастам і іншым ураднікам умешвацца ў справы духоўных судоў. Прывілей дайшоў да нас у выглядзе копіі у складзе Метрыкі ВКЛ [13, с. 292—293; 14, арк. 65 адв.—66; 15, арк. 12—12 адв.].

Прывілей № 6 — відаць, пацвярдзальны прывілей Стафана Баторыя ад 25 лютага 1585 г., якім ён сввердзіў прывілей праваслаўнай царкве ВКЛ Жыгімонта Старога 1511 г. Прывілей цяпер вядомы ў выглядзе копіі у Метрыцы ВКЛ [14, арк. 62 адв.—65; 15, арк. 10—12] і ў архіве ўніяцкіх мітрапалітаў [16, № 107, с. 52].

Пад № 7 у рэестры значыцца пергамінавы прывілей Жыгімонта III праваслаўным епіскапам. Пэўна, маецца на ўвазе ліст Жыгімонта III мітрапаліту Міхалу Рагозу і ўсяму духавенству, якое прыняло унію, на правы і вольнасці (выдадзены ў Кракаве 2 жніўня 1595 г.) [17, № 79, с. 111—113; 18, № 378, с. 649—652]. Арыгінал дакумента значыцца ў архіве ўніяцкіх мітрапалітаў [16, № 180, с. 82—83]. Пэўна, арыгіналаў было некалькі. Прынамсі, у пачатку дакумента сярод яго адрасатаў названы імёны Іпацыя Пацея, Кірылы Тарлецкага і Міхала Рагозы.

Пацвярдзальны прывілей № 8 быў выдадзены Жыгімонтам III, каб узнавіць пастанову Жыгімонта Аўгуста па царкоўных справах. Яшчэ ў 1568 г. тагачасны мітрапаліт Іона IV Прагасавіч-Астроўскі просіў на сейме ў Жыгімонта Аўгуста аб некаторых папёлках для царквы. Сярод іх была прапанова адбіраць царкоўныя пасады ў новапрызначаных іерархаў са свецкіх асоб, калі тыя на працягу трох месяцаў не прымуць духоўны сан. Вялікі князь на гэта пагадзіўся. Просьбы мітрапаліта і адказы манарха былі запісаны ў працольным фармаце на двух аркушах паперы і засведчаны гаспадарскім маршалкам. У XIX ст. дакумент захоўваўся ў мітрапаліцкім архіве [13, № 43, с. 144—146]. У такой непаўнавартаснай форме Кірыла Тарлецкі прадставіў дакумент Жыгімонта III і 5 мая 1595 г. атрымаў ад яго пацвярдзальны прывілей [19, арк. 545—546 адв.].

Дакумент № 9 — прывілей Жыгімонта III Вазы з загадам гаспадарскім ураднікам не распарадкацца маёмасцю памерлых праваслаўных святароў (Варшава, 23 красавіка 1589 г.) [17, № 14, с. 16—19]. Дакладна кажучы, было некалькі такіх распараджэнняў з аднолькавай датай. Адно з іх збераглася ў мітрапаліцкім архіве.

Наступні документи датують мясцовых спраў Луцка-Астрожскай епархіі. Комплекс документаў № 10 датуюць горала (мястэчка) Рожышча, які не толькі належаў епархіі, але і быў цесна звязаны з родам Тарлецкіх. Брат епіскапа Яраш атрымаў у кіраванне мястэчка Рожышча з прыселкамі ў 1595 г. [20, с. 526].

Дакумент № 11 — вядомы прывілей князя Любарта Луцкай саборнай царкве Іаана Багаслова 1322 г. Дакумент больш чым сумнеўны, што неаднойчы адзначалі даследчыкі пачынаючы з XIX ст. [21, с. 20—22]. Мяркуюцца, што гэты фальсіфікат быў выраблены царкоўнікамі ў ходзе барацьбы за маёнтак Рожышча, які яны атрымалі бышчам ад Любарта. З рэестра Тарлецкага вынікае, што там значыцца «арыгінал». Праз трыццаць гадоў Жыгімонт III быў прадстаўлены да зацвярджэння гэты сумнеўны прывілей Любарта, толькі не «арыгінал», а пацвярджальны прывілей вялікага князя Аляксандра 1498 г. (пазначаны як пергаментны), куды быў записаны Любартавы ліст. Жыгімонт III пацвердзіў гэту грамаду ў 1629 г. Яго прывілей быў записаны ў Каронную Метрыку. На падставе гэтага тэксту прывілей Любарта быў апублікаваны ў 1883 г. [22, № 1, с. 1—4] (польскі пераклад з XVIII ст. быў апублікаваны ў 1859 г. [7, с. 206—208]).

У комплексе № 12 значыцца: прывілей-фундуш Луцкай епархіі на маёнткі Жабча і Губін (без паказання адрасанта), дакументы судовых спрэчак з суседзямі наконт межаў.

Комплекс № 13 — прывілей Луцкай епархіі на маёнтак Бударож (цяпер украінская назва Будерак), на двор у Астрожскім Вакольным замку, а таксама дакументацыя судовых спрэчак з суседнімі панамі.

Далей у рэестры пазначаны комплексы документаў, датычных розных маёнткаў Луцка-Астрожскай епархіі: Фалімічы, Хрылева, Валзірады, Палоная, Кольчын, Церамное, Клюкі, Пьянь, Мядкоў, Жабча і інш. (№ 14—27).

Далей пачынаецца пералік документаў, якія маюць адносіны да Піншчыны і Пінска-Тураўскай епархіі. Першай названа судовая справа з пінскім зямлінам Міхайлам Цянокаю (№ 28). Міхайла Іванавіч Цянока валодаў маёнткам Нянькавічы ў Пінскім павеце [23, с. 67—71; 24, № 28, р. 58—59; 25, арк. 104 адв.—107 адв.]. Некаторымі Нянькавіцкімі землямі валудала Пінская епархія. На гэтай глебе паміж Міхайлам Цянокаю і пінскім епіскапам Кірылам Тарлецкім разгарэліся памежныя спрэчкі. З гэтай судовай справы надрукаваны судовы ліст Стафана Баторыя ад 20 ліпеня 1582 г. [13, № 133, с. 273—274]. Як указвае Кірыла Тарлецкі, судовую справу скончыў наступны пінскі епіскап Лявонцій Пяльчышкі. Аднак незразумела, як да Тарлецкага трапіў ліст Пяльчышкага?

Комплекс документаў № 29 — нейкія старадаўнія межавыя і родавыя справы Тарлецкіх. Там, між іншым, упамінаецца выпіс акта з кнігі Перамышльскага прадскага суда пра сваяцтва роду Тарлецкіх. У 1623 г. гэты ліст (ці нейкі падобны) упамінаўся Ярашам Тарлецкім пры гаспадарскім двары («Показаль тежь при тых и велебный владыка луцкий Кирыл Терлецкий листы

з ураду кградскога премыскаго выводу шляхецтва через стрыйа своего урожоннаго Аньдэя і брата рожоннаго Яроша Терлецкаго, же они сут с продков своих одного дому и линией с Терлецкими, земляны и шляхтою премыскаю, указуючы то явне, же то от тых владыковъ и от шляхты схизматыковъ безъвинные а праве з ранькору ихъ») [26, арж. 141 адв.]. Тут жа знаходзіліся і пабаровыя квіты, якія сведчылі пра заплату падапкаў з Луцка-Астрожскай епархіі.

Пад № 30 значыцца квіт памерлага епіскапа Лявонція Пяльчыцкага пра тое, што ён атрымаў усе лісты, справы, прывілеі, датычныя Пінска-Тураўскай епархіі. Ад каго атрымаў, не пазначана. Але пра гэта няшэжка здагадацца. Капі ў 1585 г. пінскі епіскап Кірыла Тарлецкі стаў епіскапам луцка-астрожскім, то яго месца ў Пінску заняў Лявонцій Пяльчыцкі. Відаць, менавіта тады Тарлецкі перадаў пінскія дакументы Пяльчыцкаму.

№ 31 — прыватны ліст кіеўскага кашталіяна Івана Чапліча на пазычаныя 50 коп грошаў. У рэстры пазначана, што дакумент «неписаный». Такая пазнака стаіць і пры апісанні іншых даўгавых распісак. Магчыма, яна абазначае, што дакумент не быў запісаны ў актавыя кнігі якога-небудзь суда.

Далей у рэстры значыцца іншыя даўгавыя распіскі на розныя сумы грошай (№ 32—34, 36—44). Сярод іх даўгавая распіска Фёдара Полаза на пазычаныя 12 пулгакаў (№ 35).

Дакументальны комплекс № 45 датычыць сужэнцаў — пана Івана Веляціцкага і Ганны Тарлецкай. Ганна — дачка епіскапа Кірылы Тарлецкага, а яе муж быў пісарам земскім пінскім [27, с. 315].

Комплекс № 46 уключаў бланкі лістоў (мамрамы) на заключэнне епіскапамі уніі з Рымскім касцёлам. Мамрамы мелі пячаткі і подпісы епіскапаў: луцкага, пінскага, львоўскага, холмскага, перамышльскага. Сапраўды, у ходзе падрыхтоўкі Берасцейскай уніі Кірыла Тарлецкі пераканаў іншых епіскапаў, каб тыя выдалі яму мамрамы для дакументальнага афармлення працэсу уніі. Царкоўныя мамрамы ўнійнай эпохі неаднойчы ўпамінаюцца ў крыніцах [28, с. 135, 150—154, 164, 176, 191]. У архіве ўніяцкіх мітрапалітаў захаваліся адзін такі мамрам [29, № 155, с. 71].

Комплекс № 47 — мамрам з пячаткамі і подпісамі Кірылы Тарлецкага, лудцкіх крылашан і паноў і яшчэ адзін падобны мамрам з адной пячаткай Тарлецкага, зробленыя для афармлення дакументаў «для вялікіх патрэб царкве Божай».

Комплекс № 48 ахопліваў дакументы, зробленыя ў працэсе падрыхтоўкі царкоўнай уніі. Цьмяна названа нейкая пратэстацыя, зробленая ў Любліне. Цяжка здагадацца, што маецца на ўвазе. Магчыма, гэта пратэстацыя холмскага епіскапа Дзянісія Збіруйскага, запісаная ў Люблінскім замкавым судзе 7 ліпеня 1595 г. [30, № 21, с. 365—367]. Копія гэтай пратэстацыі захавалася ў архіве ўніяцкіх мітрапалітаў [29, № 177, с. 81].

Комплекс № 49 утрымліваў ліст мітрапаліта Іоны неназванай асобе на Пінскае епіскапства. Пэўна, маецца на ўвазе мітрапаліт Іона IV Пятасовіч-Астроўскі (1568—1577), а неназваным новапастаўленым епіскапам быў сам Кірыла

Тарлецкі. Не захавалася ні арыгінала, ні копіі ліста Іоны Вядомы толькі каралеўскі прывілей Кірылу Тарлецкаму на Пінскую епархію (у складзе Метрыкі ВКЛ), які датуецца 8 ліпеня 1576 г. [13, № 65, с. 188—189; 31, арк. 5 адв.—7].

Дакумент № 50 — судовы ліст патрыярха Іераміі адносна Жыдзьчына. Жыдзьчынскі манастыр доўгі час быў аб'ектам спрэчак паміж панскім родам Балабанаў і царкоўнымі іерархамі. Канстанцінопальскі патрыярх Іерамія II, які наведваў Рэч Паспалітую ў 1588 г., умяшаўся ў гэты канфлікт на карысьць мегленскага епіскапа Феафана і пагражаў львоўскаму епіскапу Гедэону Балабану нізлажэннем, калі той не верне манастыр Феафану [17, № 5, с. 6—7] (тэкст незаверанай копіі).

Дакумент № 51 — ліст князя Івана Астрожскага, ваяводы кіеўскага, на манастыр святога Спаса пад Луцкам у Чэрнычах. Каму быў дадзены ліст, не паведамляецца. Падрабязнасцей пра гэтую падзею адшукать цяжка. Гісторык XIX ст. С. Бараноўскі сьвярджаў, што Чэрнычы ляжалі за паўвярсту ад Луцка і тоесны Чашвартне — родаваму гнезду князёў Чашвартнінскіх [32, с. 784]. Там нібыта кароткі час працавала друкарня Паўла Люткавіча. Сучасныя гісторыкі мяркуюць, што друкарня была ў сяле Чорнае ў Луцкім павеце [33].

Як бачым, архіўны збор, адпраўлены епіскапам Кірылам Тарлецкім у 1595 г. з Луцка ў Пінск, складаўся з некалькіх тэматычных частак: прыватныя дакументы епіскапа і яго сваякоў, дакументы Луцкай епархіі, дакументы агульнацаркоўнага значэння, дакументы па заключэнні уніі з Рымскім касцёлам.

Як указваецца, рээстр дакументаў складзены епіскапам па памяці («што на тотъ час спомънати могъ», «а иншихъ многихъ речей, такъ листовъ, справъ, яко и маестности рухомое, пре жалость свою и в такъ рыхломъ часе спаметаты не могучи...»). Сапраўды, калі б перадача дакументаў з Луцка ў Пінск адбывалася па адмысловым пісьмовым рээстры, былі б пазначаны даты дакументаў. Відавочна, перадача ажыццяўлялася без пісьмовага рээстра. Аднак Кірыла Тарлецкі ўказвае шмат падрабязнасцей, датычных судовых спраў, так што нейкія пісьмовыя матэрыялы, адлюстраваныя ў дакументах, пры ім захаваліся.

Публікуемы дакумент № 3 — позва епіскапа луцкага Іерамея Пачапоўскага і капітулы Луцкай саборнай царквы святога Іаана Багаслова да Яраша Сямёнавіча Тарлецкага па справе валодання царкоўнымі дакументамі ад 22 лістапада 1628 г. сведчыць, што некаторыя дакументы, пра якія вялася размова ў 1596 г., усё яшчэ знаходзіліся на Піншчыне. Зноў быў складзены спіс дакументаў, з-за валодання якімі вялася судовая цяжба. Першым названы вядомы прывілей князя Любарта на маёнтак Рожышча. Далей упамянуты прывілеі на іншыя зямельныя ўладанні. Луцкія айцы патрабавалі таксама дакументы па заключэнні уніі. Спіс іх патрабаванняў шмат у чым пераклікаецца з рээстрам Тарлецкага 1596 г. Відаць, яны мелі на руках копію рээстра 1596 г.

ДАКУМЕНТЫ

№ 1

1596 V 4, Варшава

Запіс у кнізе Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага скаргі Кірылы Тарлешкага, экзарха, епіскапа луцкага і астрожскага, на пінскага войта Гурына Фурса і пінскага мешчаніна Рыгора Крупу, якія забралі сабе і перадалі іншым асобам маёмасць і архіў Кірылы Тарлешкага.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 285. Арк. 94 адв.—95 (Метрыка ВКЛ. Кніга судовых спраў № 71, 1595—1599 гг.).

Публікацыі. Невядомы. Друкуецца на аснове копіі.

Оповедан(ь)е отца вл(а)д(ы)ки луцкого выдан(ь)я и розобран(ь)я маестности его м(н)л(о)сти в месте Пинском.

Лета Бож(ь)его нароженья АФЧС [1596] м(е)с(я)ца мая четвертого дня.

Ставьши у книгу г(о)с(по)д(а)рских канцелярейских, велебный Кириль Терлецкий, экзарха, епископъ луцкий и острожский, жалосне оповедать и жаловать, иже кды в року прошломъ тысяча пятьсот девятьдесят пятю у важныхъ справахъ и потребахъ церквей Божихъ з ведомостью и послан(ь)ем его королевское милости выправуючися до Риму сполне з велебнымъ Ипатемъ, епископомъ володимирскимъ и берестейскимъ, а упатруючи далекост(ь) дороги, розправивши домъ и маельность свою, бачени быти великие небезычечностья в краю Вольнскомъ такъ от неприятеля постороннего, яко и от внутреннихъ неприятелей и своеленьства, которого ся барзо веле намножило, абы тымъ певнейший маельности своее был,

зложиши у скрини золото, серебро, гроши готовые, ланцухи, клейноты, шаты, уберы церковные властного набытья своего, такоже листы, sprawy, привилія и фондуши на добра церковные, епископии Луцкой и Острожской належачие, и иныше всѣ sprawy духовные и до права з розными особами, шкрутени, мемърамы на сумы пѣнезей, ему от розныхъ особъ даные,

от(ь)еждчаючи з дому, поверивши брату своему уроженому Ярошу Терлецкому, розказать спровадити в край Полеский, где розумель быти небезычечней, до места Пинского и до схованья мешчанину пинскому Григорью Крупе дати, а то для певныхъ причинь, якоже дей тая маельность его тому мешчанину Крупе до схованья поверона и черезъ брата его уроженого Яроша Терлецкого дана была.

То такъ приехавши ему тутъ до Варшавы з Риму, стое дороги и посельства, яко взялъ ведомост(ь), ижебы маельность его з скринями, такъ золото робленое в клейнотахъ, гроши готовые, яко и серебро, келехи, крыжы, уберы церковные набыт(ь)я власного его, шаты розные, яко и вси привил(ь)я, фондушей на добра церковные и иные розные sprawy, до права || [95] з розными особами належачие, шкрутение, sprawy духовные поверонные и мемърамы на долгы, отъ роз-

ныхъ особъ данье, суд(ь)я и войтъ пинский урожоний Гуринъ Фурсъ и тотъ мещанинъ пинский Григорей Крупа, з собою и зъ иными змовивышися, не ведать кому и для которе причины некоторую мастьность его невинно выдали, а иную всю мастьность себе привлащили и на пожитокъ себе обернули.

Которое все мастьности своее, што на тотъ час спомынити могъ, особливый реестръ списавъши, для вписанья его до книгъ канцелярейскихъ подалъ. За которымъ таковымъ выданьемъ справъ, привилевъ и поступковъ празныхъ, доводовъ, шкрутении такъ до попартя справъ его з розными людьми маючихъ, яко и до отыартя противко нихъ в жадномъ суде метъ не можетъ. А такъ, яко его на тотъ час ведомость дошла, до взятыя певнейшее ведомости, якие быст(ь) в той спрактыкованой справе и згубе его, хто иный неприятелемъ показали, заховуючи себе с таковымъ кождымъ вольный поступокъ, иле справа придеть, а теперь только на того войта пинского Гурина Фурса и на того мещанина пинского Григорья Крупу, же они, яко масть ведомость, ктволи кому некоторую мастьность его з намовою и с практикован(ь)емъ своимъ невинне выдали, а инышую себе всю привлащили, протестуютъ и правне з ними и с кимъ бы водле права належалю, чинити хочеть.

Которое оповедан(ь)е за жеданьемъ велебного епископа луцкого и острожское(о) есть до книгъ канцелярейскихъ вписано и выпис под печатью г(о)с(по)д(а)рьского его милости данъ есть.

Писанъ у Варшаве.

Кгабриель Война, подканцлерый Великого Князства Литовское(о).

№ 2

1596 V 4, Варшава

Кір'яла Терлецкі, ексарх, епископ луцкі і астрожскі, засвідчує ў Канцелярії ВКЛ реєстр документу і речаў, якія аддаў на захаванне пінскаму мещаніну Рыгору Крупе.

Архівал Невядомы.

Копія, НГАБ, КМФ-18, Воп. 1, Спр. 285, Арк. 95 адв.—99 адв. (Метрыка ВКЛ. Кніга судовых спраў № 71, 1595—1599 гг.).

Публікацыі. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологическою Коммиссіею. Том первый. 1361—1598. СПб.: В типографии Эдуарда Праца. 1863. № 218. С. 260—266.

Друкуецца на аснове копіі.

Оповедан(ь)е и подан(ь)е реестру маестности того же его м(и)л(о)сти отца вл(а)д(ь)ки луцкого, забраное в Пинску.

Лета Божого нарожен(ь)я АФЧС [1596] м(е)с(я)ца мая четвертого дня.

Сташи обличне у книгу г(о)с(по)д(а)рьскихъ канцлерейскихъ, в Бозе вельбный Кирил Терлецкий, ексарха, епископъ луцкий и острожский, подалъ для вписанья до книгъ канцлерейскихъ реестръ списанья привилевъ, листовъ, справъ и всее маестности своее, которую черезъ брата своего урожоного Яроша Терлец-

кого мещанину пиньскому Григорью Крупе до схованья ея(о) даль, которые то привилей, справы и вся маетьность, на том реестре списанье, так ся в себе маеть.

1. *Привилей* короля его милости Стефана на епископию Луцкую и Острозкую даный. При томъ привилею листъ короля его милости Стефана до всѣхъ вобецъ писанный, ознаймуючи, же есть епископомъ луцкимъ и острозскимъ. При томъ листъ короля его милости до дворенина пана Миколая Рокицкого писанный, абы владыцтво Луцкое и Острозское зо всѣми добрами, здавна належачими, до держанья его подаль.

2. Иньвентаръ дворенина его королевское милости пана Миколая Рокицкого поданья владыцтва Луцкого зо всѣми добры церковными и зознан(ь)е возного в той же справе поданья в держанье тое епископѣи Луцкое и Острозское.

3. *Привилей* короля его милости Владислава, активованье у Метрики Коронные, на з(ь)едноченье релѣи Греческое з релѣю Римьского, всему духовенству греческому даный.

4. *Привилей* короля его милости Старого ||/96/ Жикгимонта на паркгамбне, всему духовенству релѣи Руское даный, на справы духовные, абы старостове и иные вряды в суды ихъ духовные не вступовали.

5. *Привилей* короля его милости Стефана, всему духовенству релѣи Руское даный, на справы духовные, абы старостове и иные вряды в суды ихъ духовные не вступовали.

6. *Привилей* короля его милости Стефана, всему духовенству релѣи Руское належачий, заховуючи при всѣхъ вол(ь)ностяхъ, яко и духовенство римьское.

7. *Привилей* короля его м(и)л(ости) теперешнего на паркгамбне, даный епископомъ релѣи Руское, обещаючи его королевская милость вол(ь)ности и достоенство розмноженья.

8. *Привилей* теперешнего короля его милости потверженье постановенья короля его милости Августа, хто бы ся в духовенство за чверть року не посветиль, таковыи данину г(о)с(под)а)рьскую тратить.

9. *Привилей* и фундушъ короля его милости всему духовенству рускому даный, абы по смерти епископовъ добръ церковныхъ не отъбирано, але абы капитула онье держала такъ, яко и капитула костела Римьского.

10. *Привилей* теперешний короля его милости на мьпо места Рожницкого, епископии Луцкой даный. И до ревизоровъ листъ его королевское милости. Также и постановенье пановъ ревизоровъ, лист отвартый до его королевское милости.

11. *Привилей* и фундушъ князя великого литовского Люборта наданья до епископѣи Луцкое добръ Рожницъ съ присельки, з уписаньемъ в том привилею границу ктунгу Рожницкого, которого ктунгу водле описанья ея(о) и по сес(ь) часъ церковь Божая ест(ь) в держанью, также на церковь соборную и на дворъ владычний при церкви соборной в замьку Луцкомъ Вышнемъ.

12. Привилей фундушъ, даный на Жабче и Губин на епископию Луцкую, которыхъ добръ церковь Божая с приселькомъ Колодезьми и теперь в посесѣи есть. И при томъ вся справа, листы граничныя з суседы обопольными, з Буремлем, || [96 адв.] Смылковомъ, Липюю, Голятиномъ, Новосельки, а от Губина зъ Шкленем, Угриновомъ и Городищемъ.

13. Привилей старый наданья вечными часы до епископѣи Луцкое именовъ Будорожа з дворищами, або селищами, на которыхъ теперь присельки ку Будорожу сут(ь): Буше, Пѣвче, Точивеки, Мезочъ Великий, Мезочъ Мальный, Борщовка, такоже и на дворъ в замьку Острозскомъ Окольномъ, где за держанья своего тотъ епископъ луцкий и острозский новый дворъ коштомъ своимъ збудоваль. И при томъ листы старыя граничныя и всѣ справы з суседы обопольными, меновите от Глухъ и от всѣхъ именовъ державы Острозское, и от именья пановъ Дѣжусовъ, которыхъ добръ крунтовъ и по сес(ь) часъ церковь Божая Луцкая в держанью есть.

14. Привилей и вся справа на добра Фалмичи и присельки ку нему належачие, которые Фалмичи з дому ихъ милости пановъ Радивиловъ, княжатъ Ольшаныхъ и Несвѣжскихъ, за привилемъ и позволеньемъ короля его милости Генрика, за добра церковныя Хорлуть ку епископѣи Луцкой пришли, которыхъ добръ церковь Божая Луцкая и теперь в посесѣи есть. И при томъ листы старыя на Васильевщину, и вся справа граничная з суседы обопольными от Зьмна, от Росного, от Сельца, от Хмелева, от Хобольтовы, от Форостова и от крунту места Володимерского, такоже на острова и сенокати межи крунтомъ Хобольтовскимъ и крунтомъ Форостовскимъ, ку Фалмичомъ належачие, которыхъ крунтовъ у спокойномъ держанью есть церковь Божая.

15. Справа вся на именье Хрылево, до епископѣи Луцкое належачая, противко его м(и)л(ости) п(а)ну вольньскому, о што з нимъ справа идетъ.

16. Привилей старый на Водирады, Терныки и Сядмарыки. И всѣ справы старыя граничныя з обопольными суседы.

17. Привилей старый на добра Полоную и присельки, до того належачие, Голешово и Островокъ. И вся справа, листы граничныя з суседы обопольными, которыхъ то добръ граници в посесѣи церковь || [97] Божая есть.

18. Привилей на половицу Кол(ь)чина и на семь дворищъ у Жидычине и на Липляны. Справы и листы старыя граничныя, до Кольчина належачие, которыхъ добръ и теперь есть в держан(ь)ю церковь Божая.

19. Привилей на добра Теремное. Справы и листы старыя граничныя.

20. Привилей и вся справа и листы граничныя на Клюки, которыхъ в посесѣи церковь Божая есть.

21. Справа на Пьянь. Листы комисѣи и листы граничныя и всѣ доводы на тую половицу от Свишова и Дорогостай, которые добра до церкви Божое столечное Луцкое належали.

22. Справа на Медковъ против княжатъ Чорторыйскихъ, ихъ ку церкви соборной Луцкой тое именье належитъ.

23. Справа о Жабче против пана Марка Жоравницкого, яко правне тые добра одыйскал за записом отца его, з декрету суду кгородского Луцкого, в которые добра правне вошло в держан(ь)е, о што его пань Янь и пань Марко Жоравницкие позывали, а потом, удавшись в компромиис, на суд полюбовный, и описавшись листы компромиисы, зведши приятелей и судей полюбовных, въ моч ся имь зобопольне дали, которые панове приятели и суд(ь)и полюбовные за таковым компромиисом вечно тые добра Жабче с приселыки ку епископѣи Луцкой, яко здавна церковные, и к церкви присудили и вольнымь его от позвовъ, жалобы, протестащый пановъ Жоравницкихъ и речи, в немь описаное. вечнымъ часы учинили. Якож и всѣ справы, которые одно панове Жоравницкие мели, то ест(ь) листъ продка его Ионы Борзобогатого, влад(ь)и ки луцкоз(о), и потверженья того листу от короля его милости Стефана, также и увес(ь) поступокъ правный ему были вернули, за чимъ и черезъ лист его королевское милости у книгахъ кгородскихъ луцкихъ, кгде бы кольвекъ протестащыи в той справе учипены были суть, выключованы и скасованы.

24. Справы о добра Фалимичи з Броневскимъ, под которымъ правне оные выискать. И листъ его королевское милости до Броневского, абы тыхъ добръ ку церкви уступилъ.

25. Справа с Петромъ Кпичковскимъ, декрета и доводы ясные, же его невинне обвинить быть, якобы при взят(ь)ю || 97 adv.] Фалимичъ, которыхъ онъ никды квалтомъ не брал, его збити, зранити, шкоды учинити и до везенья взяти казать.

26. Справа противъ Яну Циминьскому, декрета и шкрутение з кгороду володимирского, и нынше доводы листовные.

27. Справа и выводы с Хорковскимъ о суд копный, о якус(ь) кривду якобы от подданныхъ церковныхъ рожищскихъ.

28. Справа из Михайломъ Тенюкою, земениномъ пиньскимъ. Листы розные, доводы и декрета о невъеханье на ктрунты Неньковичские зъ епископѣи Пиньское. И листъ в той же справе епископа пиньского Леонтья Пельчицкого, который тую справу с Тенюкою сконъчилъ.

29. Листовъ немало, дому ихъ Терлецкому належачихъ, стародавние, граничные. И тежъ листъ повинныхъ ихъ приятел(ь) Терлецкихъ под килькунадцатьми печатями и с подписомъ рукъ ихъ. Также выписъ з кгороду Премыского сознанья повинности ихъ кресное с поприсяженемъ на вриде. В той же справе выписъ с книгъ земьскихъ повету Пиньского, квиты поборовые плаченья зо всѣхъ добръ епископѣи Луцкоз(о) и Острозское ланового и чоповоз(о).

30. Квитъ небожчика Леонтья Пельчицкого на отданье ему всѣхъ листовъ, справъ, привилежь епископѣи Пиньское и Туровское належачихъ.

31. Листъ пана Ивана Чаплича, каштalianа киевского, на пятьдесятъ копъ грошей литовскихъ, неписаныи, под печат(ь)ю и с подписомъ руки его и с печатями и с подписомъ рукъ людей заныхъ.

32. Листь пана Михала Мышки Варковського, каштalianа вольньского, на сорокъ копъ грошей литовских, неписаный, с печатью и с подписом руки его и людей записныхъ.

33. Листы Станислава Кандыбы два неписаные, одень на двесте копъ грошей литовских, а другий на осмьдесятъ копъ грошей литовских, с печатьми и с подписми рукъ его и приятельскими.

34. Листь неписаный пана Остафья Маливского на двесте копъ грошей литовских, с печат(ь)ми и с подписми рукъ его и приятельскими.

35. Листь небожчика Федора Полоза неписаный на дванадцать польгаконь позычонныхъ, с печатью и с подписомъ руки его и приятельскими.

36. Листь пана Гаврила Гостско(о) на сорокъ копъ грошей литовских, неписаный, с печатью и с подписомъ руки его и приятел(ь)скими.

37. Листь пана Миколая Яловицкого на сорокъ копъ грошей литовских, неписаный, с печат(ь)ми и с подписми || [98] рукъ его и приятельскими.

38. Листь от Романа Козиньского на чотыри копъ грошей, неписаный, с печатью его и приятельскими и с подписы рукъ приятельскихъ.

39. Листь от Семена Новоселецкого на шестьдесятъ чотыри копъ грошей литовских, неписаный, с печатью и с подписомъ руки его и приятельскими.

40. Листы два от небожчика Мелентия Хребтовича, вл(а)д(ы)ки володимерского, неписаные, с печатью и с подписомъ руки его и приятельскими, одинъ на тридцат(ь) копъ грошей литовских, а другий листъ на шестнадцать копъ грошей литовскихъ.

41. Листь от пана Яроша Терлецкого и малжоньки его п(а)нее Марьи Туровны и сына ихъ Ивана Терлецкого, голый, неписаный, под печатьми и с подписми рукъ ихъ. Также и другий листъ голый неписаный от того жъ Яроша Терлецкого и малжонки его, с печатьми и с подписомъ рукъ ихъ, с певного постановенья до схованья поверонныхъ.

42. Листы три, писаные от его милости пана воеводы киевско(о) княжати Острозского, с печатьми и с подписомъ руки его милости: одень листъ на сто копъ грошей литовских, другий листъ на сорок копъ грошей, а третий на пятьдесятъ чирвоныхъ золотыхъ.

43. Лист от пана Ивана Велятицкого на шесть сотъ копъ грошей литовскихъ даный и передъ врьдомъ земскимъ пиньскимъ от него сознаный. Листь другий того жъ на сто копъ грошей литовскихъ.

44. Листь пана Добрыньского, подстаростего любомьского, на двесте золотыхъ польскихихъ, с печатью и с подписомъ руки его и приятельскими.

45. Справа, записы, листы от пана Ивана Велятицко(о) малжонце его паней Ганне Терлецкой, с печатьми и с подписми рукъ его и приятельскихъ, на оправы и доживотье и на сумы п(е)н(е)зей даные.

46. Мембрамы духовные на унию и зедноченье с костеломъ Римскимъ, запечатаные и подписаные три. А в тыхъ всьхъ мембрамовъ отворонныхъ напереди печать и подписъ руки его, епископа луцко(о), а под печатью его печат

ти и подписы рукъ епископовъ пиньского, л(ь)вовского и холмьского. Другихъ три мембрановъ, также наперед печать и подписъ руки его, епископа луцкого, а потомъ епископовъ премьского, л(ь)вовьского и холмьского печати и подписы рукъ ихъ.

47. Лист мамрам голый, неписанный, под печатью и с подписомъ руки его м(и)л(ости) отца епископа луцкого и под печатью и с подписомъ рукъ крылошанъ || [98 аде.] капитулы Луцкое, также с печатями и с подписомъ рукъ приятельскихъ, пана Андрея Киверецкого, пана Стефана и пана Сасина, писара ктродского луцкого, Русиновичовъ Берестецких. Другий мамрамъ з вырезаньемъ кустодей, только одна печать его милости само(о) епископа луцкого с подписомъ вышъпомененыхъ особъ, а местце на приятельские печати оставлено, которыхъ для великихъ потребъ церкви Божие, еслибы в небытности его милости припали, в ризнице своей былъ оставилъ.

48. Выписъ протестацши, в Люблине вделаное, и иньшихъ листовъ, справе той належачихъ, немало.

49. Листъ совершеный Ионы митрополита на епископство пиньское и иньшихъ листовъ бл(а)гословеныхъ немало.

50. Листъ патриархи Еремея судовый на Жидычннъ з вл(а)д(ы)кою л(ь)вовским.

51. Листъ княжати его м(и)л(ости) Острозского, воеводы киевского, даный на манастыръ светого Спаса под Луцкомъ на Черньчмахъ.

52. Митро. або корона епископя, с пуньталами и с перлы, золотомъ гафтована, за шестьдесятъ копъ грошей литовскихъ.

53. Ризы злотоглавове, за тридцать шесть копъ грошей литовскихъ.

54. Ризы среброглавове, за тридцать семь копъ грошей литовскихъ.

55. Стихаръ злотоглавовой и орарь, за двадцать две копе грошей литовскихъ.

56. Ризы аксамиту чорного, за двадцать три копы грошей литовскихъ.

57. Ризы аксамиту чирвоного, за двадцать и чотыри копы грошей литовскихъ.

58. Ризы аксамиту чорного, в костыки, за двадцать чотыри копы грошей литовскихъ.

59. Ризы адамашки чирвоное, за семнадцать копъ грошей литовскихъ.

60. Ризы атласу белого, за осмнадцать копъ грошей литовскихъ.

61. Ризы чельтѣту чорного, за девять копъ грошей литовскихъ.

62. А особно ризъ надношюныхъ, то есть мухояровыхъ, чельтѣтовыхъ, флямскихъ, з лиштвами злотоглавовыми и аксамитными, и с пасаманы четьрнадцать ризъ, шацует(ь) за сто копъ грошей литовскихъ.

63. Омфоръ белый атласовой, гафтованный золотом, за двадцать копъ грошей литовскихъ.

64. Петрахилевъ розныхъ злотоглавovýchъ и среброглавovýchъ гафтованыхъ аксамитныхъ семнадцат(ь), з жолудками сребрными, за петьдесять копъ грошей литовскихъ.

65. Поручей дванадцать парь альтабасовыхъ злотоглавovýchъ, || [99] гафтованыхъ, за двадцать чотыри копы грошей.

66. Стихаровъ флямскихъ чотыри вышиваные, за двадцать копъ грошей.

67. Стихаровъ два, одинъ белый, а другий папужастый, за двадцать шесть копъ грошей.

68. Крестовъ сребрныхъ два, одинъ позлотистый, а другий белый, гривень шест(ь).

69. Миса серебряная до свеченья воды, гривен чотыри.

70. Завесовы злотоглавovýchъ и оксамитныхъ, золотомъ гафтованыхъ, с пуньталы золотыми, серебряными позлотистыми девьтнадцатъ, за шестьдесять копъ грошей.

71. Стихаровъ паляцкихъ чотыри, флямскихъ з оксамитомъ чорнымъ рытым, за дванадцать копъ грошей.

72. Омофоръ на китайце белый, злотомъ гафтованый, за копъ семнадцат(ь) грошей литовскихъ.

73. Ораръ д(ь)яконский злотоглавовой, за чотыри копы грошей.

74. Полица алтабасовая, две копе грошей литовскихъ.

75. Воздухи два, золотомъ и сребромъ гафтованые, шесть копъ грошей литовскихъ.

76. Хустокъ китайчаныхъ до посоховъ чотыри, зо злотомъ и с перлы, за осм копъ грошей.

77. Стихаровъ два паляцкихъ, чорноз(о) аксамиту, злотоглавомъ обложоны, за двадцать копъ грошей литовскихъ.

78. Колнеръ до ризъ злотоглавовой, за чотыри копы грошей.

79. Образъ Распятье Христова, на китайце жолтой, образъ на чорномъ оксамите, образъ другий же на чорномъ оксамите злотоглавомъ зеленымъ обложоный, за шесть копъ грошей литовскихъ.

80. Полица атласу зеленого з цатами позлотистыми, за чотыри копы грошей литовскихъ.

81. Посохъ третины морское, сребромъ оправный з obu коньцовъ, позлотистый.

82. Шуба собол(ь)я з бобромъ, кгрубриномъ чорнымъ крытая, за осмьдесять копъ грошей литовскихъ.

83. Шубка кунья, сукномъ фалондышовымъ чорнымъ крытая, тридцать пять копъ грошей литовскихъ.

84. Плацъ фалондышовый чорный, китайкою подшитый, за семнадцат(ь) копъ грошей литовскихъ.

85. Жупанъ адамашковый чорный, за дванадцат(ь) копъ грошей литовскихъ.

86. Жупанъ чмелѣтовый чорный, за пять копъ грошей литовскихъ.
87. Жупанъ мохояровый чорный, за чотыри копъ грошей литовскихъ.
88. Жупанъ чорный фалондышовый, за чотыри копъ грошей литовскихъ.
89. Канавацу неробленого едвабного локоть сорок, за двадцат(ь) осмь коп грошей.
90. Аксамиту три штуки двунитного, на ризы купленого, локот(ь) сто семдесят чотыри, по грошей девят(ь)десяти литовскихъ купленый кождый локот(ь).
91. Перцу каменей три и пол, кождый камень по семи копъ грошей купленъ.
92. Сукна постае зеленого шифтуху, за двадцать три копъ грошей.
93. Сукна осмь локтей фалондышу зеленого на стол, за осмь копъ грошей.
94. Аксамиту чорного локот(ь) сем, за одиннадцат(ь) копъ грошей литовскихъ.
95. Соболей сорок шест(ь), за осмьдесят копъ грошей литовскихъ.
96. Кун тридцат(ь), за двадцат(ь) копъ грошей литовскихъ.
97. Лис мрамурку чорного, за шестнадцат(ь) копъ грошей литовскихъ.
98. Шлыкъ мрамурковый, аксамитом чорнымъ || [99 *adv.*] крытый, за чотырнадцать копъ грошей литовскихъ.
99. Поясы два едвабные, за три копъ грошей литовскихъ.
100. Шапка оксамитная, собол(ь)ми подшитая, за чотыри копъ грошей литовскихъ.
101. Шапка оксамитная, кунами подшитая, за две копе грошей литовскихъ.
102. Бламъ футра куньего, за двадцать копъ грошей литовскихъ.
103. Опон до обитья стѣнь тринадцат(ь), за тринадцат(ь) копъ грошей литовскихъ.
104. Колдра злотоглавовая, рыгымъ зеленымъ оксамитом вколю обложко-на, за тридцать копъ грошей литовскихъ.
105. Бобровъ чорныхъ тринадцат(ь), за семдесят коп грошей литовскихъ.
106. Грошей готовыхъ в золоте чирвоными золотыми копъ литовскихъ тысячей дванадцат(ь), талировъ старыхъ две тысячи, монеты деветьсотъ копъ грошей литовскихъ.
107. Ланцуховъ три, ув одномъ золотыхъ чирвоныхъ сто и чотырнадцать, у другомъ шестьдесят деветь, у третемъ сто деветь.
108. Чара великая сребренная, у которой было гривень десеть.
109. Чара другая великая, сем гривен и полгривны.
110. Яндова великая, в ней сребра гривен деветь.
111. Наливка з медницею, гривень сем.
112. Лихтаровъ два, пять гривень.
113. Лихтаровъ два, гривень польчварты.
114. Чарки две, гривень три.

115. Чолньки два, по гривне одной.
116. Лыжокъ тузиновъ два, гривень девять и пол.
117. Ножъ з матицею перловою, з ножоньками, оправные серебром, позлотистые, за три копы грошей литовскихъ.
118. Миса великая, гривень семь.
119. Лыжка серебряная позлотистая, таляровъ чотыри.
120. Перыстень золотый с каменем з шафиром великимъ, за двадцать шесть копъ грошей литовскихъ.
121. Перстень с каменем дияментомъ, за осьмьнацят(ь) копъ грошей литовскихъ.
122. Стрымень серебряныхъ позлотистыхъ пара, важили гривен шест(ь).
123. Острогъ пара серебряныхъ позлотистыхъ, важили гривна одна и скойцовъ пять.
124. Чарка и поясъ серебряный и сыгнетъ пана Демяна Гулевича, што было у заставе у двадцать копахъ грошей литовскихъ.
125. Образы три, серебром оправные, позлотистые, с каменемъ.
126. Крыжъ, серебром увес(ь) повлечоный, с камен(ь)емъ, которое мелъ у заставе отъ п(а)на Андрея Киверецко(о), у копахъ одиннадцати грошей.
- А иншихъ многихъ речей, такъ листовъ, справъ, яко и маетности рухомое, пре жалость свою и в такъ рыхломъ часе спаметаты не могутчи, напотомъ до донесенья до книгъ, цалый в томъ поступокъ правный заховуе.
- Которое оповедан(ь)е и реестръ за жедан(ь)емъ велебно(о) еп(и)с(ко)па луцкого и острожско(о) ест(ь) до книгъ канцелярейскихъ вписано, и выписъ под печат(ь)ю г(о)с(под)арьскою Великого Князства Литовско(о) его м(и)л(ости) в Бозе велебному олицу Кирилу Терлецкому, еп(и)с(ко)пу луцкому и острожскому ест(ь) выдан.
- Писанъ у Варшаве.
- Кгабриель Война, подканцлерый Великого Князства Литовско(о).

№ 3

1628 XI 22, Варшава

Позва епскапа луцкаго Ієрамея Пачапоўскага і капітулы Луцкай саборнай царквы святога Іаана Багаслова да Яраша Сямёнавіча Тарлецкага на каралеўскі суд па справе валодання царкоўнымі дакументамі.

Архіналь. Невядомы. Пры публікацыі ў 1867 г. было пазначана: «Подлинный документ находится в Политическом Отделении канцелярии Главного Начальника Северо-Западного Края».

Копіі. Невядомы.

Публікацыі. Археаграфічны зборнік дакументаў, адносяцца да гісторыі Северазападнай Русі, выдаваны пры Управленні Віленскага Учебнага Округа. Том першы. Вільня: Печатня Губернскага Правлення, 1867. № 93. С. 268—270.

Жикгимонтъ Третий, Божию милостью король польский, великий князь литовский, русский, пруский, жомойтский, мазовецкий, ифляндский.

Тобѣ, урождоному Ярошви Семеновичви Терлецкому, зъ особы твоее властное и зо всѣхъ добръ твоихъ лежачихъ и рухомыхъ розказуемо, абись передь нами и судомъ нашимъ королевскимъ у Варшави альбо тамъ, гдѣ на тотъ часъ зъ дворомъ нашимъ шасливе постановлени будемо, одъ поданья альбо положенья вѣрности твоей сего позву мандату нашего за недѣль осмь самъ обличне и завите сталь, на жалобу и правное попиране инстикгатора нашего и его деляторовъ, велебныхъ отцовъ Исакия Вичинского, Феодора Троецкого и всее капитулы клирошанъ церкви соборное Луцкое Светого Иоана Богослова, въ замку нашомъ Вышшемъ будучихъ, яко потомковъ и дѣдичовъ легитимось добръ церковныхъ, до епископии Луцкое належачихъ, которые съ притомностию епископа теперешнего, велебного въ Бозѣ отца Иеремя Почиповского, владыки луцкого а остроцкого, прихилиючисе до протестации своее въ кргодѣ Луцкомъ противко вѣрности твоей въ року тисеча шестьсотъ семомъ учиненой, и до тестаменту зошлого Кириля Терлецкого, епископа луцкого и остроцкого, въ року тисеча шестьсотъ семомъ учиненого, такъ тежъ и до декрету нашего задворного, въ року прошломъ тисеча пятьсотъ деведьдесятъ девятомъ, межи зошлымъ Кирилломъ Терлецкимъ, владыкою луцкимъ, поводомъ, а Гуриномъ Форсомъ, войтомъ пинскимъ, Григориемъ Крупюю и иншими мѣщаны пинскими, позваными, ферованого, въ которомъ декретѣ салва зоставлено, съ кождымъ у кого бы кольвекъ права, привилея и вшелякие sprawy, владыцству Луцкому належачие, показали, правне поступить. Прихилиючися теде поводове до вышменованое протестации тестаменту и декрету нашего задворного, вѣрность твою позывають о то, якъ кгды еще зошлый Кириль Терлецкий, епископъ луцкий и остроцкий, братъ твой рождоный, давно за живота своего, а то въ року прошломъ тисеча шестьсотъ пятюмъ, за радою и помочью твоею, невѣдомо для якое причины, зъ церкви наше Луцкое соборное и зъ схованья безпечного права, привилея, фундуши, одъ першихъ ихъ милостей королей польскихъ и одъ князей на церковь соборную Луцкую наданые, листы и твердости граничные, процесса, переводы правные и иншие sprawy многие, такъ церкви соборной Луцкой на розные села и маестности служачие, яко и нѣкоторые привилея отъ продковъ нашихъ и одъ насъ самыхъ духовенству греческому належачие, побравши и въ скрини повкладавши, до маестностей и имѣней твоихъ, до Пирковичъ и Рѣчицы вылезъ и выпровадилъ и до власныхъ рукъ вѣрности твоей и схованья оддалъ. То есть:

1. Привилей фундушъ князя великого литовского Люборта, наданье до епископии Луцкое добръ Рожыщъ зъ приселки, зъ описаньемъ въ томъ привилею гранишъ.

2. Привилей на церковь соборную Луцкую и на дворъ при той церкви, въ замку нашомъ Вышшомъ Луцномъ будучихъ.

3. Привилей на половицу Кольчина и на семь дворищъ въ Жидичинѣ и на Липляны, при томъ sprawy и листы старыя граничныя, до Кольчина належанье.

4. Привилей на Теремное и листы старыя граничныя.

5. Привилей старый на добра Полоную и приселки, до того належанье: Гомешево, Островокъ, также и вся справа, листы граничныя зъ сусѣды обопольными.

6. Привилей старый на Водирады, Терпки, Сядмарки и всѣ sprawy старыя граничныя зъ околичными сусѣдами.

7. Привилей старый на Жабче, Колодези, Губичъ и листы граничныя одъ Буремля, Смыкова, Липое, Нового Ставу, Голятина, Новоселокъ, Угринова, Шклевеня, Городища.

8. Привилей старый, наданъ вѣчными часы на епископию Луцкую села Будорожа подъ Острогомъ зъ дворищами либо селищами, пуцею Пинчель, Сочивеками, Мезочель-Великимъ, Мезочель-Мальымъ, Баршовкою, также и на дворъ въ замку Острожкомъ Окольномъ, и листы старыя граничныя одъ Глухъ и маестностей княжатъ Острожкихъ, одъ Острога и Дубна.

9. Привилей на Хрылево, и листы граничныя, и вся справа съ паномъ Мышкою Варковскимъ, каштеляномъ вольнскимъ.

10. Привилей на село Клоки, и листы граничныя, справа на плаць, и листы комисарскіе, и листы граничныя, и всѣ доводы на тую половицу одъ Свишева и Дорогостя.

11. Справа на Медковъ противъ княжатъ Чорторыскихъ о имѣніи церковное.

12. Привилей и вся справа на добра Фалимичи и приселки, къ нему належанье.

13. Привилей короля Генрика, потверженіе замѣны Харлупа съ приселками, маестности церковное, на Фалимичи зъ княжатемъ Радивиломъ, и листы старыя на Василевщину, и вся справа граничная одъ сусѣдъ околичныхъ.

14. Привилей на домъ Кгерецковскій въ мѣстѣ Луцкомъ.

15. Привилей на мѣсте першое владычѣ луцкому надъ архиепископа полоцкого, и листъ патриарший.

16. Привилей на епископство, и листъ патриарший.

17. Привилей на мыто Рожьское.

18. Привилей короля его милости Владислава на зъедночєніе религии Грецькое зъ Рымскою, всему духовенству греческому даный.

19. Привилей короля его милости першого Жикгимонта, на sprawy духовныя даный.

20. Привилей короля его милости Стефана на вольности, духовенству даный.

21. Привилей попомъ релги Руское даный, то есть фундушъ самымъ духовнымъ, при церквяхъ катедральныхъ мѣшкающимъ, абы по смерти епис-

коповъ своихъ, яко дѣдичи, добра церковныѣ заѣзджали, а не старостове альбо подскарбин.

22. Привилей епископомъ релни Руское даный на розные петитувъ пункта.

23. Справа съ паномъ Маркомъ Жоравницкимъ, и судъ полубовный о Жабче, Колодези и Губинь.

24. Справа о Фалимичи зъ Броневскимъ.

25. Справа зъ Кгижевскимъ.

26. Справа зъ Тиминскимъ.

27. Справа зъ Хорковскимъ.

28. Справа на домъ въ Луцку Кгерещковский.

29. Справа зъ паномъ Федоромъ Загоровскимъ о Василевщину Володимера.

30. Справа зъ владыкою львовскимъ, мемрамы, реестра, артыкулы.

31. Справа о Мезочъ, маетность церковную.

32. Листъ княжати Острожкого Костентина, воеводы киевского, даный на монастырь светого Спаса подъ Луцкомъ на Черничцахъ.

33. Квиты поборовые за увесь часъ плаченья зо всѣхъ маетностей владыцтва Луцкого.

34. При томъ мемрамы духовные одъ пети епископовъ на зъедночение церкви Руское съ костеломъ Римскимъ, запечатанье и подписанье, и артыкулы, списанные на унѣю.

35. Листы и привилея патриаршецкие и sprawy судовые, епископови луцкому належачие, и иншихъ листовъ и справъ немало.

До которыхъ то усѣхъ правъ, привилеевъ, фундушовъ, листовъ граничныхъ, процесовъ и переводовъ правныхъ верненья, и штокольвекъ титулови церкви Луцкое соборной, капитулѣ и епископови належитъ, зошлый епископъ луцкий и острожкий Кириль Терлецкий, братъ вѣрности твоей рожемый, будучи близкий смерти, а почувачючися въ повинности своей, абы церковь Божая жадное шкоды и ущербу за поданьемъ тыхъ справъ не однесла, вѣрность твою тестаментомъ своимъ обовезать и росказать, до которого то руки, яко власного потомка, зъ маетностями зошлого Кирилла Терлецкого досталисе. На который testamentъ зошлого епископа луцкого, вѣрность твоя ничего не дбаючи, на слушность поглядаючи, але еще умьсленъ зъчачи церкви Божой шкоды и утраты, оныѣ права, привилея и иншыѣ sprawy вышъ менованые зъ маетностями владычними побравши, поводомъ за частымъ се у вѣрности твоей упоминаемъ не оддаешъ, и обѣтницами одданы тыхъ речей часъ одъ часу одкладаючи, и поводовъ уведечи, оддати не хочешъ, и одъ насъ самыхъ презъ листы наши до одданы тыхъ речей будучи насъ помененыи, ничего не дбаешъ, ку великой кривдѣ Божой и знищенью хвалы его святое и немалой шкодѣ церкви Луцкое, што вѣрности твоей на терминѣ ширей и досконалей во всемъ словы и выведено и показано будетъ. Которыхъ шкодъ за неодданьемъ правъ, привилеевъ, фунду-

шовъ и иныхъ, менують собѣ быти поводе на двѣсть тысячъ золотыхъ польскихъ. Прото абысь вѣрность твоя на року вышь менованомъ стать, помененье sprawy вернулъ, шкоды, въ позвѣ ошачованые, нагородить и на все, штоколько-векъ одъ поводовъ часу права вѣрности твоей оказано и вывожено будеть, судовне одповѣдаль и во всемъ се досконале усправедливить.

Писанъ у Варшавѣ, року Божого нароженья тисеча шестьсотъ двадцать осмого, мѣсеца ноября двадцать второго дня.

Маршалюкъ Тризна, писарь.

Літаратура і крыніцы

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). — Ф. КМФ-18. Воп. 1. Стр. 86.
2. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Воп. 1. Стр. 285.
3. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Воп. 1. Стр. 290.
4. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Воп. 1. Стр. 295.
5. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Воп. 1. Стр. 297.
6. Документы, относящиеся к истории православной и униатской церквей в зешнем крае // Вестник Западной России. — 1868. — Кн. VIII. — С. 15—30.
7. Архив Югозападной России. — Киев: В Университетской типографии, 1859. — Ч. 1. — Т. 1. — LXXXVII, 555 с.
8. Chodynicki, K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska: Zarys historyczny 1370—1632 / K. Chodynicki. — Warszawa: Kasa imienia Mianowskiego — Instytut Popierania Nauki, 1934. — XXI, 632 s.
9. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографического Коммиссiею. — СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1848. — Т. 2. 1506—1544. — III, 405, 15, 14 с.
10. Lietuvos Metrika. knyga Nr. 8 (1499—1514). Užrašymų knyga 8 / Parengė: A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. = Литовская Метрика (1499—1514). Книга записей 8. — Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. — 708 p.
11. Lietuvos Metrika. knyga Nr. 9 (1511—1518). Užrašymų knyga 9 / Parengė: Krzysztof Pietkiewicz. — Vilnius: Žara, 2002. — 615 p.
12. Белорусский архив древних грамот. — М.: В Типографии С. Селивановского, 1824. — Ч. 1. — XVI, 148 с., ил.
13. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографического Коммиссiею. — СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1848. — Т. 3. 1544—1587. — VIII, 317, 17, 14 с.
14. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Воп. 1. Стр. 73.
15. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Воп. 1. Стр. 74.
16. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. — СПб., 1897. — Т. 1. 1470—1700. — VIII, 502, 8 с.
17. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографического Коммиссiею. — СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1848. — Т. 4. 1588—1632. — VIII, 529, 25, 20 с.
18. Monumenta confraternitatis stauropigianae leopolitensis sumptibus Instituti Stauropigiani / Edidit Dr. Wladimirus Milkowicz. — Leopold, 1895. — Т. I. — XVI, 960 s.
19. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Воп. 1. Стр. 76.

20. Тимошенко, Л. В. Кирилл (Терлецкий) / Л. В. Тимошенко // Православная энциклопедия. — М., 2014. — Т. XXXIV. — С. 525—530.
21. Грамоти XIV ст. / Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показачки М. М. Пешак. — Київ: Наукова думка, 1974. — 219 с., ил.
22. Архив Юго-Западной России. — Киев, 1890. — Ч. 1. — Т. VI. — 182, 939 с.
23. Ревизия пуши и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, с присокуплением грамот и привилегий на входы в пуши и на земли, составленная Старостою Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичевм в 1559 году, с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данныя дворянам и священникам Плинского повета, составленной в 1554 году. — Вильна, 1867. — V, 382 с.
24. Lietuvos Metrika (1565—1566). 50-oji Teismų bylą knyga (XVII a. pradžios kopija) / Parengė Lirija Steponavičienė, Irena Valikonytė. — Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2014. — XXVI, 316 p., pav.
25. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Вон. 1. Стр. 38.
26. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Вон. 1. Стр. 301.
27. Левицкий, О. Кирилл Терлецкий, епископ Луцкий и Острожский / О. Левицкий // Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с Высочайшего соизволения П. Н. Батюшковым. — СПб., 1885. X, V, 570 с. — Вып. 8. Холмская Русь (Люблинская и Седлецкая губ., Варшавского Генерал-Губернаторства). — С. 308—341.
28. Дмитриев, М. В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595—1596 гг. / М. В. Дмитриев. — М.: Издательство Московского университета, 2003. — 318 с.
29. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. — СПб., 1897. — Т. 1. 1470—1700. — VIII, 502, 8 с.
30. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Коммиссиею. — Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1892. — Т. 19. — CLXXVI, 405 с.
31. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Вон. 1. Стр. 63.
32. Барановский, С. Краткие исторические сведения о бывших на Вольни православных типографиях / С. Барановский // Вольнские епархиальные ведомости. — 1877. — № 18. — С. 763—787.
33. Горін, С. Історія Чорненського Спасо-Преображенського монастиря / С. Горін // Дрогобицький краєзнавчий збірник. — Дрогобич: Коло, 2008. — Вип. XI—XII. — С. 149—155.

Артикул паступіў у рэдакцыю 14.10.2024

**МАТЭРЫЯЛЫ КРУГЛАГА СТАЛА З МІЖНАРОДНЫМ УДЗЕЛАМ
«200-ГОДДЗЕ БЕЛАРУСКАЙ АРХЕАГРАФІІ»**

25 кастрычніка 2024 г. на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта адбылася Міжнародная навуковая канферэнцыя «Лічэйская чытанні—2024: Гісторыя: навука, адукацыя, памяць (да 90-годдзя гістарычнага факультэта БДУ)». У рамках яе працаваў круглы стол з міжнародным удзелам «200-годдзе беларускай археаграфіі», прысвечаны выданню ў 1824 г. падрыхтаванага гомельскім прафесарам а. Іаанам (Грыгаровічам) зборніка дакументаў «Беларускі архіў старажытных грамад». Мадэратарамі круглага стала выступілі прафесар кафедры крыніцазнаўства, канд. гіст. навук М. Ф. Шумейка і дацэнт гэтай жа кафедры, канд. гіст. навук Т. Д. Гарновіч. Ніжэй публікуюцца артыкулы, у аснову якіх ляглі выступленні ўдзельнікаў круглага стала.

Рэд.

— ◊ —

*М. Ф. Шумейка,
ведучы навуковы супрацоўнік
Беларускага навукова-даследавальскага інстытута
дакументаведення і архіўнага дела,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
e-mail: jesti@inbox.ru*

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ
(к 200-летию белорусской археографии)

11—12 марта 1999 г. на историческом факультете БГУ состоялась организованная истфаком совместно с Комитетом по архивам и делопроизводству Республики Беларусь и БелНИИДАД Международная научная конференция «Проблемы белорусской археографии (к 175-летию выхода в свет «Белорусского архива древних грамот»)», в которой приняли участие ученые из Беларуси, России, Польши, Украины. На пленарном заседании помимо доклада автора этих строк «От «Белорусского архива древних грамот» до серийных документальных изданий: исторические, теоретико-методические и организационные аспекты отечественной археографии» были заявлены выступления председателя Археографической комиссии РАН, академика РАО С. О. Шмидта «Развитие специальных исторических дисциплин и академическая наука», доцента РГГУ И. И. Глебовой «Археография как компонент общественной культуры», профессора МГУ им. М. В. Ломоносова Л. И. Бородкина «Информационные технологии в археографии», директора Украинского НИИ архивного дела и документоведения И. Б. Матяш «М. В. Довнар-Запольский и архивно-археографическое образование на Украине» и др.

В рамках конференции работал международный семинар «Педагогические аспекты исторической информатики», на котором выступили В. Н. Владимиров (г. Барнаул), Н. И. Миницкий (г. Минск), А. Ф. Оськин (г. Полоцк), Ю. А. Святец (г. Днепрпетровск), Т. И. Славко (г. Тверь), Ю. Ю. Юмашева (г. Москва) и др. К сожалению, организаторам конференции не удалось издать ее

материалы в форме книги, хотя отдельные доклады и сообщения публиковались в периодических и продолжающихся изданиях Беларуси (напр., [2]).

Прошло 25 лет со времени проведения этой конференции. Какие результаты достигнуты в сфере археографии? Какие появились проблемы? Что удалось, а чего не удалось решить белорусским археографам за четверть века, прошедшие после мартовской конференции 1999 г.? Ответить на эти вопросы, а также обозначить актуальные направления развития археографии в республике попытаемся далее в настоящей статье.

Среди важнейших мероприятий организационного характера в области археографии в Беларуси, включая все ее направления, отметим:

а) создание еще за 8 лет до проведения конференции, в декабре 1991 г., отраслевого научно-исследовательского центра (ныне Белорусский НИИ документоведения и архивного дела), призванного в числе прочего осуществлять научно-методические разработки в области археографии, координировать в рамках своей ведомственной прерогативы практическую деятельность по выявлению, описанию и публикации документов и материалов, а также самому вести камеральную и эдиционную (в меньшей степени — полевую) археографическую деятельность через подготовку и издание отдельных сборников документов, архивных справочников, археографического ежегодника;

б) учреждение в октябре 1999 г. Археографической комиссии Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь (ныне Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь) с последующим открытием ее региональных отделений в Витебске (в 2001 г.) и Гродно (в 2003 г.), выполняющих функции методических и координационных центров в сфере археографии;

в) создание в конце 1990-х гг. отдела специальных исторических наук, затем сектора (ныне отдел) источниковедения и археографии Института истории НАН Беларуси, одним из основных направлений научных исследований которого являются: разработка методических проблем источниковедения и археографии Беларуси; подготовка и издание книг Метрики Великого Княжества Литовского, источников по истории городов Беларуси XV—XVII вв., латиноязычных источников по истории Беларуси XII—XIV вв. и др.

Среди научно-методических мероприятий выделим:

а) формирование отечественной методической базы в области археографии, заменившей ранее используемую белорусскими практиками-археографами общесоюзную нормативно-методическую литературу, не всегда учитывавшую национальные особенности публикуемых документов, путем разработки и последующего утверждения методических рекомендаций по изданию документов и материалов на государственных, а также латинском и польском языках, судебно-следственных документов, документов КПБ, фото- и кинодокументов [3—9; 12];

б) акцентирование внимания на теоретических аспектах археографии, углубленное изучение истории белорусской археографии*.

К числу мероприятий практического характера отнесем:

а) появление общенациональных, а также специализированных архивно-археографических периодических и продолжающихся изданий, способствующих развитию теории и методики археографии, повышению уровня выходящей в республике археографической продукции («Беларуская мінуўшчына», «Беларускі археаграфічны штогоднік», «Архівы і справаводства», «Архіварыус», «Аўтограф», «Архіўны дыялог», «Metniana», «Асоба і час» и др.); издание исторических энциклопедий и архивных справочников как республиканского, так и регионального уровней (важнейшими среди них являются 6-томная «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» (1993—2003 гг.), библиографический справочник «Архівісты Беларусі» (2-е изд., 2020 г.) и др.).

б) расширение географии эдиционной деятельности благодаря созданным в регионах периодическим изданиям, альманахам историко-краеведческого характера, публикующим на своих страницах документы и материалы по истории края. Важной формой здесь представляются книги серии «Память», на страницах которых опубликовано значительное количество документов и материалов по местной истории**;

в) возрождение практики регулярного проведения научных, научно-практических конференций, семинаров, круглых столов по проблемам археографии и смежных с ней специальных исторических дисциплин с последующей публикацией их материалов как отдельными изданиями, так и в журналах, альманахах, ежегодниках, научных сборниках (важнейшими здесь являются конференции, приуроченные к 175-летию белорусской археографии (март 1999 г.), о которой речь шла выше; к 90-летию и 100-летию со дня рождения Н. Н. Улашика (1996 г., 2006 г.); к 150-летию А. П. Сапунова (2001 г.); к 90-летию и 100-летию создания Витебской ученой архивной комиссии (1999 г., 2009 г.); Довнарковские чтения, проходившие с 1997 г. на родине историка и археографа в Речице (восьмые по счету состоялись в сентябре 2017 г.) и др.);

г) произошедший своего рода «дрейф» практической археографии от академических в сторону архивных учреждений, что, кстати говоря, характерно и для наших восточных и южных соседей — России и Украины, о чем достаточно убедительно говорил ректор РГГУ, член-корреспондент (ныне ака-

* Здесь отметим историко-археографический очерк Ю. В. Нестеровича «Праблема класіфікацыі археаграфічных публікацый і беларускія археаграфічныя выданні» [17], серию его статей в издании «Беларускі археаграфічны штогоднік», сборнике научных сообщений и статей «Архіварыус» и др.; монографию М. Ф. Шумейко «Белорусская археография в XIX—XX вв. (Проблемы теории, истории, методики)» [18] и др.

** Мы не касаемся вопросов, связанных с уровнем археографической подготовки публикуемых в книгах документов; отметим лишь, что во многих случаях он оставляет желать лучшего.

демик) РАН Е. И. Пивовар, выступая на заседании круглого стола, посвященном проблемам преподавания археографии в университете (состоялся в РГГУ 4 апреля 2007 г. в связи с восстановлением в ноябре 2006 г. ранее существовавшей в структуре Историко-архивного института кафедры археографии, интегрированной в 1996 г. в кафедру теории и методики архивного дела*). Докладчик подчеркнул, что археография является одним из важнейших инструментов повышения научной значимости архивной деятельности как таковой, а также элементом повышения социального статуса работы архивистов, архивной службы в целом [1, с. 10—11].

д) преимущественное внимание публикации документов новейшей истории, что объясняется, с одной стороны, произошедшим реформированием архивного дела (имеется в виду интеграция архивов компартии, ранее существовавших вне Государственного (ныне Национального) архивного фонда Беларуси в последний, что открыло археографам широкий доступ к ее документам), а с другой, как отмечали участники состоявшейся в начале июня 1999 г. Всероссийской научно-практической конференции по проблемам публикации документов XX века, жгучей потребностью общества «узнать во многом скрывавшуюся правду о событиях истекающего столетия» [11, с. 3].

Следствием последнего стала переориентация даже некоторой части археографов-медиевистов на изучение и публикацию документов новейшего времени. Характерным примером здесь может служить археографическая деятельность академика РАН Н. Н. Покровского (1930—2013), который от издания документов XVI в., чем он преимущественно занимался в 1960—1970-е гг., обратился в конце 1980-х гг. к изучению и публикации протоколов и стенограмм заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) (КПСС). Правда, в данном случае побудительным мотивом для него могло стать то обстоятельство, что в 1958 г. он, двадцативосьмилетний кандидат исторических наук, выпускник МГУ им. М. В. Ломоносова, был осужден на 6 лет лагерей по обвинению в антисоветской деятельности (по так называемому «университетскому делу Красноповцева—Ределя»). Отсюда повышенный интерес на личном уровне к изучению существовавшего механизма принятия решений по всем вопросам государственной и общественно-политической жизни страны, включая и деятельность ее правоохранительных органов, к обеспечению доступности для исследователей документов, созданных в процессе функционирования этого механизма.

Разумеется, связанная с историографией, источниковедением, архивоведением, другими специальными историческими дисциплинами, археография не может не быть в значительной степени им подчиненной. Одновременно она пользуется их инструментарием (особенно источниковедческим). Традиционные исторические источники (преимущественно письменные и в меньшей степени изобразительные) выступали и продолжают пока еще выступать в качестве

* В 2017 г. кафедра археографии вновь была ликвидирована, а курировавшиеся ею направления включены в кафедру архивоведения.

основного объекта археографических публикаций. Однако на смену им приходит возникший во второй половине XX века и все более заявляющий о себе в делопроизводстве новый их тип — электронный, с которым придется иметь дело не только источниковедам, но и археографам (подр. об этом см. [16, с. 5]).

Переход на безбумажный документооборот с последующим архивным хранением части создаваемой документальной продукции создаст в ближайшем будущем значительную источниковую базу, выступающую в качестве потенциального объекта публикации. С другой стороны, уже в настоящее время государственные архивы, а также сохраняющие письменные и аудиовизуальные источники музеи и библиотеки активно занимаются их оцифровкой с целью последующего предоставления цифровых копий документов не только для исследований, но и публикаций (подр. об этом см. [15]).

Таким образом, цифровая эпоха, в которую вступило человечество, затронула все сферы его жизнедеятельности. Не стала исключением и прикладная археография, цель которой — выявление, описание и публикация документов ретроспективного характера, хранящихся как в архивах, музеях, библиотеках, так и находящихся в среде бытования. Это данность, с которой нельзя не считаться археографам.

Проведенный нами предварительный анализ в вышеназванной статье пока что не дает оснований для однозначного ответа на вопрос о том, что понимают под электронной публикацией археографы, работающие в архивных, музейных, библиотечных, академических, учреждениях образования. По их мнению, это и виртуальные выставки цифровых копий хранящихся в архивах документов, и переведенные в электронную форму (на съемных носителях, веб-сайтах, порталах) традиционные (типографские) публикации и т. п. Имеет место также смешение электронных изданий (нормативных правовых документов, рекламной продукции и др.) с электронными публикациями документов. Налицо таким образом необходимость регламентирования электронной публикации ретроспективных документов, включая и электронные исторические источники.

Несмотря на подобного рода проблемы, обнадеживает то, что белорусские археографы вместе со своими российскими коллегами ищут пути для их разрешения.

Импонирует также и то, что обращено внимание на считавшуюся малоперспективной для Беларуси полевою археографией. Инициатива в развитии этого направления принадлежит Центру исследований старопечатных изданий и рукописей ЦНБ им. Я. Коласа НАН Беларуси. Промежуточным итогом работы Центра стало выявление в церквях, костелах, у частных лиц кириллических и латиноязычных книг и рукописей, представляющих несомненную ценность для книжной и рукописной культуры Беларуси. И, несмотря на довольно критический отзыв в соцсетях на оформление результатов этой работы [10] авторитетного археографа Н. В. Николаева, нельзя не приветствовать инициативу академичес-

кого Центра и не высказать надежду на ее продолжение, вследствие чего, как заявляет директор ЦНБ НАН Беларуси, «фонды ведущей научной библиотеки страны будут и далее пополняться уникальными письменными памятниками, отражающими богатство и разнообразие истории нашего Отечества» [10, с. 4].

Завершая статью, отметим, что перспективы развития всех направлений археографии в Беларуси не могут не внушать определенного оптимизма. В качестве пожелания выскажем предложение о необходимости продолжать развивать и укреплять научные и организационные связи в этой сфере представителей архивных, музейных, библиотечных учреждений, сотрудников академических и образовательных учреждений гуманитарного профиля, редакций газет и журналов, издательств, частных лиц, одним словом, всех, заинтересованных во введении в оборот оригинальных исторических источников — основы любого научного исследования, документальной базы, способствующей углубленному изучению истории людей, общества, государства.

Литература и источники

1. Вестник РГГУ. — 2008. — № 8. Серия «История» (Документоведение, архивоведение).
2. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Навуковы зборнік. — Вып. 1. — Мінск: БДУ, 2002. — С. 229—251.
3. Лацінска-беларускі слоўнік актавай мовы Вялікага Княства Літоўскага XIII—XVIII стст. / склад. А. А. Жлутка. — Мінск: БелНДДАС, 2011. — 389 с.
4. Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII—XVIII стст., перыяд Вялікага княства Літоўскага) / аўт.-склад. А. І. Груша. — Мінск: БелНДДАС, 2003. — 168 с.
5. Метадычныя рэкамендацыі да публікацыі лацінскіх дакументаў XIII—XIV стст. / аўт.-склад. А. А. Жлутка. — Мінск: БелНДДАС, 2005.
6. Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі польскамоўных дакументаў па гісторыі Беларусі XVI — першай паловы XIX ст. / склад. А. І. Шаланды. — Мінск: БелНДДАС, 2012. — 47 с.
7. Методические рекомендации по публикации документов и материалов по истории Беларуси 1917—1991 гг. / сост.: В. С. Поздняков, И. Н. Шпилевская, М. Ф. Шумейко, Д. Л. Яцкевич. — Мінск: БелНИИДАД, 2014. — 90 с.
8. Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі кірылічных дакументаў па гісторыі Беларусі канца XVIII — пачатку XX ст. / склад.: В. С. Позднякоў, М. Ф. Шумейка. — Мінск: БелНДДАС, 2016. — 88 с.
9. Методические рекомендации по публикации кинофото документов / сост.: В. С. Поздняков, М. Ф. Шумейко. — Мінск: БелНИИДАД, 2024. — 72 с.
10. Новые поступления редких книг и рукописей в Центральную научную библиотеку НАН Беларуси (по результатам полевой археографии в 2022—2024 гг.): каталог / автор-сост. К. В. Сыцько; науч. оп. книг и рукоп. О. А. Губанова и др.; худ. оформл. и дизайн кат. А. О. Конопелько; под ред. С. С. Юреджко. — Мінск: УП «Донарит», 2024. — 88 с.
11. Проблемы публикации документов по истории России XX века: материалы Всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников. — М.: РОССПЭН, 2001.

12. Рэкамендацыі па арганізацыі работы з гістарычнымі дакументамі (для навуковых выданняў). — Мінск: БелНДДАС, 1997.
13. Шумейко, М. Ф. Археаграфічная падрыхтоўка і публікацыя дакументаў КПБ/КПСС: метадычныя рэкамендацыі / М. Ф. Шумейко. — Мінск: БелНІИДАД, 2017. — 132 с.
14. Шумейко, М. Ф. Публікацыя дакументаў архіўна-следственных дел советского периода: метадычнае пособіе / М. Ф. Шумейко. — Мінск: БелНІИДАД, 2017. — 108 с.
15. Шумейко, М. Ф. Тыпы, віды і формы электронных публікацый дакументаў / М. Ф. Шумейко. // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДДАС, 2023. — Вып. 24. — С. 4—26.
16. Юмашева, Ю. Ю. Источниковедение информационной эпохи: монография / Ю. Ю. Юмашева. — Москва: Директ-Медиа, 2024.
17. Несцяровіч, Ю. У. Праблема класіфікацыі археаграфічных публікацый і беларускія археаграфічныя выданні / Ю. У. Несцяровіч. — Мінск: БелНДДАС, 1997. — 56 с.
18. Шумейко, М. Ф. Белорусская археография в XIX—XX вв. (Проблемы теории, истории, методики) / М. Ф. Шумейко. — Мінск: БелНІИДАД, 2007. — 498 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28.11.2024

Ю. Ю. Юмашева,*заместитель генерального директора
по научно-методической работе**ООО «ДИМИ-ЦЕНТР»,**доктор исторических наук;*

e-mail: Yumasheva@dimi.ru, Juliayu@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЕ

Вступление человечества в глобальное информационное общество, повсеместное распространение информационных технологий привели к тектоническим сдвигам во многих отраслях человеческой деятельности. Не обошел этот процесс и историческую науку, и входящие в ее состав вспомогательные исторические дисциплины (ВИД). Одной из самых изменившихся под воздействием информационных технологий ВИД стала археография.

Согласно классическому академическому определению, сформулированному С. О. Шмидтом, археография — «специальная историко-филологическая дисциплина, занимающаяся собиранием, описанием и публикацией письменных исторических источников. ... Все эти виды археографической деятельности объединяются общей методикой идентификации источников, установления их внешних особенностей, датировки, определения подлинности текста, авторства, места происхождения и пр. Археография тесно связана с другими областями научных знаний — историей, источниковедением, архивоведением, дипломатикой, книговедением [библиотековедение], кодикологией, палеографией, текстологией» [1], что позволяет сделать однозначный вывод о междисциплинарности археографии.

К списку вспомогательных исторических дисциплин, с которыми связана археография, многие авторы добавляют также документоведение, филлигранологию, эпиграфику, сфрагистику, археологию, коллекционирование документальных памятников [2], хронологию, лингвистику, филологию (текстологию) и другие научные дисциплины [3, с. 40].

Вместе с тем, использование в археографии методов и методик этих дисциплин не подвергает сомнению ее главную цель — *создание историко-ведчески полноценной публикации документа*, которая «переводит его из состояния потенциального источника в собственно исторический источник, критическое изучение сведений которого теперь может осуществляться исследователем на основе этой публикации» [3, с. 40]. При этом «археограф берет на себя часть важной исторической, источниковедческой работы по «внешней критике» источника, его атрибуции, установлению его подлинности, авторства, времени и места создания и др. (выделено мной — Ю. Ю.). Археограф помогает историку значительно сократить работу на предварительном, но важном ее этапе — выявлении исторических источников, оценке их истори-

ческой значимости, атрибуции, прочтении, расшифровке, и сосредоточиться на изучении исторических процессов и явлений» [3, с. 42].

Очевидно, что этот вывод не теряет своей актуальности и при публикации документов в электронной среде. Однако специфика цифрового мира накладывает свой отпечаток на все функции археологии, а также на методы подготовки электронной публикации и возможности ее использования (т. е. проведения научной критики документа/исторического источника) в исторических исследованиях.

В предыдущих статьях автор уже рассматривала юридический и издательско-библиотечный статус публикаций архивных документов в электронной среде [4; 5]. Анализируя вопрос о собственно научно-археологическом статусе этих публикаций и особенностях археологии в цифровом мире, следует в целом согласиться с мнением В. Ю. Афиани и Н. А. Комочева, которые утверждают, что научных публикаций в Интернете в соответствии с традиционными археологическими подходами немного [3, с. 217], и при этом «цели [научной публикации], содержание и используемые методы определяются публикаторами» [3, с. 218].

Вместе с тем за более чем 40-летнюю историю развития археологии в электронной среде были выработаны новые подходы и даже созданы собственные археологические «стандарты», что, в конечном итоге, сформировало специфические черты археологии в электронной среде, которые отличают ее от традиционной дисциплины.

К числу этих специфических черт относятся:

- *значительное расширение круга объектов археологических публикаций*. В частности, в сферу археологии теперь попадают не только древние документы (археология — от др.-греч. ἀρχαῖος — древний и ὑβρίδιον — пишу), но и все типы и виды «аналоговых» объектов, которые потенциально могут быть опубликованы [6] и представлены в электронной среде в качестве исторических источников. Здесь следует подчеркнуть, что за пределами документоведения термин «документ» все чаще используется в расширительном толковании как синоним понятий «архивный документ», «музейный предмет (объект)», «редкая книга (издание)», и все эти «документы» также могут быть представлены в электронной среде и требуют развития собственных методов электронной археологической публикации:

- осуществление «публикации исторических источников по принципиально новым технологиям» [7, с. 70], что приводит к *появлению новых типов и видов публикаций, значительно отличающихся от традиционных полиграфических форм* (базы данных, наборы данных, мультимедиа, ГИС, виртуальные реконструкции, 3D-модели, и т. п.);

- использование *расширенного и видоизмененного набора элементов археологической публикации*: от замены традиционных элементов археологического описания [8] на непривычные, но нагляднее представляющие ту

же информацию (например, замену текстового указания физических размеров листа документа в описании воспроизведением на факсимиле линейки, расположенной рядом с документом), до использования специальных возможностей компьютерных технологий (гипертекст, гипермедиа, анимация, визуализация, моделирование и т. п.);

- появление *продолжающихся публикаций с расширенным функционалом, предполагающим возможность постоянного уточнения и изменения информации*, представленной в электронной среде, в том числе на основе сведений, предоставленных широкой пользовательской (исследовательской прежде всего) аудиторией, а также публикаций, *позволяющих пользователям осуществлять исследовательские процедуры онлайн* (в т. ч. комментирование или источниковедческий и исторический анализ);

- относительную *«безразмерность»* (в случае интернет-публикаций) и *транскраничность* публикаций, предполагающих публикацию значительных объемов документной информации, доступность ресурса максимально широкой аудитории, а также создание объединенных ресурсов, аккумулирующих информацию о документах (объектах), хранящихся в разных странах, у разных фондодержателей и предоставляемую пользователям на разных условиях;

- использование инструментария сопредельных наук (вспомогательных исторических дисциплин, лингвистики, филологии (текстологии), информатики, естественно-научных дисциплин и т. п.), что приводит *к повышению степени междисциплинарности археографии и необходимости освоения инструментов подготовки публикации, несвойственных традиционной «полиграфической» археографии* (оцифровка/сканирование, ведение баз данных (каталогов), автоматизированное распознавание текстов и изображений, использование различных аппаратно-программных средств и специализированного программного обеспечения и т. п.), а также методов и методик используемых дисциплин (прежде всего — информатики и исторической информатики);

- необходимость выработки *собственной терминологии археографии* [9; 10] *в электронной среде*, адекватной задачам и методам их решения в электронных публикациях и (на первом этапе «перехода» от полиграфии к электронной среде) инкорпорирующей терминологию привлекаемых к подготовке публикаций ВИД.

Список специфических черт «новой» археографии можно продолжать и конкретизировать, однако не следует забывать, что кроме положительных сторон перехода в «цифру» уже отчетливо заметны проблемы, присущие публикаторской деятельности в электронной среде. Так, наиболее болезненными из них являются:

- *несоблюдение правил подготовки археографической публикации* — в т. ч. непроведение проверки подлинности публикуемого оригинала, подмена целей публикации (иллюстративный подход, текстология вместо полномасштабной археографической публикации и т. п.);

- отсутствие необходимых полных описаний всех элементов подлинника (носителя, способа фиксации информации, легенды и т. п.), способов их преобразования в цифровой вид, описания созданной электронной копии (метаданные), чреватое публикацией подделок под видом электронных копий подлинных документов/объектов; возникновение «химер-Франкенштейнов» исторических источников, т. е. публикаций, в которых смешана информация о подлиннике («твердой» копии документа/муляже) и электронной копии и т. п.;

- технические проблемы, в т. ч. нестабильность формы электронных публикаций (информационных ресурсов), устаревание программного обеспечения, «гниение» гиперссылок и т. п.;

- беззащитность информационных ресурсов перед внешним вмешательством, несанкционированное изменение или исчезновение опубликованных материалов;

- невозможность обеспечения долгосрочного хранения без изменения носителя и формата ресурса, утрата информации, в т. ч. из-за «неглубокого захвата» информации ресурсов при веб-архивировании и т. д.;

- проблема адекватности воспроизведения электронного представления подлиннику и эффект «экранного эссенциализма» (screen essentialism) у современных исследователей и т. п. [11, с. 215; 12, с. 328].

Все перечисленные положительные и отрицательные черты археографии в электронной среде требуют глубокого осмысления и выработки методов ее адаптации к новым условиям.

Вместе с тем, не вызывает сомнений то, что дальнейшее развитие археографической публикаторской деятельности в электронной среде приведет к формированию самостоятельного направления — *археографии информационной эпохи*, обладающей собственными предметом, расширенным составом объектов, технологиями, методами и методиками, а также сформировавшей собственную терминосистему, лишь отчасти совпадающую с классической археографией.

Тенденции подобного развития уже заметны, чему в немалой степени будет способствовать и появление такого объекта археографии, как *электронный (цифровой, born-digital) документ (цифровой объект)*, не имеющего аналогов в традиционной («бумажной», «овеществленной») форме.

Тотальный переход на электронное делопроизводство, интернет вещей и цифровые объекты, материализуемые с помощью периферийных устройств (например, принтеров 3D печати), окончательно завершит оформление археографии информационной эпохи, принципиально отличающейся от «классической» археографической традиции и практики, но вобравшей в себя весь прежний опыт реализации научных публикаций.

Режмируя вышесказанное, автор предлагает определение *«археографии информационной эпохи»* как *вспомогательной исторической дисциплины, носящей междисциплинарный характер и занимающейся собиранием (в час-*

ти электронных документов) и описанием исторических памятников с помощью информационных технологий, а также их публикацией (представлением) в электронной среде.

Такое расширительное толкование дает возможность, с одной стороны, охватить максимально широкий круг архивных документов, изобразительных, фонических и вещественных памятников, предназначенных для публикации, с другой — рассматривать все уже существующие и потенциально могущие возникнуть в цифровом мире типы и виды публикаций и совершить значительный шаг вперед в вопросе развития археографии в электронной среде.

Литература и источники

1. Шмидт, С. О. Археография / С. О. Шмидт // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3787804?ysclid=lu86vm5z81306745434 (дата обращения: 18.08.2024)
2. Афиани, В. Ю. Археография / В. Ю. Афиани // Россия — великая архивная держава. URL: <https://encarch.kaisa.ru/enc/article/422570> (дата обращения: 18.08.2024)
3. Афиани, В. Ю. Археография. Теория, история и методика: Учебник / В. Ю. Афиани, Н. А. Комочев — М.: РГГУ, 2023. — 300 с.
4. Юмашева, Ю. Ю. Архивный информационный ресурс = электронное издание? К постановке проблемы / Ю. Ю. Юмашева // Делопроизводство. — 2022. — № 2. — С. 43—52.
5. Юмашева, Ю. Ю. Возможности использования архивных информационных ресурсов в качестве электронных изданий (публикаций) / Ю. Ю. Юмашева // Беларускі археографічны штогоднік. — Мінск: БелНДДАС, 2022. — Вып. 23. — С. 57—69.
6. Археография музейного предмета: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 16—17 марта 2012 г. / отв. ред.: Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцев; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т филол. и ист., Каф. теор. и ист. гуманитар. знания, Фак. ист. искусств, Каф. музеелогии, Рос. ин-т культурологии, Сектор музейной энциклопедии. — М.: РГГУ, 2012. — 201 с.
7. Захаров, А. В. Становление компьютерной археографии источников делопроизводства XVII—XVIII вв. / А. В. Захаров // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. — 2013. — № 3 (5). — С. 68—78.
8. Козлов, В. П. Теоретические основы археографии с позиций современности / В. П. Козлов // Отечественные архивы. — 2001. — № 1. URL: <https://portal.rusarchives.ru/debate/d1.shtml?ysclid=lv3ekyzsj7611627578> (дата обращения: 18.08.2024)
9. Афиани, В. Ю. Терминология археографии: проблемы формирования языка науки / В. Ю. Афиани // Гуманитарные чтения РГГУ — 2017: Пути преобразования общества и их осмысление в гуманитарных науках: войны — революции — реформы: сб. материалов. Москва, 29 марта—7 апреля 2017 г. — М.: РГГУ, 2018. — С. 28—37.
10. Афиани, В. Ю. Археография в междисциплинарном контексте / В. Ю. Афиани // «Стены и мость» — III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности: материалы Международной научной конференции, Москва, 25—26 апреля 2014 г. / Министерство образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», Центр междисциплинарных гуманитарных исследований. — М.: Изд-во «Академический проект», 2015. — С. 10—18.

11. Milligan, I. *History in the Age of Abundance? How the Web Is Transforming Historical Research* / I. Milligan. — McGill-Queen's University Press, 2019. — 310 p. URL: <https://www.mqup.ca/history-in-the-age-of-abundance-products-9780773556973.php> (дата обращения: 18.08.2024).
12. Юмашева, Ю. Ю. *Источниковедение информационной эпохи* / Ю. Ю. Юмашева. — М.: Директ-Медиа, 2024. — 512 с.

Статья поступила в редакцию 28.11.2024

В. П. Козлов,
председатель Архивного совета при Президиуме РАН,
главный научный сотрудник Учебно-научного центра
«Новая Россия. История постсоветской России» ИАИ РГГУ,
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН;
e-mail: petrovich1949.kozlov@yandex.ru

О СЛОВАРЕ ТЕРМИНОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОКУМЕНТОЛОГИЯ»

Время течет неумолимо, и пока я готовил этот текст, предмет, посвященный ему, — словарь терминов и определений новой исторической дисциплины «Историческая документология» — вышел неожиданно быстро для меня в свет и теперь доступен для его критической оценки [1]. Совершенно случайно издание словаря совпало с разворачивающейся на страницах журнала «Отечественные архивы» дискуссией о документоведении (в ней примет участие и автор этих строк), в которой вопросы терминологии занимают далеко не последнее место [2—4].

Цель настоящей работы — предложить терминологическую систему новой научной и учебной дисциплины «Историческая документология», отражающую ее концептуальные и отчасти теоретические основы, в виде словаря терминов и определений этой дисциплины, не носящего официального характера. Последнее обстоятельство хотелось бы подчеркнуть особо, учитывая, что такой словарь является одним из способов создания нового документоведческого, архивоведческого, документально-эдиционоведческого и документально-источниковедческого знания и освободить документоведение, архивоведение, документальное эдиционоведение и документальное источниковедение (назовем их условно *дисциплинами документально-источниковедческого цикла* (ДДИЦ)), от отживающей «старинь» или агрессивной «новизнь», размывающих их своеобразный характер как знания о документе.

Достижение этой цели потребовало решения нескольких задач.

Первая. Учитывая комплексный характер дисциплины, потребовалось выявить терминологию смежных дисциплин, в первую очередь, ДДИЦ, критически подойдя к их отбору и данным в них определениям.

Вторая. На основе анализа концептуальных основ «Исторической документологии», изложенных в ряде работ автора [5—11], потребовалось выявить признаки, свойства, явления, связанные с объектом и предметом дисциплины, и соответствующими терминами обозначить их.

Третья. Дать определения этим терминам, исходя из их сущностного понимания автором.

Четвертая. Представить термины в виде системы на основе выявленных между ними связей сущностного и логического порядка.

Иначе говоря, речь идет о том, чтобы в рамках концептуальных основ «Исторической документологии» предложить непротиворечивую систему терминов и определений, связанных с пониманием документа как регулятора действительности и ее запоминания и его же признания как документального исторического источника — носителя документальной исторической памяти. В той или иной степени такая терминосистема была представлена в других работах автора [12—15]. При этом предлагавшиеся в них формулировки не оставались неизменными, они уточнялись, отбраковывались, дополнялись новыми. Предлагаемый словарь содержит их последнюю редакцию, скорректированную спецификой их размещения в трудах подобного рода, связанную, прежде всего, с требованием отображения системных связей понятий.

Предлагая терминосистему «Исторической документологии», автор не только стремился частично переосмыслить традиционно существующие понятия, но и, реагируя на новые или ранее не замечавшиеся явления, связанные с документом как регулятором человеческой жизнедеятельности, сохраняющем особую, документальную, память об этой жизнедеятельности, обозначить эти явления новыми понятиями.

В нашем понимании основополагающими принципами историко-документологического терминоведения должны стать его исключительное соответствие задачам дисциплины «Историческая документология», непротиворечивая системность понятий, творческое осмысление терминологии других отраслей знания, закрепление новыми понятиями устанавливаемых явлений, связанных с бытованием документа, критический подход к нормативному терминопотреблению, нередко являющемуся результатом компромиссов, а не доказательного познания. Так, например, невозможно дать определение термина *документ*, который удовлетворил бы не только ДДИЦ, но и философию или социологию. Напомним, что сегодня многочисленные и противоречивые толкования *документа* подчас далеки от его изначального латинского понимания как любого *доказательства*, хотя нередко и навеяны им. Современное нормативное его толкование не только исключает из понятия *документ* целые его классы, но и варианты и даже проекты важных официальных документов. Наше определение документа через его материальный признак, текст и сообщение, имеющее смысл, кажется, способно удовлетворить по крайней мере все ДДИЦ. Такое определение может придать четкую системность другим понятиям, связанным с документом. Например, *ценным документом* окажется *документ*, документальная память которого *признана быть пригодной для изучения прошлой человеческой жизнедеятельности, а также выделяющийся особыми признаками материального носителя*.

Другой пример. Ныне общеизвестно, что оригиналы официальных документов секретного характера в первую очередь силовых структур СССР подлежали обязательному уничтожению их адресатами после прочтения. Напомним, что многие документальные публикации последних десятилетий

включают по этой причине немалое число не оригиналов документов, а их копий-отпусков. Это, безусловно, важное явление в документировании, имеющее прямое отношение к познавательным возможностям сохранявшихся копий таких документов и требующее обозначения, например, термином *торможение оперативного бытования документа или документальный коллапс*.

С учетом сказанного заметим, что и внедрение цифровых технологий в делопроизводство или архивное дело (архивоведение пока отстает в осмыслении этого процесса) требует критического подхода и к сопровождающей их терминологии. Например, с точки зрения ДДИЦ вряд ли приемлем термин *данные* вместо *сообщения, имеющие смысл*. Всего один пример. В Ипатьевском доме в комнате, где были расстреляны Николай II и его семья, первый следователь по делу об убийстве обнаружил и зафиксировал: а) надпись на обоях со строчками из стихотворения Г. Гейне «Валтасар»; б) надпись на одном из подоконников и около него. С точки зрения современных информационно-коммуникационных технологий и то и другое есть не что иное, как *данные*, т. е. документы, имеющие непреходящее значение для восстановления картины убийства. Однако, как оказалось, надпись «б» — бессмыслица, а значит, не документ [16].

С большой долей скепсиса можно отнестись и к таким терминам, как *контент документа, метаданные документа*. Контент — это информация документа или же сообщение, имеющее смысл. Метаданные — реквизиты документа и вторичная архивная информация о нем. Не видим смысла подменять их, хотя в технологии электронного документирования они явно имеют значение как показатель одной из фаз состояния электронного документа.

Поскольку объектом исторической документологии является документ в его историческом развитии как одно из феноменальных проявлений человеческой жизнедеятельности и как один из элементов ее регулирования, понятийный аппарат этой научной дисциплины должен отражать именно ее теоретические или хотя бы концептуальные основы [17, с. 101]. Это в свою очередь означает соблюдение двух требований. Во-первых, термины и понятия, используемые в этой дисциплине, могут не совпадать и даже противоречить традиционно существующим в повседневности или используемым в различных сферах научного познания. Во-вторых, термин является знаком понятия, которое он обозначает. Поэтому прежде всего он не должен быть ложноориентированным. Автор словаря с определенной критичностью подходил к отбору терминов и их понятий, существующих в научной литературе и нормативных документах как ложно ориентируемых или даже тормозящих развитие историко-документологического знания. К их числу относятся такие термины, как *рукопись* (как ложно ориентируемый синоним термина *документ личного происхождения*), *содержание документа* (вместо более определенного *сообщения, имеющего смысл и полностью адресату*), *целостность документа* (через свойство *документа полностью сохранять содержащуюся в нем информацию и обеспечивать неизменность его структуры*) (как ложно ориентирован-

ное понятие, исключающее неизменчивость носителя и предусматривающее только неизменчивость информации документа).

Еще один пример терминуопотребления последних лет связан с использованием термина *эо-документ* вместо давно вошедшего в научное знание термина *документ личного происхождения* и *документ инициативного документирования*. В чем смысл такой замены, понять невозможно. Более того, подчеркивая психическую сущность документа личного происхождения, термин *эо-документ* в определенной степени искажает сущность документа вообще, ибо психический элемент присутствует в любом документе, включая документы официального происхождения. Вероятно, ориентация на филологические науки привела к упорному толкованию в ДДИЦ термина *текст документа* как признак только письменного или аудиодокумента. Более того, появился термин *нетекстовой документ* как документ, не имеющий текста, т. е. информация которого ничем не закодирована, что противоречит не только здравому смыслу, но и архивоведческому знанию, требующему бережения не только *носителя документа*, но и закодированной с помощью текста информации документа.

При осмыслении ранее существовавших и вводимых новых понятий автор словаря исходил из того, чтобы их терминологическое обозначение, во-первых, точно соответствовало их содержательному смыслу, во-вторых, легко вписывалось во всю или определенную часть терминосистемы словаря, в-третьих, преимущественно опиралось на российскую научную языковую традицию и ресурсы русского языка. В последнем случае, кажется, необходимо освободиться от негативных последствий вторжения в знание о документе советского новояза.

Поясню последнее обстоятельство несколькими примерами. В современном языковедении при анализе текстов документов официального происхождения советской эпохи выделяется их несколько особенностей. В частности, установлено, что в официальных текстах советской эпохи наблюдается дискриминация многих «старых» слов и скрывавшихся за ними понятий, имеющих духовно-гуманистический смысл типа *добро, зло, подсознание, благотворительность, милосердие*. Оппозиция «свой—чужой» лежала в основе негласных и публичных нормативов текстов власти, в которых привычные по своему смыслу слова заменялись другими с негативным подтекстом. *Правдивость* становилась *объективизмом*, *искренность* — *болтовней*, *самокопанием*, *народность* — *стихией*, *самотеком*, *оптимизм* — *прекраснодушием*, *фразерство, простота и скромность* — *лицемерием*.

Нечто подобное происходило и в формировании знания о документе. Принцип *беспристрастия* в добывании доказательного исторического знания, о котором российские историки говорили в XIX в., был заменен принципом *объективизма*, обозначающим непонятно что. Принцип *скептицизма* как принцип критического недоверия стал трактоваться как отрицание проверенного знания. Термин *вечное забвение архивных документов*, использованный

в 1681 г. в указе царя Федора Алексеевича, означал уничтожение документов о местничестве посредством их сжигания. Однако в законодательстве Екатерины II и в Словаре Академии Российской этот термин стал трактоваться как *бытие, конца не имеющее, бесконечное пребывание*. В советское время термин *вечное хранение (вечное забвение)* был заменен, вероятно, из-за намека на его сакральность, бесформенным термином *постоянное хранение*.

Попутно заметим, что некоторые из таких терминов связаны не с методологией или идеологией советской поры, а носят всего лишь характер анахронизмов или бытовизмов. Два из них особенно примечательны. Один из них — *материалы* — как синоним термина *документ* или обозначения всего того, что не относилось к актам, употреблялся еще в дореволюционной России. Другой — *исторический документ* — пользуется популярностью и в современной литературе. Например, им широко оперируют авторы новейшего учебника по археографии [18]. При этом определения этого термина мы здесь не встретим. Правда, как можно понять, авторы считают его равнозначным с терминами *исторический источник* и даже *документальный памятник*. В таком случае, невозможно понять, зачем тогда использовать этот термин. К тому же он носит двусмысленный характер, если мы вспомним, что в недавнем прошлом этот термин имел откровенно политизированный смысл, подчеркивая исключительно величайшее позитивное значение разработки и утверждения некоторых документов для судеб СССР. Но даже если признать наличие в советскую эпоху таких судьбоносных документов, в ДДИЦ есть их четкое определение через термин *уникальный документ*.

В нашем словаре имеются частичные и очень осторожные заимствования из смежных областей знания (*агрегатное состояние документа, асинхронный документ, возбуждение документа, трансформация документа, фильтрация документа* и др.). Кроме того, для большего запоминания ряд терминов носит образный, метафоричный характер. Так появились, например, термины *принудительный автор документа, активный документ, пассивный документ, метод коврового поиска архивного документа, документальные отложения, конвой документа, очарованный документальный подлог, навешенный документальный подлог, осколочный документальный подлог* и др.).

Автор словаря с определенным критическим настроением подходил к нормативно закрепленным терминам и понятиям в законах, ГОСТ, правилах, которые часто являются результатом компромиссов или преследуют сугубо прагматические цели и не учитывают системности научного знания о документе. К таким понятиям можно отнести, например, толкования терминов *официальный документ, архивный документ* и др.

Поскольку любое понятие в науке является выделенным обобщением сходных признаков определенных предметов и явлений, такое выделение и обобщение должны быть проведены и в исторической документологии. Наиболее заметной вехой в этой работе стал «Словарь современной архивной тер-

минологии социалистических стран» [19; 20], затем дополнявшийся и уточнявшийся в нормативной практике и научных исследованиях, особенно в работах одного из авторов «Словаря современной архивной терминологии» Э. И. Хан-Пиры [21]. В ныне действующем Федеральном законе «Об архивном деле в Российской Федерации и архивах», в разработке которого принимал участие и автор этих строк, предложена обновленная часть понятий, связанных с архивным документом, например, таких как *владелец архивных документов, пользователь архивных документов*.

Автор словаря существенно расширил состав понятий, связанных с созданием, бытованием документа, трансляцией и анализом его в документальной публикации и источниковедческом исследовании, полагая, что, например, понятия *документальная память, документальная историческая память, конфигурация документальной публикации, документальное свидетельство документального исторического источника* и другие выражают реальные, важные и обобщающие состояния и характеристики документа как объекта исторической документологии. Они закрепляют познание документа как нового знания о нем.

Их содержательные определения представляют немалые трудности, поскольку в одном предложении следует, во-первых, указать на связь определения с другими определениями, во-вторых, раскрыть сущностный смысл понятия, в-третьих, сохранять по возможности формализованный характер определения. В то же время автор настоящего словаря стремился по возможности избегать включения в него понятий технологического и процессуального порядка, полагая, что такие понятия имеют большее отношение к правилам работы с документом.

Одним из показателей научного знания является системность обозначающих его понятий. Реализация в словаре задачи выявленной системы связей понятий является второй по трудности после формулировки понятия. Автор словаря применил логический принцип конструирования его терминосистемы на основе показа их родовидовых связей, связей целого и частей, причин-следствия, последовательности действий, объекта и его определенных свойств. При этом использовались генетический и функциональный методы, а также их сочетание. В первом случае из основных терминов выделялись производные, во втором термин конструировался на основе изменения основного признака части речи основного термина.

В настоящем словаре все понятия и соответствующие им термины разбиты на девять групп: раздел 1 «Объект, предмет и принципы дисциплин документально-источниковедческого цикла»; раздел 2 «Документ и его основные характеристики»; раздел 3 «Классификационные единицы классификации документов»; раздел 4 «Документирование человеческой жизнедеятельности как процесс и результат первого жизненного цикла документа»; раздел 5 «Архив как форма организации документа в его втором жизненном цикле»; раздел 6 «Поиск архивного документа в его втором жизненном цикле»; раз-

дел 7 «Документ как носитель документальной памяти»; раздел 8 «Востребованность документальной исторической памяти во втором жизненном цикле документа»; раздел 9 «Установление познавательных возможностей документа как документального исторического источника».

Словарь включает более 620 терминов и их дефиниций. Он состоит из двух частей.

Первая часть содержит систематизированный перечень терминов и определений с индексацией их связей. Глубина индексов некоторых терминов достигает девяти единиц. Термины и индексы даны жирным шрифтом, определения — обычным шрифтом. Курсивом в дефинициях выделены термины, упоминаемые в их текстах. Такие выделения являются отсылочными и дают возможность, используя метод субституции, расширить понимание исходного определения за счет привлечения определений терминов, на которые даются отсылки.

Вторая часть словаря содержит алфавитный перечень терминов, включенных в его первую часть, с отсылкой на номера их индексов в этой части.

Литература и источники

1. Козлов, В. П. Историческая документология: словарь терминов и определений / В. П. Козлов. — М., 2024.
2. Ларин, М. В. Документоведение нуждается в новой научной парадигме / М. В. Ларин // Отечественные архивы. — 2024. — № 4. — С. 40—47.
3. Рыбаков, А. Е. О новой научной парадигме в документоведении / А. Е. Рыбаков // Отечественные архивы. — 2024. — № 5. — С. 48—55.
4. Кюнг, П. А. Нужна ли документоведению новая научная парадигма? (Продолжение дискуссии) / П. А. Кюнг // Отечественные архивы — 2024. — № 6.
5. Козлов, В. П. Археографическое обозрение России: 1991—2012 годы / В. П. Козлов. — М.: Древлехранилище, 2013.
6. Козлов, В. П. Тайны документальных фальсификаций, или Обманутая, но торжествующая Клио. Анализ подделок документальных исторических источников по истории России в XVIII — начале XXI века / В. П. Козлов. — М.: Новый Хронограф, 2015.
7. Козлов, В. П. Второе археографическое обозрение истории России XX века / В. П. Козлов. — М.: Древлехранилище, 2016.
8. Козлов, В. П. Документальная память в архивоведческом знании / В. П. Козлов. — М.: Древлехранилище, 2017.
9. Козлов, В. П. Архивоведение: учебник и практикум для вузов / В. П. Козлов. — М.: Издательство Юрайт, 2021.
10. Козлов, В. П. Источниковедение советской истории: учебник для вузов / В. П. Козлов. — М.: Издательство Юрайт, 2022.
11. Козлов, В. П. Историческая документология: учебник для вузов / В. П. Козлов. — М.: Издательство Юрайт, 2024.
12. Козлов, В. П. О некоторых неопределенностях в терминологических системах документоведения, архивоведения, археографии и источниковедения / В. П. Козлов // Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР: материалы Всероссийской научной конференции. Архив РАН — РГГУ. 25 июня 2019 г. — М., 2019. — С. 74—91.

13. Козлов, В. П. Архивоведение, археография, источниковедение как научные дисциплины: размышления о прошлом, настоящем, будущем / В. П. Козлов // Отечественные архивы. — 2022. — № 1. — С. 24—38.
14. Козлов, В. П. О некоторых аспектах науковедческого анализа трех дисциплин, связанных с изучением документа / В. П. Козлов // Документация в информационном обществе: цифровая трансформация в интересах человека, общества, государства: доклады и сообщения XXVIII Международной научно-практической конференции. Москва, 28—29 октября 2021 г. / Федеральное архивное агентство, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), Евразийское региональное отделение Международного Совета Архивов (ЕВРАЗКА). — М., 2022. — С. 49—66 (Электрон. текст. дан.).
15. Козлов, В. П. Трансформация понятий при интеграции знаний дисциплин, занимающихся изучением документа / В. П. Козлов // Документ упорядочивает жизнь: сборник статей по материалам круглого стола. Москва, РГГУ, 26 октября 2022 г. — М., 2023. — С. 25—40.
16. Пчелов, Е. В. Царевичество 1918 года: источники, вопросы, версии / Е. В. Пчелов. — М.: РГГУ, 2020.
17. Лейчик, В. М. Терминоведение. Предмет. Методы. Структура / В. М. Лейчик. — М., 2009.
18. Афиани, В. Ю. Археография. Теория, история и методика: учебник / В. Ю. Афиани, Н. А. Комочев. — М., 2023.
19. Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. — Вып. 1. — М., 1982.
20. Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. — Вып. 2. — М., 1988.
21. Хан-Пира, Э. И. Архивоведческое терминоведение: учебное пособие по спецкурсу / Э. И. Хан-Пира. — М., 1990.

Статья принята в редакцию 28.11.2024

*Т. И. Хархордина,**заведующий кафедрой истории и организации архивного дела**Историко-архивного института**Российского государственного гуманитарного университета,**доктор исторических наук, профессор;**e-mail: ioad@yandex.ru*

ДОКУМЕНТЫ И АРХИВЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИКИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В АРХИВОВЕДЕНИИ

Архивы личного происхождения вполне закономерно выходят на первый план, поскольку в хранящихся в них источниках запечатлена многомерная картина конкретной действительности, преломленная через призму индивидуального сознания. Происходит расширение понимания их сущности до истолкования как открытой, динамичной, информационной системы многоуровневого характера, представляющей собой совокупность следов естественного процесса творческой жизни и деятельности человека. При этом живая память, основанная на индивидуальном восприятии фактов, событий, явлений, мгновений действительности, и отличает источники духовной энергетики человека.

Поворот от абстрактно-рационалистической картины бытия, палитру которой Гегель охарактеризовал в свое время как «серое на сером», к многокрасочному, ценностно-мировоззренческому освоению самоорганизующегося, живого, органически целостного мира определил поворот и в понимании гуманитарной сущности личных архивов.

Архивы личного происхождения за время формирования, существования и их собирания прошли непростой путь. Судьба документов частных/личных архивных собраний порой была печальна: они «распылились», гибли в результате различных катаклизмов, военных действий, дробились между наследниками, продавались, вывозились за границу, а порой и бросались на произвол судьбы.

При этом исторически сложилось, что на протяжении длительного времени (с XVIII в.) личные собрания находились как бы вне поля зрения госархивов, которые были в основном местом хранения документов официальных — государственного делопроизводства и госучреждений. Собирали же документы личного происхождения, прежде всего деятели общественных и государственных, культуры и науки, занимались рукописные отделы библиотек и музеев, взявшие на себя задачу их сбережения. Большая часть документов поступала в музеи и библиотеки в качестве дара или приобреталась за счет пожертвований.

Но с началом проведения архивной реформы в 1918 г. и созданием централизованной системы управления архивным делом наметилось противостояние между госархивами — с одной стороны, и музеями и библиотеками, с другой, продолжавшееся вплоть до 1980 г., когда наконец Положением о ГАФ СССР было официально зафиксировано право постоянного хранения докумен-

тов музеями и библиотеками наряду с архивами. Эту длительную борьбу за право собирания личных архивов архивовед А. В. Елпатьевский назвал «ненужной архивной фрондой», поскольку архивы были заняты комплектованием документами госучреждений и потому не было смысла бороться с рукописными отделами, традиционно собиравшими документы личного происхождения.

Архивы на каждом новом витке общественного и государственного развития формировались людьми в соответствии с их собственными представлениями об архивно-духовных функциях: от создающихся стихийно личных архивов, включая собрания и коллекции документов отдельных «невьдающихся» граждан, до централизованно формируемых архивов многофункциональных ведомств, которым при прежней системе экспертизы ценности документов автоматически присваивалась первая или высшая категория и, соответственно, преимущественное право на вечное хранение. Если использовать метафору В. П. Козлова, это определялось «трагизмом бытования» документа личного происхождения, поскольку его судьба решалась подчас практически волей одного человека (или существовавшего Перечня), хотя любой документ «представляет собой субъективно отраженное, но все же мгновение действительности...» [1, с. 26].

Тема экспертизы ценности документов, оставившей за пределами своего внимания «человеческий фактор», была и остается одним из самых острых, болевых участков в отношениях между историками, — с одной стороны, и архивистами — с другой... Именно здесь, буквально по-живому, приходится проводить демаркационную линию между утилитаристским (праксиологическим) пониманием полезности документа (или, что в принципе, одно и то же — его актуальности, важности, значения с точки зрения госаппарата или его собственника), и морально-ориентированным (аксиологическим) пониманием ценности документа...

Эволюция представлений о потенциальной ценности тех или иных документов, к сожалению, приводила к их безвозвратному уничтожению, что случалось, например, в 1930-е гг., и связанной с этим утрате информации. Так, подмена понятия исторической ценности архивных документов их полезностью привела к тому, что по идеологическим причинам некоторые собрания промышленных и банковских документальных фондов были уничтожены как «макулатура». Соответственно, вне архивов оставались «живые» документы, отражающие конкретные проявления частной жизни разных социальных групп.

В этой связи приходится констатировать качественные потери источниковой базы, сформированной в советский период, когда приоритетными были права и интересы государства, а не человека. Учрежденческий подход, войдя составной частью в теорию экспертизы ценности, где одним из критериев отбора документов являлась их принадлежность к официальному учреждению, стоящему на возможно более высокой ступени иерархической лестницы, был определяющим.

Осознание необходимости собирания документов личного происхождения, оставшихся вне сферы комплектования архивов, ярко проявилось в период Великой Отечественной войны на Всесоюзной конференции историков-архивистов 1943 года, где была поставлена проблема сбора писем, воспоминаний, дневников и других свидетельств участников войны, а также создания ЦГА Великой Отечественной войны — по существу, Архива повседневности войны. Решение о его создании осталось нереализованным [2, с. 88].

Только с началом «оттепели» в архивном деле и приходом на пост начальника Главархива СССР Г. А. Белова в 1956 г. активизировалась работа по комплектованию фондов личного происхождения, доля которых в госархивах была чрезвычайно мала. В этой связи по инициативе архивоведов и деятелей литературы и искусства в 1963 г. создается Межведомственный научно-методический совет по приобретению документальных материалов в собственности государства, в том числе личного происхождения. Однако приоритет отдавался личным архивам выдающихся деятелей литературы и искусства, народного хозяйства, промышленности и техники.

Целенаправленное комплектование документами личного происхождения деятелей, новаторов производства и т. п. и формирование их личных фондов, помимо ЦГАЛИ (ныне — РГАЛИ), началось в 1962 г. в ЦГАНХ (ныне — РГАЭ) по инициативе его руководителей А. Г. Федорова и В. В. Цаплина, обосновавших необходимость более широкого отбора на хранение документов личного происхождения [3, с. 28].

Обсуждение многочисленных предложений на архивных форумах 1960—1980-х гг., посвященных деятельности архивистов и музейных работников в этой области, дали положительные результаты в виде разработанных методических рекомендаций по комплектованию, хранению и использованию документов личного происхождения.

Теоретическое же осмысление проблемы приема на хранение личных фондов «рядовых» людей нашло отражение в трудах С. О. Шмидта, а также в дискуссии на страницах «Литературной газеты» в середине 1970-х гг., начатой многолетним заведующим Отделом рукописей ГБЛ им. Ленина С. В. Житомирской, которые справедливо призывали считать главным и определяющим критерием в отборе содержание документа, а не общественную значимость личности.

В продолжение состоявшейся дискуссии о комплектовании госархивов документами личного происхождения архивоведы З. П. Иноземцева и В. А. Еремченко, говоря о необходимости собирания документов «рядовых» людей, ввели понятие «документотворческой активности личности» [4, с. 47]. Так, письмо какого-либо лица о произошедшем событии свидетельствует не только о его участии в нем, но и об образе мышления автора. И в то же время оно — свидетельство степени овладения им эпистолярной культурой, которая часто зависит от уровня образованности, рода занятий, обучения и т. д.

Таким образом, с 1980-х гг. начинается постепенный отход от представлений об обществе только как о результате деятельности государства, и внимание, хотя еще и медленно, переносится на процессы повседневной жизни общества, на «рядового» участника социальных процессов. В фокусе исследований оказываются внутренняя память человека, не результат, а процесс его эмоционально-духовного развития в контексте повседневности.

С началом перестройки, когда произошел всплеск интереса к источникам личного происхождения, определивший антропологический поворот и в архивоведении, архивы приступили к собиранию документов личного происхождения представителей разных социальных групп и профессий с использованием методов инициативного выявления владельцев личных архивов.

Труды Б. С. Илизарова, особенно связанные с созданием им в 1988 г. «Народного архива», позволяют отнести их к «альтернативному архивоведению», а созданный им «Народный архив» — к альтернативной системе архивов. Народный архив был ориентирован, прежде всего, на собирание документов личного происхождения «рядовых» личностей, отражающих исторические события XX в. Сотрудники Архива одними из первых поставили в практическую плоскость вопрос о тотальном сборе источников и информации, отражающих индивидуальную жизнь каждого человека. В «историко-архивном завещании», как назвал сам Б. С. Илизаров одну из статей, он углубляет свою концепцию, указав на необычайно возросший уровень науки и информационных технологий, что позволяет ставить вопрос об изучении всей совокупности личностных историй, т. е. Вселенской Истории: «Вселенская История — это история всех живущих людей, история, в которой ни одна человеческая жизнь не забыта» [5, с. 37].

В конце 1980-х гг. В. В. Цаплин выдвигает концепцию «очеловечивания» комплектования, получившую воплощение как раз в деятельности «Народного архива». В. В. Цаплин призывал госархивы «повернуться лицом к человеку. Только на этой основе в архивах можно сосредоточить документы о роли (вклад) конкретных людей в общенациональный процесс» [6, с. 18]. В русле этой концепции им ставился вопрос о более глубоком подходе к приему личных архивов, в том числе так называемых рядовых, малоизвестных людей: коллекций их писем, семейных биографий. Для усиления антропологического компонента комплектования ученый предлагал осуществить целенаправленный прием в госархивы документов общественного мнения, писем-откликов граждан и др.

Чуть раньше у исследователей возник извечный вопрос: как установить грань, делящую материал на ценный и неценный? В. Н. Автократов и А. В. Елпатьевский отмечали, что в свое время архивисты лучше представляли себе, что не относится к ценному, нежели то, что является ценным, и почему оно таковым являлось [7, с. 180]. Действительно, как определить, например, ценность письма с фронта — пожелтевшего треугольника погибшего деда/отца/сына, которое он отправил перед боем? Конечно, для семьи оно бес-

ценно. ... Заветные «треугольники» как самые дорогие реликвии, хранящиеся во многих российских семьях, передаются из поколения в поколение.

Полезьа и Ценность — вот два крайних полюса на шкале виртуального компаса, по которому люди приходят в архивы. Парадокс состоит в том, что при всей близости этих понятий по своему содержанию они противоположны по своим результатам. Неслучайно слова «польза» и «пользователь» имеют общий корень.

Аксиологический же подход положен в основу исторического (гуманитарного) архивоведения. Персонифицированная история позволяет через биографию того или иного человека и его документальное наследие понять время, народ, страну, эпоху. А дело исследователя — прочитать документ адекватно первоначально заложенному содержанию, не только понять смысл, но и прочитать между строк, что зависит от его профессионализма и научной добросовестности.

Накопленный опыт воплотился в теории и практической деятельности, когда Архивная служба разработала научные основы управления комплектованием ГАФ: сложилась система, позволившая включить весь спектр информации по истории страны и ее регионов.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. архивоведы все активнее обращают внимание на то, что в госархивах накопился огромный объем документов, отражающих историю учреждений и предприятий, однако за стенами архивохранилищ оставалась живая общественная и частная жизнь граждан: система комплектования была идеологизирована, типовые и ведомственные перечни «слишком жестко регламентировали состав передаваемых на госхранение документов, сроки хранения не всегда соответствовали действительной их ценности, список источников комплектования был... однообразен» [8, с. 82].

Основы новой концепции разрабатывал А. В. Елпатьевский, суть которой заключалась в том, что применять выборку при отборе по отношению к тем документам, объектом которых является человек, это «некоторым образом даже кощунство». Это замечание А. В. Елпатьевского носит не частный, а методологический характер. В историко-архивоведческой литературе человек (архивист) также выступал в большинстве случаев как безликий «винтик», покоящийся на дне океана постановлений, инструкций, правил и всяких разных нормативных и подзаконных документов. Перед архивоведами встала задача покончить с этим «кощунством» и вернуть науке об архивах человеческое лицо, воскресить имена предшественников.

В изменившихся условиях 1990-х гг., когда историческая наука перестала быть только историей «движения масс» и все более становится историей конкретных действий конкретных (в том числе «маленьких», рядовых персонажей исторического процесса) людей, архивы которых являются полноценным историческим источником, перед архивной системой встали новые вызовы, касающиеся документов личного происхождения: проблемы комплектова-

ния, интеллектуальной собственности, собственности на архивные документы и оформление их приема и передачи в госархивы, процессы расекречивания и защиты государственной тайны и конфиденциальной информации; тайна личной жизни и др.

Ныне гуманитарная наука все больше стремится исследовать событийность, единичность, уникальность в культуре, тем более, что для отечественного сообщества ученых гуманитарное направление развития системы знаний облегчается наличием давних исторических традиций уважения к духовной составляющей.

Очень точно в свое время сказал историк и археолог Э. Де Вог, имея в виду личные архивы, что величественное здание национальной истории строится не только из монументальных глыб: «тщательно подобранные маленькие камешки могут также составлять часть ее кладки» [9, с. 317]. В этом смысле микроистория — сестра истории быта, которая, следуя своим методическим посылам, реконструирует социальную историю, ратует за полифоническое многообразие масштабов и способов изложения эмпирического материала, будь то на уровне макроистории или «глобальной истории» [10, с. 193].

Вместе с тем внимание к особенностям жизненных и бытовых деталей, к истории «маленького» человека и локального общества никоим образом не исключает выхода как на масштабные исторические взаимосвязи, так и на обсуждение общих исторических проблем. Напротив, оно сообщает им новое качество, тем более значение и смысл понятия «микроистория» совершенно освободились от образа мелкого, как бы частного остатка «большой истории», поэтому открываются новые сюжеты, возникает интерес к преимущественно частным историческим «микромирам», или «малым жизненным мирам», в центре которых стоит отдельный человек.

Сегодня, по сравнению с прежними временами, когда архивное дело развивалось порой в рамках идеологического прагматизма и ведомственного произвола, ситуация выглядит принципиально иной: судьба Архивного фонда РФ регулируется законами, которые учитывают и полезность архивов, и их ценность, где есть место личным архивам не только «выдающихся» людей, но и архивам «рядовых» людей. Путь к такому пониманию существа двойственной природы был непрост, и многие фундаментальные понятия переосмысливаются, реанимируются, и им возвращается первоначальный, глубинный смысл. В условиях существования разных форм собственности вопросы комплектования внутренне целостного архивного фонда в национальном масштабе как единого целого выходят на первый план.

Научное сообщество включается в обсуждение проблем выявления, бытования, сохранения документов личного происхождения, связанных с развитием новых технологий. Так, поскольку документ представляет собой «запечатленное время» и открывает нам не только самый текст, но и процесс его создания, он не может рассматриваться сам по себе: документ связан со своей

эпохой, представляет собой продукт времени. Не случайно О. Э. Мандельштам писал о невозможности допустить потерю «перемаранных рукописей», поскольку «сохранность черновика — закон сохранения энергетики произведения» [11, с. 28]. Поэтому не менее ценны и различные варианты произведения, свидетельствующие о первоначальном замысле автора, его отношении к той или иной стороне своего произведения.

Однако ныне, в эпоху цифровой трансформации, стремительно меняющейся ситуации в деле собирания и сохранения, например, рукописей — автографов писателя — особая «социопсихологическая тема», как точно охарактеризовала ее историк литературы М. О. Чудакова, заключается в «выхватывании» из ноутбука файлов, возникших на ранних этапах подготовки текста его работы [12, с. 33]. Подчеркивая необходимость сохранения всех вариантов произведения, она отмечала, что вопрос — как сегодня собирать «отпечатки разных этапов работы автора над тем или иным сочинением», — остается открытым, а ведь «мы, архивисты, привыкли сохранять ранние редакции произведения, а также любые следы работы автора над текстом» [12, с. 32] — от изначального замысла и сбора информации до попыток сдачи в печать.

Сегодня влияние цифровых технологий на жизнь человека настолько велико, что специалисты говорят и о так называемом «цифровом повороте», накладывающем отпечаток на формирование персонального наследия, личной и коллективной исторической памяти. При этом, по-видимому, изменения касаются не только способа документирования, но и природы цифровых материалов и отношения к ним (как со стороны создателей, так и со стороны исследователей). Эти изменения требуют осмысления на теоретическом и прикладном уровнях, чтобы в дальнейшем обеспечить возможность их долговременной сохранности и включения в научный оборот. Ведь в процессе создания текста на бумаге появлялись заметки, черновики, отражавшие различные этапы работы над текстом и движения авторской мысли, и эти материалы представляют даже больший интерес, чем финальные версии текстов. Любой же цифровой документ принципиально, технологически многослоен и воспроизводится заново при каждом к нему обращении.

Между тем интерес исследователей не только к «большим событиям», но и к историям «маленьких людей» обуславливает востребованность персональных цифровых архивов как исторических источников, в которых детально отражена человеческая повседневность во всем ее многообразии [13, с. 4—5].

Погрузимся в глубины, в которые увлекает нас основной элемент в становлении «целого» (композиции, ансамбля) документального комплекса. Мы исходим из того, что заложенная в документе информация начинает жить в непрерывном континууме пространства и времени, независимо от дальнейших перипетий во внешних по отношению к ней структурах. Можно уничтожить документ, но зафиксированная в нем информация, однажды появившись, уже не умирает. Она всегда актуальна по отношению к самой себе как объек-

тивному явлению, и запечатлела ту объективную реальность, которая отразилась в ней. Даже при уничтожении ее остаются «следы фойла», и они тоже «дублируют» материальную или духовную реальность — независимо от воли автора документа или «социально активного архивиста».

Информация продолжает сохраняться в качестве отдельного элемента единой системы, точнее, метасистемы — Общепланетной, Общечеловеческой Информационной системы Человека, складывающейся в процессе его жизнедеятельности. Архивы при таком понимании рассматриваются не только в качестве целенаправленной деятельности человека, но и как объективное проявление духовной истории, духовной культуры человека, его материальное отражение, «след» его сущности на протяжении всего единого, общепланетного пространственно-временного континуума (подробнее см. [14, с. 168—169]).

Эти строки, навеянные статьей К. Б. Гельман-Виноградова [15], были написаны нами в 1996 г., и я помню, что тогда многие не обратили внимания на высказанные идеи о документальной памяти ноосферы.

В этой связи отметим, что и некоторые современные архивоведы также приходят к подобным выводам: «Многие начинания в глобальной системе Интернета движутся в сторону всемирной родословной человечества, — пишет историк и архивовед Б. С. Илизаров, — и сохранения всей информации, циркулирующей на Земле» путем активного накопления и постоянного ее преобразования [16, с. 81].

Таким образом, наука об архивах прошла сложный путь от узко-технологического понимания роли и места архивов в формировании источниковой базы различных наук к осознанию гуманитарной сущности архивов личного происхождения.

Литература и источники

1. Козлов, В. П. Документ в состоянии покоя: архивный, источниковедческий, археографический аспект / В. П. Козлов // Архивоведение и источниковедение на современном этапе: доклады и сообщения на Четвертой Всероссийской конференции, 24—25 апреля 2002 г. — М., 2002. — С. 20—29.
2. Хорхордина, Т. И. Историко-документальное наследие Великой Отечественной войны: к истории собирания / Т. И. Хорхордина // История и архивы. — 2020. — №4. — С. 76—97.
3. Альтман, М. М. Комплектование РГАЭ документами личного происхождения: история и опыт / М. М. Альтман // Отечественные архивы. — 2021. — № 6. — С. 28—38.
4. Инюземцева, З. П. Государственные архивы РСФСР / З. П. Инюземцева, В. А. Еремченко // Советские архивы. — 1979. — № 6. — С. 41—50.
5. Илизаров, Б. С. О необходимости очеловечивания исторической науки, архивоведения и архивного дела / Б. С. Илизаров // «Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе». Доклады и тезисы выступлений на третьей Всероссийской конференции, 25—26 февраля 1999 г. — М., 1999. — С. 30—40.

6. Архивы и перестройка: Крутой стол журнала «Советские архивы» // Советские архивы. — 1990. — № 1. — С. 11—24.
7. Автократов, В. Н. Проблемы комплектования государственных архивов современными документами (источниковедческий аспект) / В. Н. Автократов, А. В. Елпатьевский // Елпатьевский А. В. Избранные труды по архивоведению и архивному делу. — М., 2015. — С. 172—219.
8. Метальникова, Н. Б. Сохраним документы о нашем времени / Н. Б. Метальникова // Советские архивы. — 1991. — № 5. — С. 82—84.
9. Congrès de Bruxelles. 1910 / Actes publiés par J. Cuvelieret L. Stainier. — Bruxelles, 1912. — 780 p.
10. Медик, X. Микроистория / X. Медик // Thesis: Научный метод. — 1994. — Вып. 4. — С. 193—202.
11. Мандельштам, О. Разговор о Данте / О. Мандельштам. — М., 1967. — 90 с.
12. Чудакова, М. О. Об архиве писателя сегодня и завтра / М. О. Чудакова // Отечественные архивы. — 2015. — № 6. — С. 31—33.
13. Рожнева, Ж. А. Персональные цифровые архивы: сохранение в «естественных» и «неестественных» условиях / Ж. А. Рожнева, Е. А. Остапова // Цифровые архивы в Узбекистане: достижения и проблемы. Сб. статей Междунар. научно-практической конференции. — Ташкент, 2023. С. 4—11.
14. Хорхордина, Т. И. От архивоведения к архивософии? К постановке проблемы / Т. И. Хорхордина // Труды Историко-архивного института РГГУ. — Т. 33. — М.: РГГУ, 1996. — С. 168—177.
15. Гельман-Виноградов, К. Б. Документальная память ноосферы как новый объект познания (к постановке проблемы) / К. Б. Гельман-Виноградов // Международный форум по информации и документации. — 1992. — Т. 17. — № 1. — С. 8—16.
16. «...Думали только о нашей любимой историко-архивной науке»: Интервью Б. С. Илизарова // Отечественные архивы. — 2008. — № 1. — С. 77—86.

Артикул пастути у редакцию 28.11.2024

*С. И. Михальченко,
врио заведующего кафедрой философии, истории и политологии
Брянского государственного университета
имени академика И. Г. Петровского,
доктор исторических наук;
e-mail: smikh10@mail.ru*

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА С. К. МАКОВСКОГО Е. А. ЛЯЦКОМУ 1920-х гг.*

Переписка — важнейший исторический источник, вносящий немало нового в характеристику того или иного события, уточняющий воззрения того или иного общественного деятеля или ученого. Особенно большое значение приобретает переписка, когда иных источников мало. Не является исключением и эпистолярное наследие представителей русской эмиграции первой волны 1920—1930-х гг. Среди сохранившихся эпистолярных комплексов одно из важнейших мест занимают письма русских писателей, ученых, общественных деятелей литературоведу, историку и издателю Е. А. Ляцкому, сохранившиеся в его личном фонде в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии в Праге.

Происходивший из Минской губернии Евгений Александрович Ляцкий (1868—1942) получил известность еще в дореволюционные годы как этнограф и филолог [2; 3]. В 1910-е гг. началась и его издательская деятельность. В круг его знакомых постепенно, в связи с этим, вошли все известные писатели России. Рано, уже в декабре 1917 г., оказавшись в эмиграции, Ляцкий продолжил свою издательскую работу, организовав вначале в Стокгольме издательство «Северные огни», а затем, после переезда в Чехословакию, возглавив в середине 1920-х гг. пражское издательство «Пламя». В 1922 г. он стал профессором русской литературы пражского чешского Карлова университета и оставался им до 1939 г. В научной деятельности в эмигрантские годы Ляцкий совмещал историческую и филологическую тематику — он продолжал заниматься исследованием творчества И. А. Гончарова, выпустил в свет учебник и хрестоматию по русской литературе для чешской аудитории [3, с. 7—13]. Среди его адресантов эмигрантских лет — И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, Н. А. Тэффи, И. С. Шмелев и многие другие представители русской культуры. Их письма хранятся в фонде Ляцкого в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (Literární archiv Památníku Národního písemnictví v Praze. Pozůstalost E. A. Ljackij [LA]) (общая характеристика фонда уже давалась в литературе [4]).

Отложились в фонде и 9 писем, и 6 визитных карточек С. К. Маковского. Сергей Константинович Маковский (1877—1962) — известный поэт, искусствовед и издатель — оказался в эмиграции в 1920 г. Письма Маковского относятся к 1927—1938 гг. Можно выделить несколько основных тем, кото-

* Подготовлено при поддержке РФФ в рамках научного проекта № 24-28-00505.

рые в них поднимаются. Во-первых, это создание издательства русской литературы в Праге, где к 1921 г. поселился Маковский и куда собирался переехать из Стокгольма Ляцкий. Письма Маковского уточняют имеющиеся сведения об организации будущего издательства «Пламя» [5]. В письме от 25 июня 1921 г. Маковский представил свое видение издательства: «возможно большое количество дешевых книг в кратчайший срок. Чтобы убить конкуренцию, надо выпускать их сериями, не боясь издавать то, что уже было издано эмиграцией: лишь было бы значительно дешевле. Это сразу создаст и большой рынок». Важнейшим вопросом было наличие собственной типографии с русским шрифтом. Такая возможность открывалась при помощи организованного после возвращения с фронтов Первой мировой войны чешских легионеров Легиобанка. «После покупки Легиобанком типографии и установки в ней американских наборных машин, можно будет ... набирать свободно до 300 листов в месяц в своей типографии и обойдется это не дороже, чем 100 листов ручным способом! Но, — подчеркивал Маковский, — с покупкой типографии надо спешить, т. к. ее перебивают какие-то немцы». Тематически, по мнению Маковского, книги должны были заключать в себе: 1) беллетристику («в общем — вся русская образцовая литература: и проза, и стихи, от Фон-Визена до наших дней»), 2) занимательное чтение, 3) пособия, 4) отечествоведение, 5) русские биографии, 6) переводную беллетристику, 7) смешанный отдел, под заголовком — «Современность». Стоимость книг не должна была быть большой («не выше 2,50 чешских крон, т. е. около 40 сантимов»), чтобы каждый «несчастный русский» мог бы книгу купить» [1, 52/69/1269].

Как отмечала И. А. Шомракова, организация издательства столкнулась с трудностями [5, с. 356—357]. Письма Маковского подтверждают это. 7 июля 1921 г. он писал Ляцкому: «По моему глубокому убеждению, без настойчивого и немедленного нажима с Вашей стороны ничего то в Праге не «обтянется». Вы пишете о 2—3 месяцах для организации своей типографии. Конечно, не меньше (еще наборщиков найти надо для линотипов! Их здесь нет сейчас, наверное), но и это, если инициатива во всех решительно организационных вопросах не будет предоставлена чехам. Пока, в Ваше отсутствие, никто из них пальцем не пошевелил, а только приговаривают: «вот как бы мы не упустили типографию, — немцы тоже торгуются» [1, 52/69/1272]. В итоге окончательно «запустить» работу издательства удалось только к 1923 г. [5, с. 357].

Вторая тема, отразившаяся в письмах Маковского, — организация Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Это объединение создавалось осенью 1922 г. с немалыми трудностями на базе уже существовавшего к тому времени, созданного годом ранее Союза русских журналистов и литераторов, который возглавил Маковский 2 августа 1921 г. [6, с. 461]. Главная проблема была в противоположных общественно-политических позициях разных литераторов, что и отражено в письме Маковского от 15.X.1922. «Боже мой, как трудно заниматься так называемой «русской общественностью, —

сетовал он в письме Ляцкому. — Сначала — все хорошо, все согласны и добродушны. А затем, в решительную минуту — каждый (за очень редким исключением) озабочивается исключительно своим личным маленьким интересом в общем деле». Для того, чтобы уравновесить интересы различных слоев русской литературной эмиграции в Чехословакии, Маковский предлагал ввести в состав формирующегося правления Союза писателя Е. И. Чирикова и экономиста и философа П. Б. Струве. «С их кандидатурой согласны все те учредители, с которыми я говорил, и их надо провести определенным веским большинством. Если же, благодаря оппозиции слева, они будут забаллотированы, — вся постройка рухнет, и наша затея подаст только повод к разговорам, сплетням и новой распре» [1, 52/69/1273]. В итоге при поддержке Ляцкого эту идею удалось реализовать, был сформирован состав правления, куда вошли, в том числе, оба отмеченных кандидата, председателем стал П. Сорокин, его заместителями — Маковский и Ляцкий [6, с. 461].

Наконец, в письмах Маковского поднимаются некоторые частные вопросы, связанные как с его собственными (в итоге нереализованными) планами, так и с творчеством Ляцкого. Например, Маковский вынашивал идею «создать Новый русский театр в Праге (я допускаю, что так он и назовется). Конечно, в репертуар можно вставить несколько классических русских пьес, но в идеале я представляю себе — новые пьесы, новые постановки, новая музыка, в случае надобности, новые формы сценического воплощения, — словом, театральное творчество, а не подражание испытанным образцам и уж конечно — не обывательскую мешанину на вкус среднего чеха» (письмо от 15 апреля 1925 г.) [1, 52/69/1276].

В другом письме он предлагал Ляцкому, известному специалисту по творчеству И. А. Гончарова, ознакомиться с письмами писателя артисту Александринского театра И. И. Монахову, чье исполнение роли Чацкого подтолкнуло Гончарова на создание известной критической статьи «Миллон терзаний». Писем было более тридцати, они хранились у не названного в письме знакомого Маковского. «Я просмотрел некоторые из них, — писал Маковский, — и убедился, что они весьма содержательны: много жизненных подробностей, оценок, упоминания о литературных знакомых и т. д. Приятель мой не предлагает купить эти письма (за которые заплатит довольно дорого), но готов послать их Вам для издания или использования, ежели Вы возместите ему за это право одну тысячу триста франков» [1, 52/69/6641]. К сожалению, откликнулся ли Ляцкий на это предложение, неизвестно.

Итак, письма Маковского Ляцкому — один из многих эпистолярных источников представителей русской эмиграции первой волны, которые, может быть, не открывают новые горизонты в исследовании темы эмиграции, но без которых представление о ее жизни было бы явно неполным. В этом — в уточнении и расширении нашего представления о ней — и заключается ценность такого рода материалов.

Литература и источники

1. Literární archiv Památníku Národního písemnictví v Praze. Pozůstalost E. A. Ljackij [LA].
2. Грачева, А. М. Ляцкий Евгений Александрович / А. М. Грачева, М. М. Матренина // Русские писатели XIX — начала XX в. Энциклопедия. — М.: БРЭ, 1994. — Т. 3. — С. 445—447.
3. Евгений Ляцкий: Материалы к биографии / Публ. С. И. Михальченко. — Брянск: Издательство БГПУ, 2000. — 176 с.
4. Михальченко, С. И. Фонд Е. А. Ляцкого в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии / С. И. Михальченко // Археографический ежегодник за 1999 год. — М.: Наука, 2000. — С. 286—301.
5. Шомракова, И. А. Евгений Александрович Ляцкий — издатель русского зарубежья (по архивным материалам) / И. А. Шомракова // Книга. Исследования и материалы. — М.: Наука, 2002. — Вып. 80. — С. 346—364.
6. Белошешская, Л. Н. Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии / Л. Н. Белошешская // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940. — Т. 2. Периодика и литературные центры. — М.: РОССПЕН, 2000. — С. 461—463.

Статья принята в редакцию 28.11.2024

*В. С. Іванова,**дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
e-mail: ivanova.volga.s@gmail.com*

«БЕЛАРУСКІ АРХІЎ СТАРАЖЫТНЫХ ГРАМАТ» І ГРЫГАРОВІЧА І ДАСЛЕДАВАННЕ БЕЛАРУСКІХ АРХІВАЎ У ПЕРШАЙ ЧВЭРЦІ XIX ст.

І. Грыгаровіч вядомы як першы беларускі археограф, а таксама царкоўны гісторык, лінгвіст і святар. Значна менш згадваецца яго ўнёсак у вывучэнне тагачасных беларускіх архіваў. І. Грыгаровіч і яго калегі па Румянцаўскім гуртку — гэта адны з першых навукоўцаў-гісторыкаў, якія ў сваёй працы звярнуліся да беларускіх архіваў у пачатку XIX ст., калі гаворка не ішла аб іх добраўпарадкаванасці, сістэматызаванасці, цэнтралізаваным захоўванні і зручных умовах працы. Якім чынам выглядалі беларускія архівы праз прызму дзейнасці І. Грыгаровіча ў галіне археографіі? Калі І. Грыгаровіч заняўся вывучэннем архіваў? Якім чынам прыйшоў да гэтай думкі? Калі і ў якіх сховішчах пабываў сам, а з якіх атрымліваў копіі? Якую колькасць сховішчаў даследавалі члены Румянцаўскага гуртка і колькі дакументаў апісалі і скапіравалі? Адказы на гэтыя пытанні паспрабуем знайсці на старонках багатага ліставання членаў гуртка, у археографічных публікацыях «Беларускага архіва старажытных грамац» (далей — БА) і «Актаў Заходняй Расіі» (далей — АЗР), а таксама дакументах фонда І. Грыгаровіча ў Беларускім дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва (далей — БДАМЛМ).

Як вядома, у працу т. зв. Румянцаўскага гуртка — неформальнага аб'яднання гісторыкаў і археографаў пад кіраўніцтвам М. П. Румянцава — І. Грыгаровіч уключаецца падчас навучання ў Пецябургскай духоўнай акадэміі ў 1815—1819 гг. Гурток ставіў сваёй мэтай выяўленне, збор і публікацыю гістарычных крыніц і фарміраванне калекцыі такіх дакументаў. Праца гуртка была пэўным працягам створанай 3 мая 1811 г. Камісіі па друкаванні дзяржаўных грамац і дагавораў [1, с. 17]. Спачатку малады І. Грыгаровіч толькі выконваў даручэнні графа па пошуку і перакладу старадаўніх дакументаў, але пазней пачаў больш актыўную даследчыцкую дзейнасць. Ём было зроблена навуковае апісанне некаторых рукапісных кніг з бібліятэкі Румянцава. Яго дысертцыя пра наўгародскіх пасадыкаў, выдадзеная ў 1821 г. [2], базіравалася пераважна на апублікаваных крыніцах, летапісах, даследаваннях і мела гістарыяграфічны характар. Але ў гэты час пачалося знаёмства І. Грыгаровіча з уласна архіўнымі дакументамі. У лісце да вучонага сакратара графа М. П. Румянцава Р. Д. Багацкага ад 21 мая 1819 г. І. Грыгаровіч, накіроўваючыся ў Гомель да бацькоў пасля заканчэння курса Пецябургскай духоўнай акадэміі, прасіў спецыяльны ліст ад графа на наведванне бібліятэкі Наўгародскага Сафійскага сабора, а таксама бібліятэж Пскова і Полацка [3, с. 316]. У адказе М. П. Румянцаў выказваў шкада-

ванне, што ў Гомелі ў Грыгаровіча не будзе дастаткова крыніц для працягу даследчыскай працы: *«якое ж беднае будзе для вас гэтае жыццё, калі вы адыйдзеце ад бібліятэк, багатых рукапісамі»* [4].

І. Грыгаровіч спадзяваўся і на далейшае карыстанне зборамі Румянцава ў Гомелі, але граф вельмі ашчадна ставіўся да іх і дазваляў працаваць з імі толькі пры пэўных умовах: *«я... з цяжкасцю згаджаюся, каб вы некаторыя і нешматлікія з маіх кніг сюды [у Гомель] прывозілі, і на гэта вырашыліны тады толькі адказ дам, калі атрымаю ад вас ім пералік»* [4]. З іншага боку, ён быў упэўнены ў здольнасцях І. Грыгаровіча: *«пры ваішых ведах, вам лёгка будзе адшукаць якія-небудзь важныя дакументы старажытных часоў нашага Беларускага і Магілёўскага [Мінскага] краю; у старажытным Тураўскім княстве, мабыць, тлеюць забытымі гэтыя паперы»* [5; 6, с. 32].

Менавіта пераезд І. Грыгаровіча ў Гомель і прывёў да пачатку вывучэння тагачасных беларускіх архіваў. І ўжо першая спроба даследаванняў на прыкладзе Магілёва стала ўдалай. У лісце да кіраўніка Маскоўскага архіва Калегіі замежных спраў А. Ф. Маліноўскага ад 10 кастрычніка 1821 г. М. П. Румянцаў пісаў, што нягледзячы на ўпэўненасць у адсутнасці каштоўных старажытных дакументаў у тагачасных беларускіх архівах, ён накіраваў І. Грыгаровіча ў Магілёў *«і надзвычай пераканаўча прасіў, каб яго дапусцілі самога аглядаецца грамадзянскі і духоўны архівы, і колькі ж я быў узрадаваны, калі ён мне прывёз спіскі з 60 грамад, тых, што пераважна тычацца майго Гомеля»* [7, с. 238].

З гэтага ліста вынікаюць асноўныя характарыстыкі тагачасных архіваў. Гэта найперш поўная адсутнасць разумення складу дакументаў, а таксама іх значнасці і каштоўнасці. Які змест укладаўся тагачаснымі навукоўцамі ў паняцце «каштоўны дакумент»? У прыведзеным прыкладзе каштоўнай для графа стала гісторыя яго маёнтка, а таксама руская гісторыя і мова. Асноўным крытэрыем выступала, як правіла, т. зв. «дыпламатычная» значнасць, г. зн. адлюстраванне ў дакументах знешніх сувязяў паміж дзяржавамі, паколькі сама ідэя даследаванняў беларускіх архіваў была працягам дзейнасці Камісіі па друкаванні дзяржаўных грамад і дагавораў. І. Лабойка, напрыклад, пісаў, што такіх грамад, *«якія б мелі дыпламатычнае значэнне, ... нідзе бачыць не даводзілася»* [8]. Ён жа звяртаў увагу на «гістарычную нязначнасць» грамад, але значнасць для мовазнаўства як помнікаў *«судовай рускай мовы, што выкарыстоўвалася ў Літве»* [9, с. 87]. 60 грамад, скапіраваных Грыгаровічам у магілёўскіх архівах, мала адпавядалі пазначаным крытэрыям, і адлюстроўвалі найбольш шматграннасць гісторыі беларускага краю на прыкладзе Магілёва, але і гэта падалося М. П. Румянцаву вартым увагі.

Па-другое, як бачым, графу спатрэбілася выкарыстаць усе свае магчымасці для атрымання дазволу на даследаванне ў магілёўскіх архівах. Вырашэнне гэтага пытання было нялёгкай справай нават для дзяржаўнага канцлера, а доступ у архівы асоб ніжэйшых рангаў быў яшчэ больш складаным. Тагачасныя архівісты спасылаліся на тое, што ў архівах не маецца нічога каштоўнага. Гэта магло

тлумачыцца кепскім станам захоўвання, адсутнасцю даведачнага апарату, умоў для выкарыстання і нежаданнем архівістаў браць на сябе далатковыя абавязкі, якія да таго ж былі абсалютна нетыповымі і незразумелымі на той момант.

Такім чынам, прыкладна ў канцы 1820 — першай палове 1821 г. І. Грыгаровіч упершыню пачаў грунтоўна знаёміцца з беларускімі архівамі і зрабіў для графа копіі з 60 магілёўскіх грамад, якія разам з вопісам 59 грамад пазней трапілі ў румынцэўскія зборы [10, 104—121; 11]. Граф выразна выказаў намер аб публікацыі гэтых грамад, што стала важным штуршком для далейшага вывучэння беларускіх архіваў і фарміравання асноўных напрамкаў пошукаў. Мітрапаліт Яўген (Балхавіцінаў) у лісце ад 10 верасня 1822 г. выказаў меркаванне, што *«патрэбна пашукаць такія самыя рэдкасці ў Віцебску, Мсціславе і Оршы і па ўсёй Беларусі. Архівы тамтэйшыя нікім яшчэ з нашых не абшуканы, акрамя хіба што незаб'юнага Георгія Каніскага»* [12, с. 59—60]. Мітрапаліт такім чынам называе адным з першаадкрывальнікаў беларускіх архіваў Георгія Каніскага, а таксама прапануе далейшую праграму даследавання, згадваючы ў тым ліку і той факт, што копіі дакументаў для М. П. Румынцава рабіліся ў Радзівілаўскіх архівах.

Падрыхтоўка да друку БА I пачалася ў канцы 1822 г. Макет загаловачнага ліста новага выдання быў падрыхтаваны ўжо ў снежні 1822 г. [13]. Перакладам грамад з польскай мовы павінен быў заняцца Цітовіч, які працаваў над выданнем дзяржаўных грамад і дагавораў, а з лацінскай — уласна І. Грыгаровіч [14; 15]. Пераклад грамад доўжыўся некалькі месяцаў і быў скончаны ў пачатку красавіка 1823 г. [16]. Гэты праект быў гоўным працягам, у тым ліку з пункту гледжання лагістыкі, выдання дзяржаўных грамад і дагавораў, якое пачалося з 1811 г. Выданне цалкам было падрыхтавана да верасня 1823 г. (прадмова да зборніка датуецца 15 жніўня 1823 г.), планавалася надрукаваць 600 экзэмпляраў, 30 з якіх вызначаліся як заробак складальніка [17]. У кастрычніку 1823 г. выданне прыходзіла цензуру, якую ажыццявіў прафесар М. Качаноўскі, у выніку чаго 3 грамады (2 папскія булы і дзеі сабора 1596 г.) былі выключаны са зборніка і актаў засталася не 60, а 57. Хаця І. Грыгаровіч *«быў гатовы напісаць абвяржэнне на зласлоўі каталічэя, пазначаныя з-нам цензарам, але Дзяржаўнаму Канцлеру патрэбна было паспяшэнца з друкаваннем Архіва і для гэтага тры ерэтычныя граматы выстопчыць з майго рукапісу»* [18]. Першыя лісты БА I былі надрукаваны ўжо да пачатку красавіка 1824 г., пасля яны звараліся і выпраўляліся [19]. Сам зборнік выданы ў пачатку верасня 1824 г. [20], праз год пасля напісання прадмовы. Пра гэта І. Грыгаровіч паведамляў у лісце да свайго брата Мікалая: *«З адной часткай Беларускіх грамад я паспеў цалкам разабрацца, нават па друкарскіх памылках... Няхай жа і наша святая Беларуская зямля не зусім знігне з твару зямлі, але хай ведае свет, што былі часы, калі яна была больш слаўная і дабрадзейная чым цяпер»* [21].

Комплекс БА I склаўся ў выніку з 57 дакументаў за 1463—1768 гг. Ён амаль цалкам адпавядае вопісу грамад, зробленаму падчас наведвання І. Гры-

гаровічам Магілёва. Адрозніваюцца толькі 7 грамаў, астатнія 50 — адпавядаюць вопісу [10; П]. БА I быў падрыхтаваны на аснове матэрыялаў з магілёўскіх сховішчаў: архіерэйскага архіва (18 грамаў), архіва Магілёўскай духоўнай кансісторыі (14 грамаў), магістрацкага архіва (6 грамаў), бібліятэкі Магілёўскай семінарыі (17 грамаў). Апублікаваныя граматы з Мсціслаўскага (1) і Аршанскага (1) пустынскіх манастыроў таксама зафіксаваны ў вопісе. Тое, што І. Грыгаровіч падчас гэтай паездкі наведаў не толькі магілёўскія сховішчы, пашырджэе і захаваны ў румынцэўскіх зборах «Спіс рукапісных і старадрукаваных кніг з манастырскіх бібліятэку», у якіх уласна Грыгаровіч апісваў кнігі з Аршанскага Куцеінскага манастыра [10; 22]. Таксама ёсць падставы меркаваць, што ў гэты час ён пабываў у Мсціслаўлі. Архіерэйскі, магістрацкі і кансісторскі архівы ў Магілёве мелі пэўную сістэматызацыю, і ў спасылках на граматы І. Грыгаровіч падае іх шэфры паводле нумароў захоўвання. У бібліятэцы семінарыі захоўваліся ў асноўным копіі дакументаў.

1823 г. прайшоў за падрыхтоўкай БА I, і наведань архівы І. Грыгаровічу ў гэты час не давалася. У красавіку 1823 г. ён атрымаў яшчэ адно заданне на гэты раз ад епархіяльнага кіраўніцтва на стварэнне «Беларускай іерархіі» [23], чым займаўся каля паўтара года. У лісце да Грыгаровіча 2 красавіка 1824 г. граф распавёў аб сваіх планах па далейшай працы над БА, гаворка ішла пра дакументы полацкіх, віленскіх і мсціслаўскіх архіваў [24].

У Полацку пачаў працу наглядчык полацкіх павятовых вучылішчаў, губернска сакратар Антоній Дарашкевіч, які ў 1820—1822 гг. з'яўляўся членам камісіі па разборы мясцовых езуіцкіх архіваў і бібліятэк [25]. У пачатку сакавіка 1824 г. ён паведамляў графу аб пэўных выніках даследаванняў Полацкага магістрацкага архіва, Полацкага павятовага архіва і Архіва Полацкай грэка-ўніяцкай духоўнай кансісторыі. У магістрацкім архіве была знойдзена актавая кніга, якая адносілася да першай паловы XVII ст., утрымлівала граматы аб бунтах гараджан, пастановы караля Уладзіслава, некалькі пергамінных грамаў канца XVII ст. і інш. Найбольш цікавым стаў архіў Полацкай грэка-ўніяцкай кансісторыі, дзе былі знойдзены граматы полацкага князя Яраслава Ізяславіча 1396 г., копія дэкрэта 1623 г. аб забойстве Я. Кунцэвіча, дакументы аб дзелінях Феафана Грэка і Мялеція Смагрышкага, грамата на грэчаскай мове Канстанцінопальскага патрыярха з перакладам на польскую мову. Дазвол на капіраванне граф М. П. Румынцэў атрымаў асабіста ад кіраўніка Полацкай епархіі Луцкага епіскапа Іаана Мартусевіча [26]. З сакавіка 1824 г. па верасень 1825 г. рабілі вопісы і капіравалі матэрыялы Полацкай грэка-ўніяцкай кансісторыі [27; 28] таксама законавучыцель Полацкага вучылішча іерэй Фёдар Галадкоўскі [29], рэгент падкаморскіх судоў Іван Сыценка [30]. А. Дарашкевіч, як правіла, звяраў зробленыя копіі. У ліставанні выказвалася некаторая незадаволенасць графа працай І. Сыценкі і якасцю некаторых копіі, якія падлягалі праверцы [31].

У сакавіку 1824 г. І. Лабойка даставіў *«Івану Грыгаровічу спісы беларускіх пергамінных грамаў, якія захоўваліся ў архіве Віленскага рымска-каталіцкага*

кафедральнага сабора» [32]. Яшчэ ў 1822 г. ён склаў для графа запіску аб Радзівілаўскім архіве з апісаннем некаторых спраў і лістоў [33]. Усяго І. Лабойка пераслаў графу «каля пяцідзясяті копіі грамад з вышэйазначанага сабора. Гэтыя спіскі ўважліва правераны і падпісаны мной і настаўнікам рускай мовы Пятром Астроўскім» [9, с. 87]. Гаворка ішла і пра вялікую колькасць дакументаў грэка-каталіцкай царквы, копіі з якіх рабіў для графа выкладчык віленскага ўніверсітэта Антон Сасноўскі [34]. Ён павінен быў даслаць І. Грыгаровічу каля 25 грамад [35]. Як мінімум, тры граматы, дасланыя І. Лабойкам (№ 6, 11, 39) і адна А. Сасноўскім (№ 52), былі ўключаны ў БА II, што было пазначана ў каментарыях.

Больш за ўсё здзівіла І. Лабойку пры даследаванні беларускіх архіваў — гэта адрозненне мовы, якое ў яго, як у мовазнаўцы, выклікала шчырую цікавасць: «Калі я ў 1822 г. прыехаў у Вільню, я вельмі быў здзіўлены тымовымі помнікамі беларускай мовы. Але маё здзіўленне яшчэ больш узрасло, калі я убачыў, што тутэйшыя архівы на большай частцы ім намоўнены» [35]. Ён прапанаваў выдаць слоўнік актавай беларускай мовы. Граф падтрымаў гэтую ідэю і прапанаваў уключыць яго як дадатак да БА II: «Я жадаю разам з ім, каб вы да беларускіх грамад далучылі Слоўнік беларускіх слоў, незразумелых для нас, і стараліся б іх растлумачыць» [36]. «Вядома, гэтаму слоўніку не іншае месца можна вызначыць як іndex» [37].

Пра недаследаванасць мсціслаўскіх архіваў І. Грыгаровіч паведамляў графу неаднойчы. «Дзякую вам... , што далі мне ведаць, што ў Мсціславе старыя тамтэйшыя архівы ляжаць дагэтуль нераспрацаванымі, у кулях. Калі вы маглі б з'ездзіць туды і зірнуць на гэтыя паперы, я б шмат таму нарадаваўся» [36]. У красавіку 1824 г. граф накіраваў адпаведныя лісты да Магілёўскага арцыбіскупа і губернатара з просьбай дапусціць І. Грыгаровіча да працы ў гэтых архівах [38]. Таксама граф перадаў спецыяльны падарунак для архіепіскапа. І. Грыгаровіч мусяў наведваць Магілёў у маі 1824 г., каб атрымаць дазвол на наведванне гэтых сховішчаў у духоўных і грамадзянскіх улад, але захварэў і паездку быў вымушаны адкласці [37]. І толькі 7 жніўня ён атрымаў дазвол ад мсціслаўскіх улад на наведванне архіваў: «Дзеля выканання дастаўленага праз вас да мяне загаду яго светласці графа Мікалая Пятровіча, аб допуску вас да разгляду старажытнага Мсціслаўскага градскага і павятовага архіваў і вырабу спіскаў з тых папер, якія вы знойдзеце цікавымі, разам з тым загадамі губернскага праўлення наказана тамтэйшым павятовому суду і гарадovому магістрату» [39]. І. Грыгаровіч урэшце наведаў магілёўскія і мсціслаўскія архівы ў жніўні 1824 г. Па вяртанні падзяліўся ўражаннямі са сваім братам Мікалаем: «І я надаўна вярнуўся з падарожжа, мэтай якога было даследаванне старажытных беларускіх грамад. На гэты раз абшар мой абмяжоўваўся Магілёвам і Мсціславам. Хоць жніўно было небагатым, але я прыехаў назад, па меншай меры, не з пустымі рукамі. Вы, канешне, здзівіцеся, калі я растлумачу вам, да якой ступені дайшла ў нашым краі асета, і любоў да айчынных старажытнасцей. Докажам чаму служыць тое, што мсціслаўскія недасекі палі-

чылі мяне амаль шпіёнам, і пахавалі свае скарбы і тое, што ў іх і старажытны, і новы архіў захоўваюцца ў мучных кулях» [21]. У гэтым урыўку дасяца найбольш поўнае і яскравае апісанне тагачасных беларускіх архіваў на прыкладзе Мсціслава. Прагэцкія графа і нават дазвол вышэйшага кіраўніцтва, як бачым, не гарантавалі свабоднага доступу да іх. Справа ўскладнялася неўпарадкаванасцю саміх дакументаў, некампетэнтнасцю і светапоглядам мясцовых архівістаў, якія не сутыкаліся раней з вывучэннем архіваў, якія захоўвалі. Вынікі праездкі былі значна больш сціпымі, чым у 1821 г. Магчыма, яны ілюструюцца ў адным з вопісаў Магілёўскіх грамад, што захоўваюцца ў БДАМЛМ* [41].

Далейшая гісторыя даследаванняў беларускіх архіваў у апублікаваным ліставанні пазначана слаба. Асноўная крыніца звестак — праца У. Казлова «Калумбы расійскіх старажытнасцей», якая грунтуецца на дакументах маскоўскіх словішчаў. Гэта інфармацыя можа быць карэлявана з дакументамі фонда Грыгаровіча ў БДАМЛМ.

Выясненні аб мсціслаўскіх архівах І. Грыгаровіч падзяліўся таксама з графам, які, у сваю чаргу, прапанаваў генерал-губернатару князю Хаванскаму на свае сродкі правесці працу па апісанні мсціслаўскіх архіваў, папярэдне перавёўшы іх у Магілёў. У лютым 1825 г. у Мсціслаў ад графа былі накіраваны перакладчык Магілёўскага галоўнага суда М. Гартынскі [42] з двума пісарамі, забяспечанымі ўсім неабходным для працы. У інструкцыі, складзенай для іх графам, прапаноўвалася каротка, але грунтоўна апісаць дакументы, паказаць у рэестры іх змест, час, месца, мову, матэрыял, почырк. М. Гартынскі паведамляў аб сумным стане мсціслаўскіх архіваў, а таксама, што найбольш старажытныя матэрыялы, якія захоўваліся ў Мсціслаўскім замку, перад 1662 г. былі вывезены ў Смаленскую крэпасць, дзе і загінулі ў 1812 г. За некалькі месяцаў працы ім было апісана каля 80 дакументаў XVII—XVIII стст., з паловы якіх тады ж зрабілі копіі [1, с. 74—76]. Захавалася 32 копіі з Мсціслаўскіх грамад з павятовага і магістрацкага архіваў [43]. Каля 8 грамад было спісана М. Гартынскім у магілёўскіх архівах. Праца ў Мсціслаўскім павятовым архіве была скончана ў маі 1825 г. М. Гартынскі таксама займаўся тут вывучэннем бібліятэк і архіваў езуіцкіх кляштарў і ўніяцкіх царкваў, якія былі перададзены ў Мсціслаўскую казённую палату (каля 9 тыс. дакументаў). Архівы шэрагу кляштарў (Пазеўіцкага, Пустынскага, Ануфрыеўскага, Бяльніцкага) загінулі падчас вайны ў 1662 г., а таксама былі раскуплены [1, с. 74—76].

У кастрычніку 1824 г. А. Дарашкевіч атрымаў распараджэнне М. П. Румянцава наведацца ў каталіцкія і грэка-ўніяцкія кляштары Друі і Дзісны. У студзені 1825 г. туды быў накіраваны І. Сыценка. Ён агледзеў архівы Друйскага магістрата, манастыра бернардзінцаў, Друйскай Богаяўленскай царквы, а таксама некалькі фамільных архіваў (маршалка Мірскага ў Камена-

* М. Гартынскі і І. Грыгаровіч былі знаёмы з часоў навучання ў Магілёўскай духоўнай семінарыі ў 1808—1811 гг. Гартынскі зрабіў таксама для графа копію «Магілёўскай хронікі», якая планавалася да выдання [42].

поллі, Валасоўскага ў Беліцах і інш.), у якіх скапіраваў некалькі дакументаў. Па выніках у лютым 1825 г. быў складзены вопіс 36 друіскіх грамаг [44]. Пасля вяртання ў Полацк І. Сьценка накіраваўся да наглядчыка вучылішчаў Полацкага павета Шчыга, каб пераглядзець яго архіў у пошуках старажытнага плана князя Вігаўта. Нарэшце, у красавіку 1825 г. ён распачаў трэцюю двухтыднёвую паездку ўжо для агляду архіваў Лепельскага павета.

Яшчэ ў чэрвені 1824 г. членам гуртка стала вядома ад А. Дарашкевіча пра дакументы магдэбургскіх гарадскіх і земскіх судоў, перавезеныя падчас апошняй руска-польскай вайны ў Смаленск, Віцебск і Вялікія Лукі. Атрымаўшы дазвол на агляд архіваў Віцебскай губерні, А. Дарашкевіч і І. Сьценка ў жніўні 1825 г. пабывалі ў віцебскіх магістрацкім і павятовым архівах [45], дзе выявілі і скапіравалі справу аб забойстве епіскапа Я. Куншэвіча 1623 г. [46]. Ад прыёра Віцебскага дамініканскага кляштару Бугена Дарашкевіч даведаўся аб тым, што з ў мястэчку Дзярэчын Гродзенскай губерні захоўваецца вялікі архіў Сапег з дакументамі тысячагадовай даўніны. Не выключана, што і гэты архіў у іх атрымаліся наведаць і атрымаць копіі [1, с. 74—76].

На падставе гэтых дакументаў да канца 1825 г. быў падрыхтаваны БА II. Ён складаўся з 67 дакументаў з 1253 г. і пераважна да канца XVI ст. (6 грамаг — XVII ст., 1 — XVIII ст.). Прадмова датуецца 26 снежня 1825 г. [47, арк. 3]. У ёй І. Грыгаровіч піша, што *«з'яўленне ў свет першай кніжкі архіва, разбурьваючы многія перашкоды і прадуманасці, на меншай меры, патлумачыла яшчэ новую ў тутэйшым краі ісціну таго, што збіранне старадаўніх дакументаў мае асабліваю цану і карысць для даследчыка гісторыі і мовы»* [47, арк. 2]. У тым ліку яно салзейнічала атрыманню доступу да шэрагу беларускіх сховішчаў: *«з цягам часу, адкрылася магчымасць разгледзець архівы амаль ва ўсіх гарадах Беларусі. У Полацкіх, Віцебскіх і Мсціслаўскіх сховішчах знойдзены важныя помнікі старадаўняга пісьменства, і праз тое склаўся новы, багаты запас, пры якім зручна ўжо было рабіць выбар у актах»* [47, арк. 3].

Дакументы, якія былі ўключаны ў зборнік, браліся з Румянцаўскай бібліятэкі (выпісы з метрыкі ВКЛ, Кёнігсбергскага архіва), архіваў Полацкай грэка-ўніяцкай кансісторыі, уніяцкіх мітрапалітаў, Полацкага магістрата, Віленскай капітулы, Віленскага кафедральнага сабора, Мсціслаўскага павятовага суда, бібліятэкі Магілёўскай семінарыі, Магілёўскага архіерэйскага архіва, Магілёўскага брацкага манастыра, Аршанскага жаночага Куцеінскага манастыра. Уключаны ў зборнік і 3 папскія булы, якія не прайшлі цензуру ў папярэднім выданні і яшчэ адна новая. Дакументы для БА II былі прадстаўлены І. Лабойкам, А. Сасноўскім, Я. Балхавіцінавым, самім канцлерам, а таксама А. Дарашкевічам і М. Гартынскім.

Граф Н. П. Румянцаў памер 3 студзеня 1826 г. Протаіерэй не паспеў даслаць яму ні падрыхтаваны БА II, ні вярнуць тэа матэрыялы, якія былі дасланы для працы над трэцім. Страціўшы даратцу і мецэната, І. Грыгаровіч звярнуўся да Кіеўскага мітрапаліта Яўгена. 10 мая 1826 г. мітрапаліт адказаў, што пакідае ў

сьбе змест БА II і запэўніў, што выданне кніг пасля смерці Н. П. Румянцава не павінна спыніцца, бо ў распараложэнне Камісіі быў прадастаўлены значны капітал, і раў не спыняць працы над БА III. Аднак са смерцю графа праца цалкам спынілася. БА II застаўся, па словах І. Грыгаровіча, «сіроткай без прыданага» [21], а сабраныя матэрыялы засталіся ў яго асабістым архіве.

Праца па даследаванні беларускіх архіваў узнавілася толькі пасля заснавання ў 1837 г. у Пецярбургу Археаграфічнай камісіі. Пошукі адбываліся ў наступных беларускіх архівах: Магілёўскім, Полацкім, Мінскім епархіяльных архівах, бібліятэцы Магілёўскай семінарыі, Архіве Віленскай капітулы і былога Віленскага Трыбунала, Мсціслаўскага, Ваўкавыскага, Слонімскага павятовых судаў, Брэсцкага, Аршанскага, Гродзенскага, Лідскага, Магілёўскага магістратаў, а таксама Румянцаўскага музеяма, былога архіва грэка-ўніяцкіх мітрапалітаў пры св. Сінодзе, Літоўскай метрыкі, якая захоўвалася пры 3-м дэпартаменце Сената, аддзела Эдукацыйных фундашаў (пры Дэпартаменце народнай асветы). І Грыгаровіч перадаў для Археаграфічнай камісіі і БА II [48, с. 2]. Дзве граматы (акрамя ўключаных у тым ліку і ў БА II), уключаныя І. Грыгаровічам у АЗР, захоўваліся ў яго архіве: жалаваная грамата Мсціслаўскага князя Міхаіла Іванавіча Жэслаўскага Мікалаеўскай царкве ў г. Оршы, на грашовую і мядовую даніну 19 лютага 1504 г. з Полацкай духоўнай кансісторыі [48, с. 211; 49] і ліст аб размеркаванні абрадаў паміж праваслаўнай і каталіцкай царквой пасля аб'яднання (2 жніўня 1595 г., Кракаў) [50, с. 79; 51]. Астатнія копіі грамат (каля 150, пераважна за XVII—XVIII стст.), што захоўваюцца ў фондзе Грыгаровіча ў БДАМЛІМ, апублікаваны ім так і не былі.

Такім чынам, І. Грыгаровіч наведаў магілёўскія (мсціслаўскія, аршанскія) архівы, прынамсі, 2 разы: у першай палове 1821 г. і ў жніўні 1824 г. Першая паездка ў 1821 г., вынікам якой сталі копіі 60 грамат, стала перадумовай і асновай для выдання БА I. Асноўнымі архівамі, якія даследаваліся, з'яўляліся павятовыя, магістрацкія, царкоўныя (кансісторскія, архіерэйскія, мітрапаліцкія, манастырскія, царкоўныя) трох канфесій — праваслаўнай, грэка-каталіцкай і каталіцкай. Былі спробы знаёмства з прыватнаўласніцкімі архівамі Радзівілаў, Сапег і іншых менш значных родаў. Усяго праца была праведзена больш як у 20 сховішчах. Тагачасныя архівы характарызаваліся адрозненнем мовы, дзеля чаго быў задуманы для друку адмысловы слоўнік цяжкадаступнасцю (дазвол на карыстанне архівамі треба было атрымаць у самых высокапастаўленых асоб), неспрыяльнымі ўмовамі захоўвання, несістэматызаванасцю. Усё гэта было прычынай частай неспяховасці даследчыцкай працы. Вядома каля 10 вопісаў грамат, што зрабілі ў тагачасных архівах сам Грыгаровіч, а таксама А. Дарашкевіч і М. Гартынскі. Імі было апісана не менш 200 дакументаў, з якіх зроблены копіі. У фондзе Грыгаровіча захавалася каля 150 копій грамат, пераважна за XVII—XVIII стст., з якімі ён працаваў у канцы 1825 — пачатку 1826 г., плануючы выданне БА III. Гэтыя копіі не былі ім апублікаваны.

Крыніцы і літаратура

1. Козлов, В. П. Колумбы российских древностей. — М.: Наука, 1981. — 168 с.
2. Григорович, И. И. Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских: из древних рус. летописей / И. И. Григорович. — М., 1821. — 310 с.
3. Странник. — 1861. — № 6. — С. 305—338.
4. Ліст М. Румянцава да І. Грыгаровіча. 25 жніўня 1819 // Странник. — 1861. — № 6. — С. 317.
5. Ліст М. Румянцава да І. Грыгаровіча. 1820 // Странник. — 1861. — № 6. — С. 320.
6. Ліст М. Румянцава да І. Грыгаровіча. 11 сакавіка 1820 // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. — С. 4—92.
7. Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными / с предисловием, примечаниями и указателем Е. В. Барсова ко дню 50-летнего юбилея Румянцева музея. — М., 1882. — 368 с.
8. Ліст І. Лабойкі да І. Грыгаровіча. 28 сакавіка 1824 // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. — С. 44.
9. Лобойко, И. Н. Мои воспоминания, Мои записки / И. Н. Лобойко. — Москва, 2013. — 323 с.
10. Лабынцев, Ю. А. Книжное наследие Н. П. Румянцева / Ю. А. Лабынцев. — М.: Наука, 2004. — 206 с.
11. Адзел рукапісаў Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі (АР РДБ). — Ф. 255. К. 15. Адз. зах. 5. Арк. 1—6.
12. Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно). — Вып. 2. — Воронеж, [1870]. — С. 41—89.
13. Ліст М. Румянцава да А. Маліноўскага. 4 студзеня 1823 // Переписка государственного... С. 254.
14. Ліст М. Румянцава да А. Маліноўскага. 29 снежня 1822 // Переписка государственного... С. 253.
15. Ліст М. Румянцава да І. Грыгаровіча. 2 красавіка 1824 // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. — С. 48.
16. Ліст М. Румянцава да А. Маліноўскага. 13 красавіка 1823 // Переписка государственного... С. 262.
17. Ліст М. Румянцава да А. Маліноўскага. 23 верасня 1823 // Переписка государственного... С. 266.
18. Ліст І. Грыгаровіча да А. Маліноўскага. 13 верасня 1823 // Переписка государственного... С. 266.
19. Ліст М. Румянцава да І. Грыгаровіча. 1 ліпеня 1824 // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. — С. 57.
20. Ліст М. Румянцава да І. Грыгаровіча. 16 верасня 1824 // Чечулин Н. Д. Из переписки канцлера графа Н. П. Румянцева. — СПб., 1893. — С. 40—41.
21. Іванова, В. Лісты з асабістага архіва Івана Грыгаровіча // Беларускі архэаграфічны штогоднік. — Вып. 8. — Мінск: БелНДДАС, 2007. — С. 222—231; Ліст І. І. Грыгаровіча брату Мікалаю. 2 верасня 1824 // АР РДБ. — Ф. 178. К. 1346. Адз. зах. 18. Арк. 32—33.
22. АР РДБ. — Ф. 255. К. 15. Адз. зах. 4. Арк. 1—2.
23. Беларуская іерархія / грав. М. Нікалаева, падрыт. гіст. дакументаў С. Жэмайціса. — Мінск: БелЭН, 1992. — 101 с.

24. Лист М. Румянцава да І. Грыгаровіча. 2 красавіка 1824 // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. — С. 48.
25. Блинова, Т. Б. Иезуиты в Беларуси. Роль иезуитов в организации образования и просвещения / Т. Б. Блинова. — Гродно: ГрГУ, 2002. — 425 с.
26. Копія ліста А. Дарашкевіча да М. Румянцава // Чечулін Н. Д. Из переписки канцлера графа Н. П. Румянцова. — СПб., 1893. — С. 53—55; Лист М. П. Румянцова да І. І. Грыгаровіча. 19 сакавіка 1824 // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. — С. 43.
27. Дарашкевіч, А. Спіс 35 копіі, зробленых у архіве Полацкай гража-ўніяцкай кансісторыі. 8 снежня 1825 г. / А. Дарашкевіч // БДАМЛМ. — Ф. 3. Воп. 1. Адз. зах. 15. Арк. 1—2.
28. [Дарашкевіч А.] Спіс 17 копіі, зробленых у архіве Полацкай гража-ўніяцкай кансісторыі. Б/д // БДАМЛМ. — Ф. 6. Воп. 1. Адз. зах. 15. Арк. 3—4.
29. Копія граматы, зробленая Ф. Галадкоўскім // БДАМЛМ. — Ф. 6. Воп. 1. Адз. зах. 3. Арк. 105—106.
30. Копія граматы, зробленая І. Сьцэнка // БДАМЛМ. — Ф. 6. Воп. 1. Адз. зах. 3. Арк. 5—6.
31. Лісты М. Румянцава да І. Грыгаровіча ад 9 верасня 1825 і 16 верасня 1825 // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. — С. 53.
32. Лист І. Лабойкі да І. Грыгаровіча. 28 сакавіка 1824 // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. — С. 43—44.
33. АРРДБ. — Ф. 255. К. 12. Адз. зах. 36. Арк. 1—2.
34. Лист І. Лабойкі да І. Грыгаровіча. 22 чэрвеня 1824 // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. — С. 44—45.
35. Лист І. Лабойкі да І. Грыгаровіча. 3 лістапада 1824 // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. — С. 45—46.
36. Лист М. Румянцава да І. Грыгаровіча. 24 сакавіка 1824 // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. — С. 47.
37. Лист М. Румянцава да І. Грыгаровіча. 14 мая 1824 // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. — С. 51.
38. Лист М. Румянцава да І. Грыгаровіча. 23 красавіка 1824 // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. — С. 50.
39. Лист І. Вельшанскага да І. Грыгаровіча. 6 жніўня 1824 г. // Чечулін Н. Д. Из переписки канцлера графа Н. П. Румянцова. — СПб., 1893. — С. 56.
40. Спіс 19 прывілеяў, дараваных г. Магілёву ў розныя часы. Б/д // БДАМЛМ. — Ф. 3. Воп. 1. Адз. зах. 6. Арк. 1—3.
41. Спіс 23 прывілеяў польскіх каралёў, дараваных г. Магілёву, што захоўваюцца ў Магілёўскім гарадзкім магістраце. З газачэннем апублікаваных у БА І (усяго апублікавана ў БА І — 7 грамац). 18 лістапада 1824 г. // БДАМЛМ. — Ф. 3. Воп. 1. Адз. зах. 12. Арк. 1—3.
42. Яцкевіч, З. Л. Мікалай Рыгоравіч Гартыньскі — гісторык і археограф / З. Л. Яцкевіч // Беларускі археографічны штогоднік. — Вып. 3. — Мінск: БелНДДАС, 2007. — С. 164—169.
43. БДАМЛМ. — Ф. 6. Воп. 1. Адз. зах. 6. Арк. 18—70; Адз. зах. 37, 39.
44. [Дарашкевіч А.] Спіс 36 копіі, зробленых у Друйскай магістрацкім архіве. 25 лютага 1825 // БДАМЛМ. — Ф. 3. Воп. 1. Адз. зах. 25. Арк. 1—3.
45. БДАМЛМ. — Ф. 6. Воп. 1. Адз. зах. 13. Арк. 17—23.
46. БДАМЛМ. — Ф. 6. Воп. 1. Адз. зах. 47. Арк. 1—3.

47. БДАМЛМ. — Ф. 6. Воп. 1. Адз. зах. 14.
48. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1: 1340—1506. — СПб., 1846. — 419 с.
49. БДАМЛМ. — Ф. 6. Воп. 1. Адз. зах. 15. Арк. 42.
50. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4: 1588—1632. — СПб., 1851. — 529 с.
51. БДАМЛМ. — Ф. 6. Воп. 1. Адз. зах. 3. Арк. 92—95.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28.11.2024

*Е. А. Макаренко,
директор Белорусского государственного
архива-музея литературы и искусства;
e-mail: e.makarenko@narb.by*

ПОДГОТОВКА ФАКСИМИЛЬНОГО ИЗДАНИЯ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ЧАСТЕЙ «БЕЛОРУССКОГО АРХИВА ДРЕВНИХ ГРАМОТ»

Становление белорусской археографии относится к первой четверти XIX в., когда на территории белорусских и литовских губерний стали формироваться архивно-археографические центры, которые вели работу по выявлению, описанию и публикации исторических источников.

Одним из первых таких центров стал Виленский университет, в котором работали известные польские, белорусские, русские, украинские историки, юристы И. Данилович, И. Лелевель, И. Лобойко, И. Ярошевич и др. Они разыскивали памятники белорусской письменности и культуры в архивах белорусских церквей и монастырей, частных собраниях [1, с. 22].

Другими центрами археографических изысканий в рассматриваемый период были Гомель, Мстиславль, Полоцк и другие белорусские города и местечки. В Гомеле, принадлежавшем А. П. и Н. П. Румянцевым, с 1814 г. жил известный государственный деятель России, покровитель и организатор археографических поисков граф Н. П. Румянцев. Именно с его деятельностью во многом связано появление двести лет тому назад первого белорусского археографического сборника документов, знаменовавшего зарождение в Беларуси археографии.

Н. П. Румянцев объединил вокруг себя блестящую плеяду ученых, преимущественно историков, получивших по имени своего руководителя название «Румянцевского кружка» (неформальное объединение историков и археографов, имевших своей целью выявление, сбор и публикацию исторических источников). Одним из его членов стал Иван Иванович Григорович.

И. И. Григорович родился 6 сентября 1792 г. в семье священника в городе Пропойске (ныне Славгород) Могилевской губернии. Его отец, Иван Кононович, преподавал риторику в Могилевской духовной семинарии, служил в Рогачеве, Пропойске, Гомеле. Мать, Мария Романовна, была племянницей белорусского архиепископа Георгия Конисского. Кроме Ивана, в семье было шестеро детей, один из которых, Василий, стал архиепископом Олонецким.

Получив образование в Могилевской духовной семинарии, в 1811—1815 гг. И. И. Григорович работал преподавателем греческого и латинского языков в Могилевском уездном духовном училище. Во время отдыха у родителей в Гомеле он познакомился с графом Н. П. Румянцевым, который в дальнейшем способствовал его поступлению и обучению в Петербургской духовной академии. Закончив в 1819 г. академию со степенью кандидата богословия, И. И. Григорович стал протоиереем Гомельского кафедрального собора. Одно-

временно был ректором гомельских уездного и приходского училищ, цензором проповедей Белицкого духовного управления.

С 1831 г. жил и работал в Петербурге: сначала в церкви лейб-гвардии Финляндского полка, а с 1838 г. — в церкви Александра Невского Аничкова дворца. Еще во время учебы в Петербурге И. И. Григорович начал активную научную деятельность в «Румянцевском кружке». Тогда им была написана и издана на средства графа первая работа — диссертация о новгородских посадниках (1821 г.). В том же году Иван Иванович начал исследование архивов Мстислава и Могилева, в результате чего в 1824 г. появился труд «Белорусская иерархия». Продолжением этой деятельности была подготовка сборника «Белорусский архив древних грамот», первая часть которого вышла в 1824 г. в типографии С. И. Селивановского и представляла собой сборник документов по истории восточных белорусских земель в XVI—XVIII вв. [2]. Другая часть сборника, полностью подготовленная к изданию, осталась неопубликованной и на сегодняшний день хранится в рукописи в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (далее — БГАМЛИ) [3]. Работа над третьей частью не была окончена и остановилась на стадии сбора материалов в связи со смертью Н. П. Румянцева в 1826 г. Отдельные документы первой и второй частей были перепечатаны в «Актах Западной России».

В 1834 г. И. И. Григорович подготовил и издал носивший внешнеполитический характер комплекс документов под названием «Переписка пап с российскими государями по рукописи Римской Барбериниевой библиотеки». Над ним он начал работать еще в «румянцевский» период.

И. И. Григорович занимался исследованием деятельности белорусского архиепископа Георгия Конисского и в 1835 г. издал его собрания сочинений в двух частях. Издание включило в себя биографию архиепископа, проповеди, речи, переписку, стихи, а также произведение «Исторические сведения о епархии Белорусской». В 1861 г. оно было переиздано братом и сыном И. И. Григоровича.

В 1837 г. Иван Иванович становится членом только что созданной Петербургской археографической комиссии, а в следующем году назначается главным редактором издаваемых ею актов. Под его руководством вышли в свет 1, 2 и 4 тома «Актов исторических» и 1—5 тома «Актов Западной России».

И. И. Григорович скончался в ноябре 1852 года и был похоронен на Волковом кладбище в Петербурге [4].

Научное и документальное наследие И. И. Григоровича хранится во многих архивах Беларуси, России, Литвы. Впервые документы И. И. Григоровича, включавшие копии белорусских грамот, рукописный макет 2-й части «Белорусского архива древних грамот» и др., были выявлены профессором А. А. Преображенским во время его работы с фондами Красноярского государственного архива. Они находились в составе коллекции известного сибир-

ского купца и предпринимателя Геннадия Васильевича Юдина, бывшего страстным коллекционером и библиофилом.

Г. В. Юдин (1840—1912) с конца 1860-х гг. начал собирать свою библиотеку. В 1895—1902 гг. в Московском архиве Министерства юстиции по его поручению снимались копии рукописных материалов, в которых он был заинтересован. Документы семьи Григоровичей, скорее всего, попали в «Юдинскую коллекцию» после смерти сына И. И. Григоровича Николая Ивановича Григоровича (1835—1889).

Н. И. Григорович был заведующим архивом и библиотекой Святейшего синода, изучал организацию российских архивов, разработал систему упорядочения архивов. По его инициативе в 1865 г. была создана комиссия для разработки и описания дел архива Святейшего синода, он принял участие в подготовке к изданию четырех томов «Описания документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего синода», а также в собирании материалов для «Русского биографического словаря».

В 1902—1903 гг. Г. В. Юдин принимает решение о продаже своей библиотеки в США, и в 1907 г. это собрание книг было приобретено Библиотекой Конгресса США. После смерти Г. В. Юдина оставшаяся в России коллекция рукописных материалов, насчитывавшая свыше 9 тыс. ед. хр., перешла к его потомкам, в 1920-е гг. была национализирована и поступила в Красноярский музей, а затем — в Государственный архив Красноярского края.

В 1957 г. «Юдинская коллекция» была перевезена в Москву и поступила в Центральный государственный архив литературы и искусства (далее — ЦГАЛИ) СССР. В ходе научно-технической обработки на документы коллекции была составлена опись, состоящая из двух томов: 1 том — это документы, относящиеся к истории России, и 2 том — к истории союзных республик. После завершения работы и уточнения фондовой принадлежности Главным архивным управлением при Совете Министров СССР (далее — Главархив СССР) было принято решение о передаче материалов бывшей коллекции Г. В. Юдина в государственные архивы России и союзных республик в количестве и составе, значащихся в соответствующих разделах описи. В Красноярск было возвращено около 2,5 тыс. ед. хр., отражающих историю Сибири и Красноярского края, а также историю рода и семьи Юдиных. К передаче в Беларусь планировались дела № 8750—8865 из раздела «Материалы государственных архивов Белорусской ССР», а затем и дела № 7124, 7125 и 8315, ранее ошибочно отнесенные к другим архивам. В этот сбор документов были отнесены документы Григоровичей, представителей шляхетских родов Римашевских, Патейков, отдельные документы по истории социально-общественного строя, истории церкви, права и др.

В соответствии с распоряжением Главархива СССР от 24 сентября 1960 г. № 3/7773 материалы «Юдинской коллекции» в мае 1961 г. были переданы в ЦГАЛИ БССР в количестве 118 ед. хр. за 1240—1896 гг. [5, л. 1]. Это поступление документов было учтено как самостоятельный фонд № 6 «Григо-

ровичи: Иван Иванович — историк, археограф и лингвист, составитель «Словаря белорусского наречия»; Николай Иванович (сын Ивана Ивановича) — начальник архива и библиотеки Синода, археографы Римашевские Г. А. и П. Ф. (материалы из Юдинской коллекции)» [5, л. 21]. В марте 1979 г. данное название фонда было изменено, и фонд стал называться «Коллекция документов Григоровичей Ивана Ивановича и Николая Ивановича, археографов». Были внесены корректировки и в определение крайних дат документов. Самой ранней датой было решено считать начало XIX века — время, когда по поручению графа Румянцева создавались копии архивных документов консисторий, магистратов, поветовых судов и др. для его личных собраний, в том числе и для «Белорусского архива» И. И. Григоровича. Самой поздней датой — 1896 г. — год заведения в Варшавском окружном суде искового дела графа Е. Потоцкого.

В течение 1981—1982 гг. в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства БССР* была проведена работа по выявлению особо ценных дел (далее — ОЦД), в результате чего к категории ОЦД были отнесены все дела, хранящиеся в данном фонде, и был создан страховой фонд и фонд пользования (микрофильмы) [5, л. 20].

На сегодняшний день в фонде № 6 «Коллекция документов Григоровичей Ивана Ивановича и Николая Ивановича, археографов» хранятся документы самого археографа И. И. Григоровича, его сыновей Николая и Ивана, белорусских семей Патеико и Римашевских, различные документы юридического характера XIX ст. Крайние даты фонда: 1240—1896 гг.

В группу документов археографа И. И. Григоровича входят 195 копий грамот за 1240—1797 гг., большинство из которых относится к XVII—XVIII вв. Среди уникальных документов коллекции: рукопись «Белорусского архива древних грамот» (часть 2) с предисловием (автограф) И. И. Григоровича (1825 г.); рукопись сказания [Г. Конисского] «В день Рождества Христова»; замечания И. И. Григоровича к IV тому «Актов Западной России» (автограф); фрагмент рукописи «Хождения Трифона Коробейникова»; «Словарь белорусского наречия» и «Словарь западнорусского наречия», составленные И. И. Григоровичем, и др.

В рукописи второй части «Белорусского архива» содержится 67 документов по истории Великого Княжества Литовского со второй половины XIII до XVI в., буллы папы Иннокентия IV, грамоты великих князей литовских Ягайлы и Витовта. Большинство документов раскрывают историю церкви, развитие городов и общегосударственные процессы.

Известно, что И. И. Григорович планировал издать «Белорусский архив» в трех частях [6]. Работа над третьей частью остановилась на стадии сбора материалов, которые также хранятся в фонде № 6 БГАМЛИ [7].

* В 1976 г. ЦГАЛИ БССР был переименован в Центральный государственный архив-музей литературы и искусства, с 1993 г. — Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства.

Сбор материалов для «Белорусского архива» осуществлялся не только И. И. Григоровичем. Граф Н. П. Румянцев писал необходимые протекции в местные инстанции и покрывал расходы. Киевский митрополит Евгений (Е. А. Болховитинов) давал свои замечания и предложения после проверки рукописей. Из Вильно присылали документы профессор университета И. Н. Лобойко и преподаватель Главной семинарии униатский протоиерей Платон Сосновский. В Полоцке и Витебске собирал материалы смотритель полоцких уездных училищ, губернский секретарь Антоний Дорошкевич, который в 1820—1822 гг. являлся членом Комиссии по разбору местных иезуитских архивов. С марта по сентябрь 1824 г. члены данной комиссии описывали и копировали материалы Полоцкой греко-униатской консистории, с октября 1824 г. исследовали архивы Друи и Дисны, в январе 1825 г. — хранилища Лепеля, в августе 1825 г. проводили осмотр архивов Витебской губернии.

В Могилеве И. И. Григорович пользовался документами архиерейского, консисторского, семинарского и магистратского архивов. Им были изучены архивы монастырей Мстиславля и Орши. Посещая монастыри, Иван Иванович отбирал не только подлинники на пергамене с печатями на цветных шнурах, но и ценные копии древних грамот. Чтобы составить перечень настоятелей того или иного монастыря, он просматривал церковные синодики, или помянники. Не укрывались от его внимания фундаторские надписи на храмовых стенах и библиотечные собрания старопечатных книг. С целью первичной экспертизы И. И. Григорович 19 октября 1821 г. составил инструкцию о способах работы с рукописными книгами на пергамене [8, с. 23]. И. И. Григорович стремился издать документы с археографической точностью, сохраняя язык подлинника. Кроме того, все описания документов, вошедших в состав «Белорусского архива», были сделаны по единому формуляру, который включал в себя: номер по порядку; время и место издания; содержание; приметы; для отметок.

В предисловии ко второму тому сборника «Белорусский архив» И. И. Григорович писал: «Появление в свет первой книжки Архива, разрушив многие преграды и предубеждения, по крайней мере объяснило истину, еще новую в здешнем крае, истину того, что собрание старинных документов имеет особенную цену и пользу для исследования истории и языка». Обнаруженные в полоцких, витебских, мстиславских хранилищах «важные памятники старинной письменности», а также возможность выбора документов при подготовке их к публикации привели к тому, что И. И. Григорович был вынужден весь массив документов разделить на две части: «... вторую книжку Архива надлежало начать снова помещением в ней древнейших грамот, чтобы чрез то в следующей дать место и позднейшим» [3].

Рукопись второго тома «Белорусского архива» включает 12 документов из библиотеки Н. П. Румянцева, 10 — из Полоцкой униатской духовной консистории, 8 — из Могилевского архиерейского архива, 7 — из книг Литовской Метрики, 5 — из библиотеки Могилевской семинарии, 4 — из архива

униатских митрополитов, 9 — из Мстиславского поветового суда, Полоцкого магистрата, Оршанского Кутенинского и Могилевского Богоявленского братского монастырей и др. [1, с. 29].

Сборник открывается буллой папы Иннокентия IV епископу Кульмскому об обращении в христианскую веру литовского князя Миндовга 15 июля 1252 г. Затем размещены три аналогичные буллы — 17 августа 1252 г. (две) и 25 июля 1253 г. Среди других документов — письма русских и литовских князей, польских королей, уставные и жалованные грамоты великих князей и королей, запись очевидца о «нечаянном нападении на Гомель московского войска и о сожжении оногo» и др.

Документы представлены на языке оригинала с параллельным переводом (для писанных по-польски и латыньo) на русский язык и сопровождаются кратким описанием с указанием места хранения. В примечаниях указываются сведения о подлинности или копийности документа, в некоторых случаях воспроизводятся подписи и «образцы почерков», встречается характеристика языка древних грамот и обозначение идиом. Кроме того, составлена родословная таблица князей Мстиславских с правками, сделанными рукой И. И. Григоровича. Приводятся описания печатей, например: «Сей акт писан на двух бумажных листах сшитых тонким шелковым шнурком, которого оба конца соединены под печатью, выписнутою на красном воску под кустодиено» [3, л. 86].

В дальнейшем 25 из 67 документов второго тома «Белорусского архива» были включены в пятитомный сборник документов, издававшийся Археографической комиссией в Петербурге — «Акты Западной России» (выходили в 1846—1853 гг.), редактором и составителем первых четырех томов которого был И. И. Григорович. По мнению кандидата исторических наук, профессора М. Ф. Шумейко, вероятно, что тогда же он передал рукопись второго тома «Белорусского архива» в собственность Археографической комиссии, а затем она попала в «Юдинскую коллекцию» [1, с. 29].

И. И. Григорович оставил глубокий след в изучении белорусских древностей. Собранные и изданные им материалы до сих пор служат незаменимым пособием и оказывают неоценимую помощь для исследователей белорусской истории.

Попытки издать 2-ю часть «Белорусского архива» предпринимались и ранее, но безуспешно. И только сейчас, благодаря финансовой поддержке Национальной библиотеки Беларуси, мы надеемся на реализацию совместного проекта по репринтному изданию двух томов «Белорусского архива». Предисловия к изданию подготовили кандидат исторических наук, профессор М. Ф. Шумейко и кандидат исторических наук, доцент В. А. Теплова.

Литература и источники

1. Шумейко, М. Ф. Становление и развитие белорусской археографии в 1-й половине XIX в. / М. Ф. Шумейко // Беларускі археографічны штогоднік. — Мінск: БелНДДАС, 2000. — Вып. 1. — С. 19—40.

2. Беларускі архіў древніх грамот / [сост. І. Грыгоровіч]. — М.: В типографіі С. Селівановскага, 1824. — Ч. 1. — 1824. — 148 с. — Режим доступу: <https://www.pdlib.ln/item/398902>.
3. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (далей — БГАМЛІ). — Фонд 6. Оп. 1. Д. 14.
4. Запартыка, Г. В., Запартыка А. М. І. І. Грыгаровіч / Г. В. Запартыка, А. М. Запартыка // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДЦДАС, 2001. — Вып. 2. — С. 260—267.
5. БГАМЛІ. — Дзею фонда № 6.
6. Іванова, О. С. «Находка» трэцяй часты «Беларускага архіва древніх грамот» І. І. Грыгоровіча в БГАМЛІ / О. С. Іванова // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДЦДАС, 2004. — Вып. 5. — С. 29—34.
7. БГАМЛІ. — Ф. 6. Оп. 1. Д. 3, 4, 6, 13, 15, 25.
8. Нікалаеў, М. В. Метадзчыныя рэкамендцыі І. І. Грыгаровіча па апісанні беларускіх рукапісных кніг / М. В. Нікалаеў // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДЦДАС, 2002. — Вып. 3. — С. 21—26.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28.11.2024

*Т. Д. Гернович,
доцент кафедры источниковедения исторического факультета
Белорусского государственного университета,
кандидат исторических наук;
e-mail: adelia.z@gmail.com*

АРХИВ И МУЗЕЙ: ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОДХОДОВ В РАБОТЕ С АРХИВНЫМИ ДОКУМЕНТАМИ

Документ выполняет в обществе целый ряд функций. С одной стороны, он фиксирует информацию и потому подтверждает, доказывает события или факты, которые могут быть использованы как современниками для практических целей, так и потомками для исследований событий минувших эпох. С другой стороны, документ может выступать как артефакт эпохи, как символ, как объект, воплощающий в себе развитие человеческой цивилизации, его материальный мир и способ взаимодействия с действительностью.

Сложная природа документа сделала его предметом хранения архивов, библиотек и музеев. В каждом из этих институтов памяти документ выполняет свою специфическую роль. Несмотря на наметившуюся в наше время тенденцию к их сближению, тем не менее, мы по-прежнему отмечаем особенности, которые приобретает документ в каждом типе хранилища.

Начиная с первых музейных коллекций, «кабинетов древностей», документы наравне с картинами, монетами, медалями и оружием рассматривались как ценные объекты, вызывающие интерес у коллекционеров и желание их продемонстрировать публике. Так, в Несвижском собрании князей Радзивиллов среди коллекции оружия, монет, медалей, библиотеки и архива особую гордость представляли договоры Городельской (1413 г.) и Люблинской (1569 г.) уний Великого Княжества Литовского и Королевства Польского на пергамене. В библиотеке Полоцкой иезуитской академии хранились редкие пальмовые листы с малабарскими письменами. В коллекциях Исааха Хрептовича (Щорсы), Михаила Тышкевича (Острошицкий Городок), Пусловских (Альбертин), как и во многих других частных коллекциях на территории Беларуси, хранились документы, которые представляли ценность для владельцев не только в качестве фамильного архива, но и как ценные предметы истории.

Собрание из гомельского имения графа Н. П. Румянцева, которое среди прочего включало и собранные И. И. Григоровичем в белорусских губерниях древние документы, рукописные и старопечатные книги, было передано графом перед смертью в Петербург. Оно стало основой Румянцевского музея, открытого в 1831 г. для широкой публики. В залах музея были размещены специальные витрины, на которых экспонировались различные памятники письменности [1].

Документы, являющиеся частью таких собраний, зачастую не только выставлялись в качестве музейных экспонатов, но и становились объектом публикации. Так, документы из знаменитой коллекции П. И. Щукина, на основе

которых был сформирован Щукинский музей, были опубликованы в «Сборнике старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина» (10 частей, М., 1896—1902) и «Бумагах, относящихся до Отечественной войны 1812 г.» (10 частей, М., 1897—1908). Конечно, уровень их подготовки не дает оснований для отнесения книг к археографическим изданиям, но сам факт создания на основе коллекции музея сборников документов свидетельствует об общности подходов в этот период к использованию документов в музейной и архивной сферах.

В XIX в. такая общность являлась характерной чертой для архивов и музеев. Зачастую это становилось причиной «перетекания» архивных документов из архивной в музейную сферу и наоборот. Например, копии документов из архивов, сделанные И. Григоровичем, были приобретены П. И. Щукиным для своей коллекции, а впоследствии они были из нее выделены и включены в состав фонда Григоровичей в ОПИГИМ [2].

Революционные события 1917 года привели к разработке новой государственной политики в архивной, музейной и библиотечной отрасли. Централизация, национализация и создание первых законов в архивной сфере способствовали выработке подхода по определению статуса архивного документа в каждом типе хранилища, а также создания новых структурных единиц и учреждений: архивного музея, музея палеографии (рукописей), архива-музея, отдела рукописей в музеях и библиотеках и др.

Широкая идеологическая программа новой власти и необходимость популяризации истории революции ставили перед архивами новые задачи, которые без музеев были нереализуемы.

Вопросы разграничения понятий «архив»—«музей»—«библиотека» обсуждались в 1920 г. на конференции архивных деятелей в Петрограде, в 1921 г. на Первой Всероссийской конференции архивных деятелей, в 1925 г. на Первом съезде архивных деятелей РСФСР в Москве [3].

Одним из центральных докладов, в котором обозначены основные пункты «нового подхода», был доклад И. Л. Маяковского «Архив, библиотека и музей». Он вызвал оживленную дискуссию, целый ряд вопросов и критику представителей музеев, библиотек и архивов [3, с. 91—95], на которые И. Л. Маяковский ответил в своем заключительном слове.

Основными тезисами доклада были: во-первых, пересмотр принципов комплектования архивов и библиотек в части рукописного наследия, а во-вторых, организация системы архивных музеев, начиная с губернских архивных центров и до столичных (ленинградского и московского) центральных архивных музеев. И. Л. Маяковский предлагал рукописное наследие писателей и поэтов передавать исключительно в архивы, а не библиотеки, а также отсталвал право архива на выставочную деятельность. Также ученый предлагал создать межведомственное совещание для согласования работы архивов, биб-

лиотек и музеев в части хранения документов*. Ввиду большого внимания научных кругов доклад И. Л. Маяковского был опубликован в журнале «Архивное дело» [6; 7].

В докладе давалось «определение сущности» архива, музея и библиотеки по отношению к письменному материалу. Так И. Л. Маяковский отмечал, что «... в музеях могут находиться такие оригиналы и копии письменных памятников, которые не только по содержанию (а иногда и независимо от него), но и со своей внешней вещественной стороны отличаются показательностью, характеризующей черты быта и формы творческой работы человека в ту или иную эпоху. — причем наиболее полно такие памятники могут функционировать не в самостоятельных музеях археологического, историко-бытового и художественного характера, а в специальных музеях-выставках...» [7, с. 35].

Кроме доклада И. Л. Маяковского, на Всероссийской конференции архивных деятелей в Москве в 1921 г. были представлены доклады С. А. Аннинского «Пропаганда архивного дела» и В. Н. Нечаева «Музеи при архивах» [8]. Они были результатом обсуждения вопроса архивных выставок в работе Петроградских отделений секций ЕГАФ. Так, на заседании управляющих Петроградских отделений секций ЕГАФ 14 августа 1919 г. была представлена докладная записка Н. А. Пыпина, Н. П. Черепнина и И. В. Пузино, в которой они, поддерживая идеи И. Л. Маяковского и изучив опыт западноевропейских архивов, отмечали, что архивные выставки проводятся регулярно во многих странах. Далее авторы обратили внимание на то, что «... помимо целей архивно-исторических выставка должна служить также и школе, в широком, конечно, смысле этого слова. А именно, при выставке должны читаться лекции: 1) популярные, 2) для учеников старших классов и для студентов и 3) для педагогов, которые наглядно иллюстрировались бы соответствующим архивным материалом. Нет, кажется, нужды доказывать, насколько такое наглядное изучение по архивным материалам истории является важным в образовательном смысле и как оно может оживить в школе интерес к делу...» [9, с. 781].

На следующем заседании 16 октября 1919 г. Н. П. Черепнин в своем докладе «О Проекте устройства архивной выставки» представил детальный план практической реализации такой архивной выставки. В нем он определил, что основной задачей архивной выставки является иллюстрация исторических событий и популяризация архивного дела. К плану Н. П. Черепнин приложил список фамилий ученых и тематику их лекций для сопровождения выставки [9, с. 795—799].

В 1920-е гг. в Петрограде впервые начинают создавать новые формы учреждений, которые объединяют в себе архив и музей. 31 октября 1922 г. при 2-м отделении юридической секции ЕГАФ (бывший Сенатский архив) состоя-

* Концепция И. Л. Маяковского была развита ученым в его последующих трудах. Ее влияние на развитие управления архивным делом в РСФСР и теории архивоведения в целом представила Т. И. Хорхордина [4; 5, с. 336—475].

лось открытие Архивного музея. Как писал в своем докладе первый его директор В. Н. Нечаяв: «Приближение архивов к массам, их демократизация диктуется всем новым строем жизни и здравым пониманием архивами собственного интереса, так как только при воспитании в широких народных слоях понимания ценности исторического документа для архивов может сократиться опасность разрушения, от которой они всегда страдали, а в особенности в революционные времена» [10; 11].

К сожалению, идея Архивного музея при бывшем Сенатском архиве была недолговечной, в 1930 г. он прекратил свое существование.

Подобная судьба постигла и Музей палеографии, который был создан в 1925 г. в Петербурге в доме на Петрозаводской на основе собрания Николая Петровича Лихачева. Музей палеографии по замыслу его владельца должен был соответствовать Лейпцигскому «Музею книги» «... со специальным уклоном в область истории документа и его аутентификации». В 1931 г. музей был переименован в Институт истории книги, документа и письма и перемещен в помещение библиотеки Академии наук. Впоследствии он был расформирован, и в настоящее время фрагменты лихачевского музея находятся в Эрмитаже, Институте восточных рукописей, Государственном историческом музее, библиотеке Академии наук и ее отделах, библиотеке Музея истории религии и других собраниях. В 1967 г. часть собрания, состоящая из рукописей, вернулась в дом на Петрозаводскую, где они стали частью архива Санкт-Петербургского института истории РАН. В 2022 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН в рамках проекта «История письма европейской цивилизации» был воссоздан Палеографический кабинет академика Н. П. Лихачева, а в интернет-проекте представлены цифровые копии документов из его собрания, которые позволяют в виртуальной форме реконструировать Музей палеографии в наши дни [12—15].

Петроградский опыт слияния архива и музея был скорее исключением, нежели правилом. В советских республиках проблема взаимоотношений архива и музея решалась через установление жестких рамок размежевания собраний этих институтов памяти. Например, в БССР в 1929 г. было разработано Положение о распределении функций между органами Центрального архивного управления, Белгосбиблиотекой и белорусскими государственными музеями, включая распределение между ними архивных, библиотечных и музейных материалов. Положение обязывало все библиотеки, музеи, научные и другие учреждения, подчиненные Наркомпросу, слать органам Центархива все хранившиеся у них архивные материалы и отдельные документы независимо от того, каким образом они туда поступили [16, с. 176].

В наши дни благодаря развитию цифровых технологий, упрощению доступа к информации и расширению круга пользователей институтов памяти происходит обложение функций архива, музея и библиотеки. Представляя на официальных интернет-страницах информацию о хранищихся документах в виде обзоров фондов, перечней фондов, цифровых выставок документов и т. д.,

они одновременно наделяют документ и свойством архивного документа, и музейного предмета, тем самым стирая видовые границы между архивом и музеем. В работах современных исследователей В. П. Козлова [17], Т. И. Хорхординой [18], Н. И. Химиной [19], М. Ф. Шумейко [20], Ю. Ю. Юмашевой [21] отмечается изменение парадигмы архивного документа и традиционных понятий архива, музея и библиотеки. Исследователи отмечают, что сложившиеся на протяжении долгих лет различия в подходах к учету и использованию документов в архивах, библиотеках и музеях не позволяют создавать объединенные информационные ресурсы без решения ряда проблем.

Современное отдаление архивов и музеев отражается не только в разнице подходов в описании, учете и использовании документального наследия. Фактически в странах постсоветского пространства сложилась такая система, в которой архивы и музеи находятся в разном ведомственном подчинении и опираются в своей работе на нормативные акты, которые не предполагают совместности этих информационных массивов.

В Республике Беларусь отношения, связанные с культурными ценностями, регулируются Кодексом о культуре [22]. Также отдельно выделяется Закон Республики Беларусь «Об архивном деле и делопроизводстве» [23]. Государственные музеи относятся к компетенции Министерства культуры Республики Беларусь, государственные архивы — Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь.

В республике выделяются отдельные комплексы: Национальный архивный фонд Республики Беларусь (НАФ), Библиотечный фонд Республики Беларусь (БФ) и Музейный фонд Республики Беларусь (МФ) (ст. 66 Кодекса о культуре).

Документальные памятники выделяются среди материальных историко-культурных ценностей и определяются как «акты государственных органов, другие письменные, графические и аудиовизуальные документы, в том числе старинные и другие рукописи, архивные документы, редкие печатные издания» (ст. 83 Кодекса о культуре «Виды материальных историко-культурных ценностей»). Также документы, рукописи, печатные издания и другие письменные формы классифицируются как *письменные музейные предметы* (ст. 155 «Предмет музейного значения. Музейный предмет, научный вспомогательный и сырьевой материал, их классификация»). Музейный предмет определяется как «культурная ценность или природный объект, выделенный из окружающей среды в результате научной деятельности, имеющий научную, историческую, мемориальную, художественную и (или) эстетическую ценность, постоянно хранящийся в музее и включенный в музейный фонд».

Таким образом, документы, находящиеся на хранении в государственных музеях Республики Беларусь, могут включаться в состав НАФ или МФ, и все они являются в музеях документальными памятниками, которые относятся к письменным музейным предметам или научному вспомогательному материалу.

В части учета документов Закон об архивном деле и делопроизводстве в ст. 22 определяет: «Архивные документы и документы Национального архивного фонда, хранящиеся в музеях и библиотеках, независимо от места их хранения и вида носителя информации подлежат государственному учету. Порядок государственного учета архивных документов и документов Национального архивного фонда, хранящихся в музеях и библиотеках, устанавливается республиканским органом государственного управления в сфере архивного дела и делопроизводства».

В Кодексе о культуре определяется в ст. 176: «Учет предметов, имеющих музейную ценность, музейных предметов, научных пособий и сырья организуется музеями в целях обеспечения контроля за их использованием и сохранностью, своевременного и достоверного представления информации об их количестве и местонахождении».

Таким образом, документы, хранящиеся в музее, подлежат учету как со стороны музея, так и со стороны Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, если документы включены в состав НАФ.

В части использования документов Закон об архивном деле и делопроизводстве определяет порядок использования только для документов, хранящихся в архивах (ст. 28).

Кодекс о культуре определяет порядок использования документов, хранящихся в музее, в том числе и документов НАФ в ст. 182 «Доступ к музейным предметам, научным вспомогательным и сырьевым материалам, а также к информации о них. Порядок работы посетителей музея с музейными предметами, научными вспомогательными и сырьевыми материалами».

Так, «Доступ к информации, содержащейся в печатных и электронных каталогах музеев, открыт... Сведения о происхождении, стоимости и точном местонахождении музейных предметов, зафиксированные в учетных документах музея, являются сведениями, распространение и (или) предоставление которых ограничено в соответствии с законодательными актами».

Далее в ст. 182 п. 6 отмечается, что «... в целях обеспечения сохранности музейных предметов, научных вспомогательных материалов и сырья и исключения возможного негативного воздействия на них доступ к работе с хранящимися в музее музейными предметами, научными вспомогательными материалами и сырьем может быть ограничен в случае, если... музейный предмет является подлинной формой письменности или изобразительного искусства (документы, рукописи, старопечатные издания, фотодокументы, графика и т. п.)».

Таким образом, свободное использование документов, хранящихся в музеях, возможно только, если они опубликованы в каталогах музея или представлены в экспозиции. Во всех остальных случаях директор музея может ограничить доступ к документам, даже если они входят в состав НАФ Республики Беларусь.

В 1995 г. в Республике Беларусь был опубликован справочник «Документы Национального архивного фонда Республики Беларусь в Национальной библиотеке и музеях системы Министерства культуры и печати Республики Беларусь», который содержит краткую информацию о документах, хранящихся в музеях и библиотеках [24]. Она дается в обобщенном виде, с указанием основных комплексов документов, без указания учетных номеров и названий коллекций и фондов. Фактически справочник дает самое общее представление и не позволяет проводить адресный поиск в музейных фондах.

До настоящего времени музеи Республики Беларусь не подготовили ни одного отдельного каталога, в котором содержалась бы информация о хранящихся в них документах. Таким образом, если следовать нормам Кодекса о культуре, документ, хранящийся в музейных фондах и не выставляющийся в экспозиции, является закрытым для исследования.

Как же исследователь может на практике получить доступ к документу, хранящемуся в музее?

В 2023—2024 гг. научным коллективом исторического факультета Белорусского государственного университета в рамках НИР БРФФИ «Документальное наследие Белорусского государственного университета в отечественных архивах, библиотеках и музеях» проводилось выявление документов в фондах Национального исторического музея Республики Беларусь (НИМРБ) и Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ).

При общем благоприятном отношении руководства и сотрудников музеев научный коллектив столкнулся со следующими сложностями.

В связи с тем, что в НИМРБ и БГМИВОВ не разработан научно-справочный аппарат (описи документов, каталоги, справочники и т. д.), позволяющий исследователям самостоятельно вести поиск в фондах, при выявлении документов приходилось полагаться на помощь хранителей коллекций письменных источников. Сотрудники музеев проводили предварительный подбор материалов, и после этого научный коллектив осуществлял его изучение на предмет соответствия теме.

Таким образом, получалось, что фактически исследователи осуществляли работу совместно с сотрудниками музеев. Предоставление консультаций научных сотрудников, поиск музейных предметов и научно-вспомогательных материалов по заявленной теме является платной услугой. Благодаря содействию руководства обоих музеев для данного исследования была предоставлена возможность получения помощи хранителей музеев на бесплатной основе, за что выражаем им особую благодарность. Однако это было сделано в порядке исключения и не предполагает такой практики для других подобных исследований.

При отсутствии научно-справочного аппарата самостоятельный поиск в музее возможно было бы осуществить по учетным документам. В архивах

традиционно такую роль выполняет опись дел, которая является одновременно учетным и справочным документом. В обоих музеях существует база данных, которая содержит информацию об учетных номерах, заголовках и крайних датах документов, хранящихся в фондах музея. Однако в соответствии с Кодексом о культуре она относится к внутренней документации и запрещена к использованию исследователями. Таким образом, если руководствоваться Кодексом о культуре, то создается противоречие, которое ограничивает конституционное право гражданина на информацию, гарантированное ст. 15 Конституции Республики Беларусь.

Как нам представляется, первым шагом для создания механизмов оближения между архивами и музеями в части работы с документальным наследием могло бы стать изменение норм в отношении использования документов, хранящихся в музеях. Открытие доступа к учетной информации о хранящихся в фондах музеев документальных памятниках, публикация каталогов и описей письменных музейных предметов способствовали бы значительному расширению источниковой базы научных исследований.

Литература и источники

1. Лабынцев, Ю. А. Книжное наследие Н. П. Румянцева / Ю. А. Лабынцев. — М.: Наука, 2004. — 206 с.
2. ОПИГИМ. — Ф. 261 Ед. хр. 7 (Выписки из указов царя Бориса Федоровича Годунова кн. Львову Матвею Даниловичу; Копия письма Екатерины II к Румянцеву-Задунайскому; Копия двух грамот 1497 и др. тексты и рисунки, выполненные на прозрачной бумаге).
3. Протоколы первого съезда архивных деятелей РСФСР, 14—19 марта 1925 г. / под ред. Н. Ф. Бельчикова и В. В. Максакова. — М.; Л., 1926. — 312 с.
4. Хорхордина, Т. И. «Неизвестный» Маяковский / Т. И. Хорхордина. — М.: РГТУ, 2001. — 95 с.
5. Хорхордина, Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди / Т. И. Хорхордина. — М.: РГТУ, 2003. — 525 с.
6. Маяковский, И. Л. Архив, библиотека и музей / И. Л. Маяковский // Архивное дело. — 1926. — Вып. 5—6. — С. 45—56.
7. Маяковский, И. Л. Архив, библиотека и музей / И. Л. Маяковский // Архивное дело. — 1926. — Вып. 7. — С. 21—36.
8. Резолюция по докладу Англинского С. А. «Пропаганда архивного дела» и Нечаева В. Н. «Музеи при архивах» // Архивное дело. — 1923. — Вып. 1. — С. 131.
9. Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918—1928 гг.: сб. док.: В 2 т. / отв. ред. О. Н. Копылова. — М.: Кучково поле, 2018. — Т. 1: 1918—1920 гг. — 1040 с.
10. Нечаев, В. Н. Архивный музей в Ленинграде / В. Н. Нечаев // Архивное дело. — 1925. — Вып. 2. — С. 63—68.
11. Алексеев, В. Архивы в музеях / В. Алексеев // Архивное дело. — 1925. — Вып. 2. — С. 60—62.
12. Музей палеографии. — Л., 1925. — 8 с.

13. Свойский, М. Л. Институт книги, документа и письма по материалам Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР / М. Л. Свойский // Книга: исследования и материалы. — М., 1975. — Сб. 30. — С. 185—194.
14. Свойский, М. Л. Музей палеографии / М. Л. Свойский // Вопросы истории. — 1977. — № 4. — С. 211—215.
15. Мещерская, Е. Н. Музей палеографии акад. Н. П. Лихачева и его судьба. 1925—1930 / Е. Н. Мещерская, Е. К. Пиотровская // «Звучат лишь письма». ... К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. — СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. — С. 49—65.
16. Шумейко, М. Ф. О взаимодействиях архивов, музеев, библиотек в деле сохранения социальной памяти человечества / М. Ф. Шумейко // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДДАС, 2023. — Вып. 24. — С. 173—178.
17. Козлов, В. П. Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти / В. П. Козлов // Отечественные архивы. — 2004. — № 6. — С. 71—75.
18. Хорхордина, Т. И. Музей, библиотека, архив: к истории вопроса о разграничении понятий и современные тенденции к интеграции / Т. И. Хорхордина // Смысл истории: журнал историческо-философского общества. — 2020. — № 2. — С. 157—166.
19. Химица, Н. И. Основные проблемы собирания документального наследия и создания ГАФ СССР в 1917—1930-е гг. / Н. И. Химица // История и архивы. — 2021. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-sobiraniya-dokumentalnogo-naslediya-i-sozdaniya-gaf-sssr-v-1917-1930-e-gg> (дата обращения: 22.04.2024).
20. Шумейко, М. Ф. Архивы, музеи, библиотеки как хранилища документированной коллективной памяти народов мира / М. Ф. Шумейко // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі. — Мінск: НББ, 2019. — Вып. 22. — С. 54—72.
21. Юмашева, Ю. Ю. К вопросу о возможности объединения информационных ресурсов архивов, библиотек и музеев Российской Федерации / Ю. Ю. Юмашева // История и архивы. — 2023. — Т. 5. — № 2. — С. 65—83.
22. Кодекс Республики Беларусь от 20 июля 2016 г. № 413-З «Кодекс Республики Беларусь об культуре» // Информационно-поисковая система «Эталон on-line». — Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk1600413>. — Дата доступа: 21.03.2024.
23. Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. № 323-З «Об архивном деле и делопроизводстве» // Информационно-поисковая система «Эталон on-line». — Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=H11100323>. — Дата доступа: 21.03.2024.
24. Документы Национального архивного фонда Республики Беларусь в Национальной библиотеке и музее системы Министерства культуры и печати Республики Беларусь / сост.: О. А. Добычина, В. И. Пашникова. — Минск: БелНИИДАД, 1995. — 167 с.

Арткул наступіў у рэдакцыю 28.11.2024

*З. В. Антановіч,
дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
e-mail: zinantonowicz@gmail.com*

ДАКУМЕНТАЦЫЯ ПРАДСТАЎНІЦТВАЎ ХРЫСЦІЯНСКІХ КАНФЕСІЯў БЕЛАРУСІ ЯК АБ'ЕКТ КАМЕРАЛЬНАЙ АРХЕАГРАФІІ ХІХ—ХХІ стст.

І. Грыгаровіч — складальнік першага беларускага археаграфічнага выдання — распачаў беларускую археаграфію з публікацыі найбольш старажытных дакументаў з канфесіянальных архіваасховішчаў [1]. Сёння ў дзяржаўных архіваасховішчах Рэспублікі Беларусь маецца канфесіянальная дакументацыя епархіяльнага, благачыннага (дэканатнага) і прыходскага ўзроўняў [2]. Найбольш інфарматыўнай з сацыяльна-палітычнага і эканамічнага пунктаў гледжання з'яўляецца першая з названых, якая паводле статусу фундаўтваральнікаў адлюстроўвае спецыфіку грамадска-палітычнага развіцця беларускіх зямель. Яе можна падзяліць на сістэмы агульнай і спецыяльнай (канфесіянальнай) справяднай дакументацыі. Першай з іх забяспечвалася функцыянаванне адпаведных органаў і іх узаемадзеянне з рознымі арганізацыйнымі адзінкамі, а таксама прыняцце кіраўніцкіх рашэнняў. Адпаведна, у яе складзе вылучаецца шэсць падсістэм дакументацыі: распарадчая, працольная, перапіска, па асабовым складзе духавенства і служачых (кадравая), рэгістрацыйна-ўліковая і архіўная. Канфесіянальная дакументацыя забяспечвала ўзаемадзеянне з органамі дзяржаўнай і мясцовай улады, уласным і іншым канфесіянальным кіраўніцтвам, прыватнымі асобамі ў мэтах адміністравання епархіяльнай дзейнасці і выканання непасрэдных функцый. Яна па функцыянальнай прыкмеце ўключае наступныя падсістэмы дакументацыі: адміністрацыйную, ўлікова-статыстычную, дамоўную, рэгістрацый грамадзянскага стану, канверсійную (міжканфесіянальныя пераходы), судовую [3, с. 74—146]. Адпаведна, спецыфіку іх дакументацыі, як аб'екта камеральнай і здымчай археаграфіі, складае адлюстраванне сацыяльных і грамадска-палітычных працэсаў на вызначаных тэрыторыях, аднак яна праяўляецца толькі ў сукупнасці дакументаў, звязаных справавадымі працэсамі. Напрыклад, публікацыя ўказа обер-пракурора Сінода 1803 г. аб пазначэнні зместу дакумента ў перапісцы магла б прадставіць толькі факталагічныя звесткі, а пазначэнне таго, што толькі тры прадстаўнікі духавенства з 17 адпаведным чынам аформілі рэпартаў аб атрыманні ўказа, дазваляе характарызаваць сацыяльныя працэсы [4].

У сувязі з азначаным вышэй выключнае значэнне набывае камеральны напрамак археаграфічных работ [5, с. 91; 6, с. 13—14]. Ад звестак, якія будуць апісаны, і якасці праведзенай археаграфіі працы залежыць увядзенне дакумента ў навуковы ўжытак. Ключавымі элементамі работ з'яўляюцца загаловкі і легенды, што набліжае камеральную археаграфію да архіўнай справы [5, с. 91] і разглядаецца ў ладзеным артыкуле. Аднак маюцца значныя ўлас-

ціваці, на якія звяртаюць увагу даследчыкі і практыкі. У прыватнасці, у метадыцы архіўнай справы апісанне ажыццяўляецца не толькі падакументна, але і паадлінкава, а таксама ў мэтах стварэння навукова-даведачнага апарату дапускаюцца групавыя загалюжкі [7, ст. 206—207]. Пры гэтым другі падыход прэваліруе, што не адпавядае патрэбам археаграфіі з пераважнай колькасцю тэматычных выданняў. Структура археаграфічнай легенды ў адрозненне ад тэматычнага архіўнага апісання, якое ўключае пошукавыя даныя, мову і тып фіксацыі інфармацыі, пашырана звесткамі капійнасці дакумента, наяўнасцю іншых тэкстаў і публікацый, знешнімі прыкметамі [8—12]. Гэта тлумачыцца мэтай падрыхтоўкі. Архівісты складаюць тэматычныя карткі для садзейнічання з’уркстычнай працы даследчыкаў, якія будуць звяртацца да канкрэтнага дакумента ў справе, разглядаючы яго ў сукупнасці ўзаемазвязаных па розных прыкметах дакументаў. Археаграфы, аб’ектыўна не маючы магчымасці апублікаваць усе выяўленыя дакументы, вымушаны канцэнтравана на падрыхтоўцы публікацый найбольш значных дакументаў для даследавання гэтых гістарычных працэсаў (за выключэннем пафондавых публікацый). Пры гэтым асноўнай мэтай апошніх з’яўляецца ўвядзенне дакумента ў навуковы ўжытак, што патрабуе пільнай увагі да выбару аб’екта публікацыі з сукупнасці выяўленых і апісаных крыніц. У ліку крытэрыяў адбору У. П. Казлоў звярнуў увагу на звённасць у дакументацыйным працэсе [13, с. 113], што ўласціва для XIX ст. [13, с. 260], зыходзячы з захаванасці матэрыялаў, развіцця справаводства і архіўнай справы, што набывае ключавое значэнне ў дачыненні дакументацыі канфесіянальных прадстаўніцтваў і органаў іх кіравання.

Першым да канфесіянальнай дакументацыі звярнуўся І. Грыгаровіч. Ён таксама распрацаваў фармуляр апісання дакументаў, у які ўключыў змест і звесткі пра дату, мову, месца, матэрыял і почырк [14, с. 164]. Хаця ў легендзе адзначана месца захоўвання выдаваемай дакументацыі, незразумелым застаецца яе месца ў комплексе дакументаў і шляхі атрымання, што планавалася адзначаць на паявым этапе археаграфічнай дзейнасці [15, с. 24]. Напрыклад, «Грамота Стефана, каторою, на аснове конфедэрацыйнага пастановлення 1573 года, істоведаюшчыя праваславному Веру уволены от прынятия новоисправленного Календаря, и предоставлена им свобода строить и возобновлять храмы и училища», выддзеная ў 1585 г. У легендзе было пазначана, што арыгінал быў прадстаўлены гомельскім старастам Багданам Сапегам у Віленскі трыбунальскі суд для актывацыі ў 1585 г., а выпіс здзейснены ў 1613 г. Пры гэтым значныя аспекты з пункту гледжання справаводства засталіся нераскрытымі, у тым ліку ў адпаведнасці з якой нагоды гэты дакумент трапіў у архіўскі архіў, дзе захоўваўся пад № 43 [1, с. 42—45]. У іншым выпадку ў архіве Магілёўскай праваслаўнай кансісторыі захоўвалася «Грамота Сигизмунда: об отобрании Могилевского Спасского монастыря от Полоцкого Епископа Феофана и о поручении его в ведение граждан со всеми, к нему принадлежащими, угодьями». У легендзе пазначана, што на пергаментнай грамаце маюцца подпі-

сы вялікага князя літоўскага і падканцлера Л. Сапері, а таксама пячатка з яе апісаннем. Значным для даследчыкаў з'яўляецца тое, што дакумент захоўваўся ў архіве Магілёўскай праваслаўнай кансісторыі пад № 7 [1, с. 57—58]. На самой справе захаваліся звесткі, што ў архіве азначанай кансісторыі да 1915 г. мелася 948 адзінак фундушавых і грашовых дакументаў, якія належалі манастырам і цэрквам за 1575—1820 гг. Гэты дакумент мог быць сярод іх або ў вопісе з 3075 спраў за 1584—1798 гг., які быў зашыфраваны пад літарай «А» [16].

Сваю работу І. І. Грыгаровіч працягнуў у Санкт-Пецярбургу, выдаў «Акты, относящиеся к истории Западной России», якія сталі вынікам працы Археаграфічнай камісіі. Паводле яе распараджэння старажытныя дакументы з архіваў Магілёўскай, Полацкай і Мінскай праваслаўных епархій, Магілёўскай праваслаўнай семінарыі і Віленскай рымска-каталіцкай капітулы былі перададзены ёй. З дакументаў, якія захоўваліся ў сталічных і прыватных сховішчах, былі зроблены выпісы [17, с. I—III]. Ім захаваліся падыходы да складання загаловаў, а легенды складаліся падрабязней з-за павелічэння звестак аб бытаванні дакументаў. Напрыклад, «Жалованая грамота Мстиславской княгини Июлиании Николаевской церкви в погосте Даниловском, на сельцо Гридько с угодьями и доходами» ад 4 чэрвеня 1461 г. трапіла з архіва Полацкай праваслаўнай кансісторыі ў экстракте з актавых кніг Смаленскага ваяводства 1642 г. У легендзе да яе, у адпаведнасці з рэкамендацыямі І. Грыгаровіча, было адзначана, што прадстаўлены выпіс «был писан современным белорусским почерком, и скреплен подписью Смоленского земского Писаря Николая Воронца и двумя судейскими печатями, от которых уцелели небольшие остатки красновосковой массы. Ветх» [17, т. 1, с. 79]. Адначасова ў Мінску былі выдзелены таксама найбольш старажытныя прыклады канфесіянальнай дакументацыі. Складальнікі збору апублікавалі загаловкі ў выглядзе спісу дакументаў, захоўваючы ранейзакладзеныя падыходы, а легенды абагулена адзначылі ў прадмове з пазначэннем пасля акта, з арыгінала ён друкуецца або з копіі, аднак не пазначана месца знаходжання або паходжання арыгінала [18, с. II].

Члены Віленскай археаграфічнай камісіі ў т. XVI апублікавалі шэраг дакументаў па распараджэннях і тлумачэннях па справе аб пераходзе ўніятаў у рымска-каталіцызм, якія захоўваліся ў звязцы 140 Віленскай публічнай бібліятэкі [19, с. 268—323]. Яны выкарыстоўвалі кароткі заглавак з адзначэннем даты дакумента і зместу. Пры гэтым загаловкі часам патрабуюць удакладнення з пункту гледжання арганізацыі канфесіянальнага справаводства. У прыватнасці, пад заглаўкам «Следственное дело о совращении униатов в латинство коендром Палюдовничкого костела» ад 1814—1815 гг. маюцца ўказы членам следчай камісіі і іншыя дакументы, аднак загаловкі складзены толькі да распарадчых дакументаў. Пры гэтым апушчаны від дакумента [19, с. 273—310]. Аналагічным чынам апублікавана справа аб Гарсплянскім касцёле, якая датуецца першай трэцю XIX ст. [19, с. 311—318]. Дарэчы, Віленскай публічнай бібліятэкай былі апісаны 495 пергамінных распарадчых і фундушавых дакументаў [20] па Вілен-

скай епархіі, якія захоўваліся ў яе рукапісным аддзеле. Апісанні дакументаў уключаюць іх загаловкі, а знешнія прыкметы пазначаны абагулена ў прадмове [20, с. П]. Напрыклад, для наступнага дакумента: «1724 г., декабря 4. Форма присяги, произнесенной Смоленским епископом Карлом Панцержинским при поступлении на Виленскую епископскую кафедру» — пазначана толькі мова [20, с. 27].

У канцы XIX ст. таксама было апублікавана некалькі выданняў, якія ўключалі канфесіянальную дакументацыю. Сярод іх А. П. Сапуноў апублікаваў пад групавым заглаўкам «Две королевские грамоты о пожаловании церкви Св. Иоанна Богослова в Витебске земли на Плоской горе со льготами крестьянам, которые поселятся на ней» ад 31 ліпеня 1522 г. Яны захоўваліся ў архіве Віцебскага Успенскага сабора, прычым другая тройчы была апублікавана раней, а таксама былі апісаны знешнія прыкметы дакумента [21, с. 42—43]. Іншы археограф А. І. Мілавідаў падчас публікацыі акцэнтаваў, што матэрыялы Пінскага Ляшчынскага манастыра былі перададзены ў архіў уніяцкіх мітрапалітаў, Мінскай праваслаўнай кансісторыі, а таксама трапілі ў прыватныя рукі. На момант агляду ім было зафіксавана 20 звязак, у якіх налічвалася да 800 дакументаў, згодна з вопісам [22, с. 5—6].

У XX ст. матэрыялы дзейнасці канфесіянальных устаноў прыцягвалі мала ўвагі археографам [24], у адрозненне ад ідэолагаў, хача развілася археографічная думка. Так, у 1930-я гг. былі ўдасканалены падыходы да камеральнай археографіі. У прыватнасці, планавалася скарыстаць магчымасці выкарыстання ўласнага заглаўка або рэдакцыйнага складальнікамі з абавязковым захаваннем тэрміналагічных уласцівасцей эпохі дакумента, аднак прадугледжвалася таксама магчымасць скарачэння заглаўка [13, с. 275—277, 290]. Аднак публікацыя архіўных фондаў органаў епархіяльнага кіраўніцтва здзяйснялася часта ў папулярызатарскіх мэтах, таму публікаваліся ў вытрымках. Напрыклад, са справаздачы Магілёўскага праваслаўнага епіскапа за 1908 г. [23] былі апублікаваны толькі звесткі пра адукацыйна-выхаваўчую дзейнасць [25, с. 39] пад тытулам «Из отчета Могилевской епархии за 1908 г. об использовании церковью школ для воспитания детей в духе поклонения церкви, царю, отказа от революционной борьбы. Не ранее 30 января 1910 г.». Гэтая ж справаздача выкарыстана ў якасці доказаў неадпаведных паводзін духавенства [25, с. 137—138]. У іншых выпадках выбіраліся матэрыялы скаргавага характару на духавенства, такія як «Из жалобы крестьян мест. Койданово Минского у. в Могилевскую римско-католическую консисторию на коендза за вымогательства денег при совершении обрядов. 7 июня 1897 г.» [25, с. 136—137]. Для гэтай публікацыі была выкарыстана справа пра коендза Градзішкага [26], аднак у легендзе пазначаны нумар справы да перашыфроўкі, што ўскладняе доступ да яе.

Сярод дзяржаўных архіваў Рэспублікі Беларусь да публікацыі і апісання канфесіянальнай дакументацыі звярнуліся абласныя архівы [27—31]. Улічваючы склад іх фондаў, яны выдалі дакументы пачатку XX ст. пераважна арга-

нізайшыйна-распаратчага і даведчына-інфармацыйнага характару [30, с. 5]. Сярод іх «Архипастырское обращение Епископа Минского и Туровского Мелхиседека о помощи голодающим Поволжья» і «Письмо представителя БГУ И. В. Герчикова заведующему Ликвидационным отделом НКЮ товарищу Конокотину о выделении людей и денежных средств для ликвидации крестов и куполов Вознесенской церкви, переданной в ведение университета». У апошнім выпадку адсутнічала перадача рэквізітаў бланка, што адпавядае метадычным рэкамендацыям, якія выкарыстоўваліся падчас падрыхтоўкі зборніка, а легенда абмежавана пазначэннем пошукавых даных, арыгінальнасці і спосабу фіксацыі дакумента [12, с. 33; 30, с. 25—27, 38—39].

У рамках рэалізацыі планавай навуковай тэмы ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (далей — НГА Беларусі) да канфесіянальнай дакументацыі звярнуўся Д. В. Лісейчыкаў. Ім падрыхтавана павідавая публікацыя. Яе таксама вылучае з шэрагу іншых спроба рэалізацыі справаводнага падыходу, які адлюстравваўся ў публікацыі ўказаў мітрапаліта кіеўскага, галіцкага і ўсёй Русі Кіпрыяна Жахоўскага аб пачатку правядзення візітацый Мінскага афіцыяла 1681 г. і збору падаткаў за яе правядзенне [32, с. 55—56], хаця іншыя давізітацыйныя і паслявізітацыйныя дакументы не апублікаваны [32, с. 10], а самі візіты падатковы ў храналагічным парадку. Пры гэтым у загалюках візіт апущана відавочнае азначэнне дакументаў, што адпавядае метадычным парадкам [9, с. 17—102; 10, с. 22—39], а легенда абмежавана пошукавымі данымі і пазначэннем папярэдніх публікацый дакумента.

Такім чынам, канфесіянальная дакументацыя, пачынаючы з першага беларускага зборніка, прыцягвала ўвагу археографію, аднак выбар аб'ектаў публікацыі і аб'ём камеральных работ дазваляюць вылучыць чатыры перыяды ў яе развіцці. Першы ахоплівае першую трэць і сярэдзіну XIX ст., калі палівяы і камеральныя работы канцэнтраваліся вакол найбольш старажытных дакументаў, якія адкліліся ў архівах канфесіянальных устаноў у якасці ўваходных дакументаў. Пры гэтым І. Грыгаровіч, фармулюючы падыходы да апісання крыніц, выпрацаваў структуру загалюка, а таксама пазначэнне шляхоў выяўлення дакумента, што змянілася ў другой палове XIX ст. — пачатку XX ст. (другі перыяд). У прыватнасці, аб'ектам апісання з утварэннем Віленскай археографічнай камісіі становяцца матэрыялы XVIII—XIX стст. Тэматычны прынцып складання выданняў абумовіў выключэнне крыніц са справадных сувязей. У XX ст. (трэці перыяд) замацоўваюцца падыходы да апісання дакументаў на агульнадзяржаўным узроўні. Пры гэтым, калі ў структуры загалюка і легенды назіралася пераймальнасць з папярэднімі перыядамі, то аб'екты камеральнай археографіі з ліку канфесіянальнай дакументацыі пашыраюцца відавочным складам і храналагічна. У прыватнасці, з'яўляюцца публікацыі ўліковай дакументацыі за XIX — першую трэць XX ст., аднак гэта пераважна ў выданнях палулярнага характару. Хаця тэматычныя выданні працягваюць прэваліраваць, нешматлікія павідавыя публікацыі з'яўляюцца на сучасным этапе (чашвёрты перыяд) адначасова са зваротам

да старажытных дакументаў і захаваннем камеральных падыходаў. У тэматычных публікацыях па-ранейшаму назіраецца схематызм у камеральных аспектах. Аднак, у мэтах пашырэння крыніцавай базы сацыяльна-палітычных даследаванняў мэтагодна зрабіць больш разнастайным відавы склад аб'ектаў публікацыі са складу канфэсіяльнай дакументацыі.

Крыніцы і літаратура

1. Беларускі архіў древніх грамот. — Ч. 1. / с прадисл. И. И. Григоровича. — М.: Тип. С. Селивановского, 1824. — XVI + 148 с.
2. Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Сайт «Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь». — Режим доступа: <http://fk.archives.gov.by>. — Дата доступа: 20.10.2024.
3. Антановіч, З. В. Архівы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх кансісторый: гісторыя, структура, склад дакументаў (1782—1918 гг.) / З. В. Антановіч. — Мінск: Экоперспектива, 2016. — 226 с.
4. НГА Беларусі. — Ф. 136. Воп. 1. Спр. 1517.
5. Шумейко, М. Ф. Орologi и месте археографии в ряду специальных исторических дисциплин источниковедческого цикла / М. Ф. Шумейко // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. — Вып. 1 / рэдкал.: С. М. Ходзян (адк. рэдактар) [і інш.], — Мінск: БДУ, 2002. — С. 89—105.
6. Афиани, В. Ю. Археография в междисциплинарном контексте / В. Ю. Афиани // «Стены и мосты» — III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности: материалы Международной научной конференции, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 25—26 апреля 2014 г. / Г. Г. Ершова (отв. ред.), М. М. Кром, Б. Н. Миронов, И. М. Савельева, В. А. Шкуратов, Е. А. Долгова; Центр междисциплинарных гуманитарных исследований РГГУ. — М.: Академический проект, Гаудеамус, 2015. — С. 10—18.
7. Об утверждении Правил работы государственных архивов: пост. Министерства юстиции Республики Беларусь, 31.08.2022, № 119 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&rp0=W22238797>. — Дата доступа: 20.10.2024.
8. Метадальныя рэкамендацыі да публікацыі лацінскіх дакументаў XIII—XIV стст. / аўт.-склад А. А. Жлутка. — Мінск: БелНДДАС, 2005. — 50 с.
9. Метадальныя рэкамендацыі па публікацыі кірылічных дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі канца XVIII — пачатку XX ст. / склад: В. С. Позднякоў, М. Ф. Шумейка. — Мінск: БелНДДАС, 2016. — 88 с.
10. Метадальныя рэкамендацыі па публікацыі польскамоўных дакументаў па гісторыі Беларусі XVI — першай паловы XIX ст. / склад А. І. Шаланда. — Мінск: БелНДДАС, 2012. — 47 с.
11. Метадальныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных аставых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII—XVIII стст., перыяд Вялікага княства Літоўскага) / аўт.-склад А. І. Груша. — Мінск: БелНДДАС, 2003. — 168 с.
12. Методические рекомендации по публикации документов и материалов по истории Беларуси 1917—1991 гг. / сост.: В. С. Поздняков [и др.]. — Мінск: БелНИИДАД, 2014. — 90 с.

13. Теория и практика белорусской археографии (XVIII—XX вв.): сборник документов / сост. М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 2013. — 366 с.
14. Яцкевіч, З. Л. Мікалай Рыгоравіч Гартыньскі — гісторык і археограф / З. Л. Яцкевіч // Беларускі археографічны штогоднік. — Минск: БелНДДАС, 2002. — Вып. 3. — С. 162—168.
15. Нікалаеў, М. В. Метадзныя рэкамендацыі І. І. Грыгаравіча па апісанні беларускіх рукапісных кніг / М. В. Нікалаеў // Беларускі археографічны штогоднік. — Минск: БелНДДАС, 2002. — Вып. 3. — С. 21—25.
16. НГА Беларусі. — Ф. 2301. Воп. 1. Стр. 1.
17. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. В 5 т. (1846—1853 гг.). — Т. 1—2. — Санкт-Петербург: Тип. Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1846. — V + 375 + 24 + 15 с.; 1848. — III + 405 + 15 + 14 с.; тт. 3—5. — Санкт-Петербург: Тип. Э. Праца, 1848. — VIII + 317 + 17 + 8 с.; 1851. — VIII + 529 + 25 + 20 с.; 1853. — VII + 288 + 7 + 21 с.
18. Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. — Минск: Губ. тип., 1848. — 2 + XLVIII + 402 с.
19. Акты Виленской археографической комиссии. — Т. 16: Документы, относящиеся к истории Церковной Унии в России, [1595—1889 гг. / предисловие Ю. Крачковского]. — Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1889. — 159 с.
20. Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. — Вып. 3. / предисл. К. Снитко. — Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1898. — 704 с.
21. Витебская старина / составил и издал А. Сапунов. — Витебск, 1883. — Т. 1. — 668 с.
22. Архив упраздненного Пинского Лещинского монастыря / текст и сост. А. И. Миловидов. — М.: Изд-во ун-та, 1900. — 33 с.
23. НГА Беларусі. — Ф. 2301. Воп. 1. Стр. 139.
24. Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов. — Т. 3. Воссоединение Белоруссии с Россией и ее экономическое развитие в конце XVIII — первой половине XIX века (1172—1860) / сост.: В. В. Чепко и В. В. Шатило. — Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1961. — 625 с.
25. Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Беларуси / сост.: А. М. Комаров [и др.]; ред.: А. И. Залесский, А. И. Азаров. — Минск: Беларусь, 1964. — 272 с.
26. НГА Беларусі. — Ф. 1781. Воп. 20. Стр. 167.
27. Гродненская православная епархия (1921—1939): документы и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Республики Беларусь, Гос. архив Гродненской области, сост.: Л. В. Кисель [и др.]; научн. ред.: С. В. Силова, А. С. Горный, прот. Александр Великевич. — Гродно: Гродненская типография, 2015. — 127 с.
28. Конфессии на Гомельщине (20—30-е годы XX в.): документы и материалы / Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Республики Беларусь, Нац. арх. Республики Беларусь, Гос. арх. Гомел. обл., Гомел. гос. ун-т; сост.: М. А. Алейникова, З. А. Александрович, Я. Н. Блажей, А. Д. Лебедев, В. П. Пичуков, В. Д. Селеменов, под ред. В. П. Пичукова; редкол.: В. И. Адамушко, В. Е. Казаченок, Е. В. Кушнова, Н. К. Рудаковский, В. Д. Селеменов, В. В. Скалабан, П. М. Черный. — Минск: НАРБ, 2013. — 387 с.
29. Православная церковь на Витебщине (1918—1991): документы и материалы / Отдел по архивам и делопроизводству Витеб. обл. исполкома; Гос. архив Витеб. обл.; Витеб. отделение Археогр. комис. Комитета по архивам и делопроизводству при Совете

- Министров Республики Беларусь; сост.: В. П. Коханко (отв. сост.), Н. В. Воронова, А. М. Киселев, М. В. Пищуленок, В. Г. Ширма; редкол.: М. В. Пищуленок (гл. ред.), Т. А. Драбкіна, В. П. Коханко, Л. В. Лазаренок, Т. В. Лойко, Л. А. Молчун, Т. М. Свистунова. — Минск: НАРБ, 2006. — 364 с.
30. Религиозная жизнь на Минщине (1918—1941 гг.): документы и материалы / сост. В. М. Матюх [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. — Минск: А. Н. Бараксин, 2015. — 216 с.
31. Частные и конфессиональные владения на территории Оршанского и Сенненского уездов в начале XX века: документы и материалы / Зональный государственный архив в г. Орше; сост.: Е. С. Агеева, Т. В. Лойко. — Витебск: Витебская областная типография, 2013. — 160 с.
32. Уніяцкія царквы Вялікага Княства Літоўскага XVII ст.: матэрыялы генеральных візітацый / уклад, Д. В. Лісейчыкаў. — Минск: НГАБ, 2021. — 320 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28.11.2024

*Н. С. Соломкина,
аспирант кафедры источниковедения
исторического факультета Белорусского государственного университета;
e-mail: Solomkina.nadezhda@mail.ru*

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЦИФРОВЫХ ВЫСТАВОК АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ НА САЙТАХ РЕСПУБЛИКАНСКИХ АРХИВОВ БЕЛАРУСИ (2005—2024 гг.)

Цифровые выставки архивных документов являются неотъемлемым и перспективным направлением в использовании архивных документов. С 2012 г. цифровые выставки в привычном для нас виде стали активно появляться на сайтах архивных учреждений, что способствовало привлечению интереса пользователей к архивным материалам. На сегодняшний день цифровая выставка дает не только удаленный доступ к документам, но и выполняет образовательную функцию.

На сайтах республиканских архивов представлено более 150 цифровых выставок, посвященных историческим событиям, происходящим на территории Беларуси, юбилеям выдающихся художников, писателей, поэтов, политических деятелей, развитию промышленности, образования и культуры.

Первые попытки создания цифровых выставок были предприняты в 2005 г., и размещались выставки на сайте «Архивы Беларуси». Цифровые выставки представляли собой перечни архивных документов без оцифрованных архивных копий, которые составлялись по тематическим признакам. С 2007 г. на сайте «Архивы Беларуси» цифровые выставки стали размещаться отдельным пунктом в перечне вкладок. Выбор тематики проектов был обусловлен как социальной значимостью исторических событий, так и актуальностью и наличием информационного повода. Эти проекты были представлены оцифрованными документами с сопровождающим их текстом и в большинстве своем были посвящены Великой Отечественной войне: «Партизанские зоны на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны», «Участники партизанского движения в Беларуси — руководители БССР и ССР в 50—70-е годы XX века», а также классикам белорусской культуры «Классики мировой литературы Янка Купала и Якуб Колос», «К 120-летию со дня рождения Максима Богдановича», «К 80-летию со дня рождения Владимира Короткевича» и др. [6]. На выставках были представлены официальные документы, а также дневники, письма современников, воспоминания. В основном на выставках преобладали текстовые документы на русском и белорусском языках, фотографии, рисунки, карты, схемы, фото- и кинодокументы (голоса писателей, военные песни, фрагменты из художественных фильмов). Данные выставки являлись, в современном понимании, первыми попытками оформления цифровых выставок в интернет-пространстве. Они были мало оснащены поисковыми данными и представляли

собой небольшой комплекс оцифрованных документов с краткой аннотацией. Размещение выставок на сайте «Архивы Беларуси» способствовало централизации всех архивных ресурсов, оцифрованных архивных документов на одной платформе и было вызвано отсутствием у некоторых республиканских архивов собственных сайтов [1].

Похожими попытками организации цифровых выставок в 2010 г. были совместные проекты Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов (БГАКФФД) и белорусского интернет-портала TUT.by: «Это мы», «Как это было», «Всемирное фото», «Голоса эпохи». Через пять лет Белорусским государственным архивом научно-технической документации (БГАНТД) и компанией программистов UXpresso был подготовлен проект «Город, восставший из руин и пепла» [6].

В 2005—2020 гг. флагманом в подготовке цифровых выставок, архивных проектов являлся Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации (БелНИЦЭД). Не все республиканские архивы имели собственные официальные сайты, поэтому архивные учреждения представляли каталоги и цифровые копии документов в БелНИЦЭД для размещения их в сети Интернет и на сайте «Архивы Беларуси». Контроль за координацией осуществлял Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь. На сайте экспонировались 18 архивных учреждений и 2 мемориальных музея. Это все республиканские архивы и государственные областные архивы, а также зональные архивы в городах Барановичи, Орша, Кобрин и Мозырь. Наиболее весомый вклад внесли Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ), БГАКФФД, Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).

С 2020 г. цифровые выставки перестали размещаться на сайте «Архивы Беларуси», а стали экспонироваться только на официальных сайтах архивных учреждений [1].

Несмотря на активное появление и подготовку цифровых выставок на сайтах архивных учреждений, проблемным остался терминологический вопрос — общепринятое обозначение размещенных в сети Интернет оцифрованных архивных документов. Первые размещенные на сайте «Архивы Беларуси» выставки находились в разделе «Тематические разработки и базы данных», позже цифровые выставки были без названия и локализовались в одном ряду со всеми вкладками. Постепенно, с появлением официальных сайтов архивных учреждений стали появляться вкладки: «выставка» (НИАБ, НИАБ в г. Гродно, БГАМЛИ, БГАНТД), «виртуальная выставка» (НАРБ), «онлайн-выставка» (БГАКФФД). В терминологическом обозначении цифровых выставок на сайте БГАКФФД возникает противоречия. Во вкладке «онлайн-выставка» размещены «виртуальные фотовыставки» с использованием видео- и аудиоматериалов. Например, для выставки «Создатель белорусских железных “зубров”» использу-

ется формулировка «виртуальная фотовыставка», на которой представлены архивные видеофрагменты передач выступлений академика Национальной академии наук Беларуси, Героя Беларуси М. С. Высоцкого [3]. При этом методические рекомендации, вышедшие в 2022 г. в БелНИЦЭД, описывают методику создания интернет-выставок [11]. Так, на сайтах республиканских архивов и в методических документах можно встретить термины, характеризующие выставочную деятельность архивных документов в интернет-пространстве: «виртуальная выставка», «интернет-выставка», «выставка», «онлайн-выставка», «виртуальная фотовыставка», что в значительной степени дезориентирует пользователей.

Ведущими в подготовке цифровых выставок архивных документов являются республиканские архивы Беларуси. Цифровые выставки, размещенные на сайтах республиканских архивов, в основном посвящены памятным датам и юбилеям персоналий. Тематика выставок зависит от специфики документов архива и их хронологических рамок.

Выставки, представленные НАРБ, отражают становление белорусской государственности («Ко Дню Октябрьской революции», «105-летие провозглашения БССР», «17 сентября 1939 года»), события Великой Отечественной войны и послевоенного периода («Штабу приступить к работе...», «Карты городов Беларуси периода Великой Отечественной войны», «Мінск, які паўстаў з руін...», «Беларусь — путь в ООН»), юбилей государственных учреждений («МДЛУ — 75 гадоў!»), приурочены памяти аварии на Чернобыльской АЭС («35 лет со дня аварии на Чернобыльской АЭС»), юбилеям советских политических деятелей, военнослужащих, партизан («110 лет со дня рождения Мазурова Кирилла Трофимовича», «125 лет со дня рождения Коржа Василия Захаровича», «110 лет со дня рождения Карпачёва Афроима (Ефрема) Моисеевича», «90 лет со дня рождения Якубовского Якова Адамовича»).

С 2023 г. наблюдается значительное разнообразие в тематике цифровых выставок НАРБ, так появляются выставки: «Международный День семьи», «Путешествие в мир новогодних открыток», «Открытие первой в Беларуси оберегательной кассы», «Женщины создают историю» и др. Все цифровые выставки НАРБ выполнены по шаблону: название выставки, аннотация и фотогалерея с оцифрованными архивными документами. На выставках имеются ссылки на поисковые данные архива, заголовок документа и водяные знаки архива [7].

Дореволюционный период истории Беларуси отражен в цифровых выставках НИАБ и НИАБ в г. Гродно. С 2015 г. цифровые выставки размещаются на официальном сайте НИАБ. Тематика цифровых выставок исключительно отражала юбилей персоналий: «Да 125-годдзя з дня нараджэння класіка беларускай літаратуры М. А. Багдановіча», «Да 155-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага», «К 170-летню со дня рождения Я. Д. Черского», «Да 150-годдзя з дня нараджэння М. В. Доўнар-Запольскага» и др. Сегодня тематика выставок отражает историю войн XIX — начала XX в.: «Великая европейская война: к 110-летию начала Первой мировой войны», «По следам мужества и стойкости:

к 210-летию войны 1812 г.», «Гродненская губерния. Трагедия. Героизм. Память: к 110-летию со дня начала Первой мировой войны», «Память о войне 1812 года в Беларуси. Общество минских врачей»; юбилей персоналий (писателей, поэтов, композиторов и художников XIX века): «Паэт. Навуковец, Грамадзянін (да 225-годдзя з дня нараджэння Тамаша Зана)», «К 125-летию со дня рождения Марка Шагала»; историю белорусских городов: «Берестье Bressia Брэст: пад стрэлкамі ратушнага гадзінніка», «Бабруйск на картах, планах і чарцяжах XIX — пачатку XX ст.», «Города Беларуси. Православные храмы г. Гродно», «Города Беларуси в архивных документах НИАБ в г. Гродно»; юбилей государственных учреждений, созданных в XIX в. на территории Беларуси: «Мінскі настаўніцкі інстытут: да 110-годдзя з дня заснавання», «Библиотеки г. Минска во второй половине XIX — начале XX в.», «Мінск на чарцяжах і планах XIX — пачатку XX ст.: да 955-годдзя горада Мінска», «Обзор средних учебных заведений Гродненской губернии» и др. Отдельно стоит выделить цифровые выставки «Першы мінскі тэлефон», «Летопись в камне (1827—1914)», «Благо творю», «С пользой для здоровья (из истории создания первых спортивных обществ в Гродненской губернии за 1893—1915 гг.)» [8; 9].

Цифровые выставки НАРБ отличаются разнообразием представленных архивных документов. На каждой выставке представлено название, краткая аннотация, оцифрованные архивные документы и их перечень. Каждый архивный документ выставки имеет поисковые данные и заголовок.

У НИАБ в г. Гродно свои особенности представления выставок. На сайте представлены цифровые выставки на одну и ту же тематику, но на двух языках: русском и белорусском. Выставки подготовлены в формате Power Point без поисковых данных. Количество представленных выставок незначительно. Данная практика ведется исключительно НИАБ в г. Гродно [9].

В БГАМЛИ создаются цифровые выставки, посвященные белорусской культуре и искусству. Первые цифровые выставки архивных документов размещались на сайте с 2014 г. во вкладке «мероприятия» вместе с перечнем традиционных выставок. Так, одними из первых цифровых выставок были: «Па той бок рукапісу: да 90-годдзя з дня нараджэння Васіля Быкава», «Толькі ў вечнасць душу збяру ...: да 100-годдзя паэта Міхася Кавыля». Отдельно на сайте были представлены цифровые выставки 2012—2013 гг.: «Скарбы жыцця Максіма Гарэшкага», «Да 100-годдзя з дня нараджэння Максіма Танка» и др. Всего в старой версии сайта во вкладке «выставы» было представлено шестнадцать цифровых выставок, которые представляли собой веб-галерею. Поисковые данные архивных документов отражались только при наведении курсора на документ, что вызывало неудобство для пользователей.

В декабре 2023 г. сайт БГАМЛИ был обновлен, и сегодня на нем размещено более тридцати цифровых выставок архивных документов. Тематика выставок разнообразна: юбилей политических деятелей и деятелей искусств: «Да 120-годдзя акцёра Сцяпана Бірыль», «Да 90-годдзя з дня нараджэння Васіля

Быкава», «Да 90-годдзя рэжысёра, заслужанага дзеяча мастацтваў і народнага артыста БССР Віталія Паўлавіча Чацвярыкова», «Жыццё на злome маланкі: выстава да 70-годдзя з дня нараджэння Валянціны Коўтун», «Яго зброя — сатыра: да 120-годдзя народнага пісьменніка БССР Кандрата Крапіў», «Успаміны Івана Якімавіча Міско: да Дня абаронцы Айчыны»; события Великой Отечественной войны: «22 чэрвеня ў Рэспубліцы Беларусь адзначаецца памятная дата — День усенароднай памяці ахвяр Вялікай Айчыннай вайны і генацыду беларускага народа», «Мінск 3 ліпеня 1944 года: ко Дню Независимости Республики Беларусь», «80 гадоў Хатынскай трагедыі», «Будні партызан і падпольшчыкаў Бабруйшчыны», «Абарона Брэсцкай крэпасці: адлюстраванне ў мастацтве»; юбилеи учреждений культуры: «Яны былі першымі...: виртуальная выстава к 90-летию Большого театра Беларуси»; история городов Беларуси: «Бабруйск праз стагоддзі» ў межах Рэспубліканскага праекта «Гарады Беларусі» і да Дня горада Бабруйска; чэрнобыльская трагедыя: «26 красавіка — Дзень Чэрнобыльскай трагедыі».

Довольно необычны по тематике выставки поздравительных открыток к Международному женскому дню 8 марта от БГАМЛИ, где представлены цифровые копии открыток из фондов архива-музея, ко Дню матери и Дню отца, где представлены совместные фотографии белорусских поэтов, писателей, политических деятелей со своими родителями, и др. Также стоит отметить, что архив организует совместные цифровые выставки с учреждениями культуры, другими архивами Республики Беларусь, а также архивами других стран. Например, цифровая выставка «Прыгажосць татарскага танца (да Міжнароднага дня танца)» была подготовлена в рамках реализации совместного с Республикой Татарстан проекта «День в истории», целью которого является обмен документами по значимым датам в истории Республики Беларусь и Республики Татарстан [2].

В БГАНТД готовятся выставки по развитию промышленности, градостроительству советского периода. Официальный сайт у архивного учреждения появился в 2021 г. До этого времени архив размещал свои цифровые копии архивных документов на сайте «Архивы Беларуси» либо на официальной странице YouTube. На сегодняшний день выставки архива посвящены развитию промышленности: «Беларусь в движении: к 80-летию со дня образования Минского автомобильного завода», «Восстановление промышленности Беларуси 1944—1950 гг.», архитектуре: «Архитектурная симфония» и юбилеям персоналий (архитекторам): «Вся жизнь — подвиг», чэрнобыльскай трагедыі: «Чэрнобыль: памяць і надзежда, к 38-летию со дня аварии на Чернобыльской АЭС».

Цифровые выставки представляют собой видеозапись архивных документов, представленных в интернет-пространстве YouTube или в виде галереи с указанием поисковых данных. На сайте цифровые выставки представлены в небольшом количестве [4].

Единственным республиканским архивом, где готовятся цифровые выставки с использованием видеодокументов, является БГАККФД в г. Дзержинске. Официальный сайт архивного учреждения появился в 2023 г. Тематика выставок менее разнообразна, так как большая часть выставок посвящена юбилеям персоналий: «Женщина-дирижер: к 110-летию со дня рождения единственной женщины-дирижера в БССР Татьяны Михайловны Коломийцевой»; «Все называли его Глебушка: к 125-летию со дня рождения советского, белорусского актера театра и кино, народного артиста СССР Г. П. Глебова»; «Diva белорусской оперы!»: к 120-летию со дня рождения оперной певицы, режиссера, общественного деятеля, народной артистки БССР и СССР Л. П. Александровской»; «От "Иду искать" и "Ивана Макаровича" до "Белых рос" и "Плача перепелки": к 90-летию со дня рождения кинорежиссера, сценариста, педагога, народного артиста БССР И. М. Добролюбова». Частично на сайте представлены цифровые выставки, посвященные памятным событиям истории Беларуси: «Конституция — высшая юридическая сила государства: к 30-летию со дня принятия Конституции Республики Беларусь», «День единения народов Беларуси и России» и юбилеям учреждений: «Hello! Bonjour! Guten Morgen! Buendía! Merhaba! Zǎoshànghǎo (早上好)! Sabah alkhayr (صباح بخير)! к 75-летию со дня открытия Минского государственного лингвистического университета». Тема Великой Отечественной войны на цифровых выставках БГАККФД отсутствует.

Поиск цифровых выставок архивных документов на сайте затруднен. Блок с цифровыми выставками размещается в конце сайта под названием «онлайн выставки». Цифровые выставки представлены в основном названием, краткой аннотацией и фото- или видеоматериалами с поисковыми данными [3].

Таким образом, первые цифровые выставки архивных документов появились в 2005 г., а в привычном для нас виде с 2012 г. на сайте «Архивы Беларуси». Тематика первых цифровых выставок отражала исключительно события Великой Отечественной войны, а также юбилейные и памятные даты классиков белорусской литературы (Винцент Дунин-Марцинкевич, Бронислав Эпимах-Шипило, Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович, Владимир Короткевич). С обновлением сайта «Архивы Беларуси» в 2020 г. все цифровые выставки стали размещаться только на официальных сайтах республиканских архивов. Сегодня тематика цифровых выставок архивных документов на сайтах республиканских архивов Беларуси в основном представляет собой юбилей персоналий и государственных учреждений; события войн (война 1812 года, Первая мировая война, Великая Отечественная война); трагедию на Чернобыльской АЭС. Остается открытым терминологический вопрос. Так, на сайтах республиканских архивов и в методических документах можно встретить термины: «виртуальная выставка», «интернет-выставка», «выставка», «онлайн-выставка», «виртуальная фотовыставка», что в значительной степени дезориентирует пользователей.

Литература и источники

1. «Архивы Беларуси» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://archives.gov.by/>. — Дата доступа: 10.10.2024.
2. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bdamlm.by/vystavy/virtualnyya-vystavy?start=0>. — Дата доступа: 10.10.2024.
3. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bgakffd.by/exhibition/#14>. — Дата доступа: 10.10.2024.
4. Белорусский государственный архив научно-технической документации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bdantd.by/category/use-of-documents/exhibitions/>. — Дата доступа: 10.10.2024.
5. Глазовская, Д. Виртуальные выставки архивных документов на сайте «Архивы Беларуси» / Д. Глазовская // Архивы і справядства. — 2012. — № 5. — С. 94—98.
6. Метелица, К. Интернет-выставки архивных документов: белорусский опыт / К. Метелица // Архивы і справядства. — 2021. — № 1. — С. 49—58.
7. Национальный архив Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://narb.by/ru/ob-arhive/vystavki>. — Дата доступа: 10.10.2024.
8. Национальный исторический архив Беларуси [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://niab.by/newsite/ru/vystavki>. — Дата доступа: 10.10.2024.
9. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://niab-grodno.by/vystavki/>. — Дата доступа: 10.10.2024.
10. Подготовка и проведение выставок архивных документов: методические рекомендации / сост. С. В. Жумарь. — Минск: БелНИИДАД, 2018. — 34 с.
11. Рекомендации по созданию Интернет-выставок архивных документов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://archives.gov.ru/documents/rekomend_internet-vystavka.shtml#1. — Дата доступа: 17.04.2022.

Арттыкул паступіў у рэдакцыю 28.11.2024

З. В. Чэчулін,*аспірант кафедры крыніцзнаўства гістарычнага факультэта**Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,**магістр гістарычных навук;*

e-mail: zaharchechulin@gmail.com

ДАКУМЕНТЫ АРХІВА ВЯЛІКІХ КНЯЗЁЎ ЛІТОВСКИХ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIV — ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XV ст. У СВЯТЛЕ АРХЕАГРАФІІ

Археаграфічныя публікацыі дакументаў, якія паходзяць з архіва вялікіх князёў літовскіх, з'яўляюцца не толькі каштоўнымі крыніцамі рэканструкцыі і вывучэння архіва вялікіх князёў літовскіх, але таксама паказваюць узровень і ступень іх уважэння ў шырокі навуковы ўжытак. У артыкуле будзе разглядацца, на наш погляд, найбольш каштоўныя з метадалагічнага і інфармацыйнага пункту гледжання публікацыі, якія задалі ў свой час адпаведныя парадзімы развіцця эдзіцыйнай дзейнасці.

Публікацыі дакументаў за другую палову XIV — першую палову XV ст., якія паходзяць з архіва вялікіх князёў літовскіх, пачалі з'яўляцца яшчэ ў XVIII ст. Адным з першых дакументаў дыпламатычных зносін паміж Тэўтонскім ордэнам у Прусіі і Лівоніі і вялікімі князямі літовскімі пачаў публікаваць Мацей Догель (1715—1760) у выданні «*Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, in quo pacta, foedera, tractatus pacis etc.*». З запланаванага ім 8-томнага выдання было выдадзена тры тамы пад нумарамі I, IV, V (1758, 1759, 1764), адзін з якіх, IV, выйшаў пасля яго смерці.

М. Догель заўсёды спасялаўся на той ці іншы архіў, з якога ён выкарыстоўваў дакументы для публікацыі. У саміх тэкстах апублікаваных дакументаў ёсць шмат тэксталагічных памылак. Напрыклад, у пятым томе, прысвечаным дакументам, што датычаць гісторыі Лівоніі, Курляндзіі і Жамойці, у тэксце акта дагавора Лівоніі з вялікім князем літовскім Альгердам ад 7 лістапада 1367 г. лівонскі магістр Вільгельм фон Фрымерсхайм быў названы замест «*Vitmersheim*» «*Etmersheim*» [16, s. 78]. А ў тэксце акта перамір'я, заключанага 27 лютага 1380 г. паміж Лівоніяй і вялікім князем літовскім Ягайлам, быў прапушчаны адзін радок тэксту дакумента [16, s. 80]. Нягледзячы на вялікую колькасць недакладнасцей пры публікацыі тэкстаў крыніц, Мацей Догель залажыў пэўную археаграфічную традыцыю ў дачыненні да публікацыі архіўнай спадчыны вялікіх князёў літовскіх.

Найбольш удамай спробай публікацыі дакументаў узаемадачыненні Прусіі, Лівоніі, Рыгі і вялікіх князёў літовскіх стала выданне «*Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch*» (LECUB), якое пачало выходзіць у Рызе дзякуючы працы Фрыдрых-Георга фон Бунге (1802—1897). Сабраныя ў выданні дакументы датычаць пераважна дыпламатычных зносін Лівонскага ордэна з Рыгай, Тэўтонскім ордэнам, Ноўгарадам, Псковам і вялікімі князямі літовскімі. Бунге выдаў 6 тамоў, якія храналагічна ахопліваюць перыяд з 1093 па 1426 гг. [17—21].

Сярод дакументаў зборніка важнае месца займаюць акты дагавораў прадстаўнікоў Лівоніі і Рыгі з вялікімі князямі літоўскімі. Так, былі апублікаваны вышэйзгаданыя акты дагавораў аб міры і перамір'і паміж прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Лівоніі вялікімі князямі літоўскімі 1367 г. [17, с. 772—773] і 1380 г. [18, с. 361—362], ахоўная грамата камтура Мігавы Дзітрыха фон Вайлбурга на дазвол праезду купцам з тэрыторыі ВКЛ у Лівонію ад 17 снежня 1385 г. [18, с. 461], акт перамір'я паміж магістрам Тэўтонскага ордэна ў Лівоніі Робінам фон Эльцам з вялікім князем літоўскім Скіргайлам ад 9 ліпеня 1387 г. і інш. [18, с. 498].

Пачынаючы з 7 тома LECUB пачаў выходзіць пад агульнай рэдакцыяй Германа Гільдэбранда (1843—1890). Асобна варта адзначыць публікацыю акта Хрыстмемельскага саюзнага дагавора паміж Тэўтонскім ордэнам і вялікім князем літоўскім Свідрыгайлам ад 19 чэрвеня 1431 г. [22, с. 271—274], праект Хрыстмемельскага саюзнага дагавора ад 15 мая 1432 г. [22, с. 349—350], ліст вялікага магістра Тэўтонскага ордэна ад 16 чэрвеня 1438 г. вялікаму князю літоўскаму Жыгімонту Кейстутавічу [23, с. 141], акт саюзнага дагавора ад 5 лютага 1439 г., заключанага паміж лівонскім магістрам Генрыхам Фінке фон Овербергам і вялікім князем літоўскім Жыгімонтам Кейстутавічам [23, с. 289].

Яшчэ адным выданнем, якое ўтрымлівае тэксты дакументаў Лівоніі і Тэўтонікі і паходзіць з архіва вялікіх князёў літоўскіх, з'яўляюцца «Русско-ливонские акты». Складальнік археаграфічнага зборніка Карл Эдуард Нан'ерскі (1794—1864) апублікаваў тэкст дагавора ў Рацінжку ад 22 мая 1404 г. паміж вялікім магістрам Тэўтонскага ордэна Конрадам фон Юнгінгенам і вялікім князем літоўскім Вітаўтам [24, с. 115—116], праект дагавора Лівонскага ордэна і Рыгі з вялікім князем літоўскім Вітаўтам [24, с. 126—127], гарантыйны ліст лівонскага ландмайстара Дзітрыха Торка на гандаль у Лівоніі ад 26 снежня 1414 г., выданы Вітаўту [24, с. 157].

Адным з напрамкаў здыцыйнай дзейнасці ў XIX ст. з'яўлялася публікацыя браўе і бул рымскіх пап. Аўгустін Тэйнер (1804—1874) меў доступ да ватыканскага архіва і апублікаваў тры тамы, якія ўтрымліваюць дакументы, што паходзяць з канцылярыі рымскіх пап. У першых два тамы ўвайшлі дакументы за 1217—1409 і 1410—1572 гг. У першым томе апублікавана була папы рымскага Грыгорыя XI да вялікага князя літоўскага Альгерда ад 23 кастрычніка 1373 г. [25, с. 695], два браўе папы рымскага Марціна V вялікаму князю літоўскаму Вітаўту [26, с. 32—35]. Публікатар толькі лаканічна пазначыў назвы гэтых дакументаў, не раскрываючы іх змест у выглядзе рэгестаў.

Публікацыяй дакументаў з ватыканскага таёмнага архіва таксама займаўся А. І. Тургенеў (1784—1845). У выданні «Акты исторические, относящиеся къ России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургенева» была апублікавана була папы рымскага Марціна V, выданыя вялікаму князю літоўскаму Вітаўту ў 1418 г. [1, с. 119—120], а ў дадатковым томе, які выйшаў ужо пасля смерці А. І. Тургенева, змешчаны ўнікальны ў

межах архіва вялікіх князеў літоўскіх дакумент — аблігацыя на выдачу вялікаму князю літоўскаму Вітаўту грошаў ад польскага караля Уладзіслава II Ягайлы ад 25 лістапада 1417 г. [2, с. 512].

Спробу публікацыі тэматычнага зборніка, прысвечанага вялікаму князю літоўскаму Вітаўту, распачаў Антоні Прахаска (1852—1930), які выдаў у 1882 г. «Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Luthuaniæ 1376—1430» (CEV) [14]. Шэраг апублікаваных А. Прахаскам дакументаў увогуле не датычаць непасрэдна асобы вялікага князя літоўскага Вітаўта. Такім чынам, фактычны змест зборніка значна тэматычна шырэй, чым яго назва. Коджэ лістоў Вітаўта, нягледзячы на назву, утрымлівае розныя віды тэкстаў і рэгесты дакументаў.

У некаторых выпадках А. Прахаска публікаваў толькі рэгест дакумента, а не ўласна сам тэкст, спасылаючыся на іншыя выданні, дзе гэты дакумент быў раней апублікаваны. Так, у склад зборніка ўвайшлі тэксты і рэгесты актаў дагавораў аб міры і перамір'і паміж прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі з вялікімі князямі літоўскімі за 1379—1385, гаралзенскі дагавор ад 23 красавіка 1398 г. [14, с. 53—54], рэгест Салінскай дамовы ад 12 кастрычніка 1398 г. [14, с. 55]. Лісты, адрасаваныя Вітаўту пераважна ад прадстаўнікоў Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі, ад рымскіх пап, Жыгімонта Люксембургскага і польскага караля Уладзіслава II Ягайлы, археограф публікаваў упершыню і амаль без купюр.

Адзначым, што шмат з апублікаваных А. Прахаскам дакументаў на дадзены момант страчаны. Так, ордэнскія рэгістранты № 8—11а за час панавання вялікага маістра Міхаэля фон Кюхмайстра (1413—1422) беззваротна зніклі ў 1944—1945 гг. Таму зборнік выступае на дадзены момант адзінай крыніцай рэканструкцыі ўваходных лістоў да Вітаўта за вышэйпазначаны перыяд [14, с. 279—570]. Публікатар карыстаўся пераважна дакументамі з Кенігсбергскага таёмнага архіва Курнішкай бібліятэкі.

Паралельна з А. Прахаскам эдыцыйную дзейнасць вёў Анатоль Лявіцкі (1841—1899). Ён упершыню ўвёў у навуковы ўжытак некалькі дакументаў у выданні «Codex epistolaris saeculi decimi quinti» (скарочана CESXV). Першапачаткова публікатарам першага тома ў 1876 г. Аўгустам Сакалюўскім выданне задумвалася як публікацыя крыніц выключна за XV ст.

Але А. Лявіцкі ў прадмове да другога тома тлумачыць, што публікацыя дакументаў ранейшага за XV ст. перыяду абумоўлена тым, што гэтыя дакументы немагчыма надрукаваць яшчэ дзе-небудзь [12, с. III]. Адкрывае том дагавор вялікага маршала Тэўтонскага ордэна Кунэ фон Гапштайна з вялікім князем літоўскім Ягайлам ад 6 ліпеня 1382 г. [12, с. 2], апублікаваны па арыгінале з узаннем страчаных фрагментаў тэксту ў квадратных дужках, 5 кастрычніка 1390 г. — дагавор комптура Дзюнабурга Берндта Гэфельмана з вялікім князем літоўскім Скіргайлам [12, с. 22—23], брэве папы рымскага Марціна V (1417—1431) да Вітаўта ад 13 красавіка 1422 г. [12, с. 143—144], 19 лістапада 1422 г. [12, с. 157—158], 28 мая 1422 г. [12, с. 177—178]; була, датаваная пачат-

кам чэрвеня 1429 г. [12, s. 223—225], ліст Стэфана дэ Разона ад 13 ліпеня 1430 г. [12, s. 251—252]; ліст Сабінскага біскупа да вялікага князя літоўскага Свідрыгайлы ад 21 ліпеня 1431 г. [12, s. 264], ліст вялікага магістра Паўля фон Русдорфа Свідрыгайле ад 17 жніўня 1431 г. [12, s. 266—267]; ліст Уладзіслава II Ягайлы да Свідрыгайлы ад 26 кастрычніка 1431 г. [12, s. 269—170]; ліст Уладзіслава II Ягайлы да Свідрыгайлы ад 21 снежня 1431 г. і 26 снежня 1431 г. [12, s. 283—284; 284—286], ліст сандамірскага ваяводы Пятра Шафранца Свідрыгайле ад 30 снежня 1431 г. [12, s. 286—287], недатаваны ліст пражскіх (?) мяшчан да Вітаўта [12, s. 474—475]. Публікатар карыстаўся дакументамі з Бібліятэкі князёў Чаргарыйскіх у Кракаве, Бібліятэкі князёў Асалінскіх, Тэкамі Норушэвіча, дакументамі Кенігсбергскага таёмнага архіва.

У трэці том апублікаваны ў 1894 г., увайшлі: фрагмент ліста польскага караля Уладзіслава II Ягайлы вялікаму князю літоўскаму Вітаўту, датаваны чэрвенем 1429 г. [13, s. 501—503], прывілей ад 15 кастрычніка 1432 г., выддзены польскім каралём Уладзіславам II Ягайлам [13, s. 523—524], акт аб'ядлення вайны лівонскім магістрам Цьзам фон Рутэнбергам вялікаму князю літоўскаму Жыгімонту Кейстутавічу 1433 г. [13, s. 524—525], агульназемскі прывілей вялікага князя літоўскага Жыгімонта Кейстутавіча ад 6 мая 1434 г. [13, s. 529—531], ліст імператара Святой Рымскай імперыі Жыгімонта Люксембургскага Жыгімонту Кейстутавічу ад 3 жніўня 1435 г. [13, s. 538—540].

Польская археаграфія міжваеннага перыяду была адзначана публікацый Станіславам Кутшэбам (1876—1946) і Уладзіславам Сямковічам (1878—1949) дакументаў, якія датычыліся ўнііных стасункаў Польскага каралеўства з ВКЛ. У зборнік увайшлі: акт гербавай адопцыі, выддзены польскай кароннай шляхтай ад 2 кастрычніка 1413 г. [11, s. 50—54], акт пацвярджэння Гарадзельскай уніі з боку польскага караля Уладзіслава II Ягайлы і вялікага князя літоўскага Вітаўта ад 2 кастрычніка 1413 г. [11, s. 60—72], прывілей польскага караля Уладзіслава II Ягайлы вялікаму князю літоўскаму Жыгімонту Кейстутавічу на ўладу ва ўсім ВКЛ ад 3 студзеня 1433 г. [11, s. 84—90], прывілей польскага караля Уладзіслава II Ягайлы вялікаму князю літоўскаму Жыгімонту Кейстутавічу на ўладу ў ВКЛ ад 27 лютага 1434 г., выддзены ў Корчыне [11, s. 94—99], ліст польскіх каронных паслоў да Жыгімонта ад 6 снежня 1437 г. [11, s. 108—111], канфірмацыйны прывілей ад 7 студзеня 1440 г., выддзены польскім каралём Уладзіславам III вялікаму князю літоўскаму Жыгімонту [11, s. 114—115].

Апублікаваныя ў выданні дакументы, датаваныя 2 кастрычніка 1413 г. (акты Гарадзельскай уніі) [11, s. 50—54; 60—72], зніклі падчас пажару ў бібліятэцы маярата Красінскіх у Варшаве ў 1944 г.

Акрамя публікацыі ўласна тэкстаў дакументаў, археографы падалі падрабязнае апісанне ўсіх рукапісаў і спісаў апублікаваных дакументаў, апісалі іх пачаткі, знешні стан, а таксама надалі ўвагу дарсальным запісам, змешчаным на адваротным баку дакументаў. Апошняе дазваляе вывучаць гісторыю апісання і сістэматызацыі гэтых дакументаў у межах архіваў у розны перыяд часу.

Яшчэ адзін важны напрамак археаграфічнай дзейнасці ў 30-е гг. XX ст. — публікацыя актаў дагавораў малдаўскіх гаспадароў з вялікімі князямі літоўскімі. На дадзены момант нам вядомы тэкст дагавора, заключанага ў 1435 г. паміж малдаўскім ваяводам Іллёй і вялікім князем літоўскім Жыгімонтам Кейстутавічам, апублікаваны румынскім навукоўцам Міхаем Кастачэску (1884—1953) [15, р. 691].

Савецкія археографы ў пасляваенны перыяд апублікавалі дакументы, што датычыліся пераважна стасункаў рускіх княстваў паміж сабой і з ВКЛ [3].

У 1950 г. выйшаў археаграфічны зборнік пад назвай «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». У склад зборніка ўвайшлі акты прысягі цвярскага князя Барыса Аляксандравіча вялікаму князю літоўскаму Вітаўту ад 3 жніўня 1427 г., апублікаваныя па арыгінале [3, с. 62—63], а таксама прысяжныя акты разанскага князя Івана Фёдаравіча [3, с. 67—68] і пронскага князя Івана Уладзіміравіча [3, с. 68—69]. Таксама неабходна засяродзіць увагу на дагаворы вялікага князя маскоўскага Васіля II Васільевіча з цвярскім князем Барысам Аляксандравічам, датаваным прыблізна 1439 г. Дадзены дагавор каштоўны тым, што ў ім згадваецца дагавор цвярскага князя з вялікім князем літоўскім Жыгімонтам Кейстутавічам, тэкст якога нам невядомы: «... А к Жымонту нам целование [выдзелена мною. — З. Ч.] сложити без перевода. А мне брате так же явити...» [3, с. 106].

Варта адзначыць таксама публікацыі воіскаў архіва Пасольскага прыказа Рускай дзяржавы 1626 і 1673 гг. [7; 8]. У воісе 1626 г. утрымліваецца ўнікальная інфармацыя пра комплекс дагавораў вялікіх князёў маскоўскіх з вялікімі князямі літоўскімі Альгердам і Ягайлам [7, с. 33—35].

Воісе 1673 г., апублікаваны ў 1990 г., утрымлівае інфармацыю пра дакумент, які быў вывезены войскамі рускага цара Аляксея Міхайлавіча ў выніку заняцця Вільны ў перыяд з 1655 па 1661 г. Гэта акт перамір'я паміж польскім каралём Уладзіславам II Ягайлам і вялікім князем літоўскім Свідрыгайлам Альгердавічам ад 20 жніўня 1431 г. [8, с. 227; 10, с. 37—38].

Апошняе выданне зборніка дакументаў, прысвечанага гісторыі Полацкай зямлі, утрымлівае тэксты дагавораў лівонскага магістра з вялікім князем літоўскім Ягайлам 1380 г. [9, с. 75—76], прывілей польскага караля Уладзіслава II Ягайлы вялікаму князю літоўскаму Скіргайле ад 28 красавіка 1387 г. [9, с. 81—83], дагавор паміж Лівоніяй і вялікім князем літоўскім Скіргайлам ад 9 ліпеня 1387 г. [9, с. 87—89]; дагавор Лівоніі і Рыгі з вялікім князем літоўскім Вітаўтам [9, с. 128—137], капьскі дагавор 1406 г. з Рыгай [9, с. 142—151]; ліст полацкага намесніка Вітаўту [9, с. 171—172], пацвярдзальны акт Капьскага дагавора (1406 г.) ад 5 лютага 1439 г. [9, с. 176—179].

Інтэнсіфікацыя археаграфічнай дзейнасці адносна крыніц даследавання архіва вялікіх князёў літоўскіх і асобных дакументаў, што паходзяць з гэтага архіва, адбылася ў пачатку XXI ст. У 2010 г. А. У. Ліцкевіч у дадатку да артыкула, прысвечанага дагаворам Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі з вялікімі

князямі літоўскімі, апублікаваў тэксты пяці актаў дагавораў аб міры і перамір'і паміж прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі з вялікімі князямі літоўскімі і зрабіў іх пераклад на беларускую мову [6, с. 104—116].

У 2014 г. А. У. Лішкевіч упершыню апублікаваў акт дагавора аб чатырохгадовым перамір'і паміж Тэўтонскім ордэнам і вялікім князем літоўскім Ягайлам ад 31 кастрычніка 1382 г. Аўтар публікацыі выканаў пераклад тэксту дагавора на рускую мову. Надрадковыя знакі і скарачэнні аўтар пазначыў курсівам, спыраўшыся на такую прыкметку пры публікацыі кірылічных дакументаў [5, с. 226—231]. Адзначым, што публікатарам было пададзена падрабязнае апісанне стану арыгінала дакумента, пятак і надпісаў на яго адваротным баку.

Беларускі архівазнаўца А. М. Латушкін апублікаваў частку аднаго са старажытнейшых рэстраў дзяржаўнага архіва ВКЛ ад 26 лістапада 1623 г., фіксуючы апісанні некалькіх дакументаў, што паходзяць з архіва вялікіх князёў літоўскіх за перыяд другой паловы XIV — першай паловы XV ст. [4, с. 256—257; 261—263]. Дадзеная крыніца складзеная па-польску, адлюстроўвае колькасць апісаных і ўлічаных дакументаў дзяржаўнага архіва ВКЛ на той момант. Рэстр у выглядзе копіі XVIII ст. знаходзіцца на архіўным захоўванні ў Галоўным архіве старажытных актаў у г. Варшаве.

Падыходзячы да агульнай высновы, трэба адзначыць наступнае. На дадзены момант адзінага тэматычнага зборніка, які ўтрымліваў бы тэксты і апісанні дакументаў архіва вялікіх князёў літоўскіх другой паловы XIV — першай паловы XV ст., не існуе. Гэтыя дакументы апублікаваны спарядчна і неаслядоўна ў розных археографічных выданнях XVIII—XXI стст. з рознай ступенню аб'ектыўнай перадачы іх тэкстаў, апісання іх знешніх прыкмет, пятак, дарсальных запісаў і складаннем загаловаў да іх, што было абумоўлена рознымі метадалагічнымі падыходамі, ступенню ведаў і навыкаў публікатараў у розныя часы. Найбольшая каштоўнасць археографічных публікацый дакументаў заключана ў іх магчымасці выступаць крыніцай рэканструкцыі тэкстаў і апісанняў дакументаў, якія былі безваротна страчаны.

Літаратура і крыніцы

1. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым в 2-х т. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1841—1842. — Т. 1. Выписки из Ватиканского тайного архива и других римских библиотек и архивов, с 1075 по 1584 г., 1841. — XV, (IX—XXII), 399 с.
2. Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. Собранные в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографической Комиссией. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. — XV, 543 с.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 586 с.
4. Латушкін, А. М. Рэстр дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ад 26 лістапада 1623 г. і яго значэнне для рэканструкцыі складу комплексу арыгіналаў актаў канца XIV — пачатку XVII ст. / А. М. Латушкін // Беларускі археографічны штогоднік. — Мінск: БелНДДАС, 2017. — Вып. 18. — С. 247—264.

5. Лідкевіч, О. В. Орденскі экзэмпляр дагавора о четьрхлетнем перемирии и военной помощи между Великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом (31 октября 1382 г.) / О. В. Лідкевіч // *Istorijos šaltinių tyrimai*. — 2014. — № 5. — С. 215—232.
6. Лідкевіч, А. У. Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобіліямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367—1398 гг.) / А. У. Лідкевіч // *Arche*. — 2010. — № 10. — С. 39—123.
7. Описание архива Посольского приказа 1626 года: [в 2-х ч.] / подгот. к печати канд. ист. наук В. И. Гальцов, под ред. д-ра ист. наук С. О. Шмидта. — М.: ЦГАДА; Археогр. комит., 1977. — Ч. 1. — 416 с.
8. Описание архива Посольского приказа 1673 года: [в 2 ч.] / Главное архивное управление при СМ СССР, Центральный государственный архив древних актов СССР, Археографическая комиссия при Отделении истории АН СССР. — М., 1990. — Ч. 1. — 525 с.
9. Полоцкіе грамоты XIII — начала XVI в. — Т. 1. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — 864 с., XVI с.
10. Чэчулін, З. В. Вопісы архіва Пасольскага прыказа 1626 і 1673 гг. як крыніцы па рэканструкцыі дакументальнага складу архіва вялікіх князёў літоўскіх, другой паловы XIV — першай трэці XV ст. / З. В. Чэчулін // *Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт.* — Вып. 21. — Мінск: НГАБ, 2023. — С. 28—42.
11. Akta unji Polski z Litwą 1385—1791 / S. Kutrzeba, W. Semkowicz, Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1932. — 570 s.
12. Codex epistolaris saeculi XV. T. 2 / Ed. A. Lewicki (Monumenta mediaevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 12.). — Cracoviae, 1891. — 531 s.
13. Codex epistolaris saeculi XV. T. 3 / Ed. A. Lewicki (Monumenta mediaevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 14.). — Cracoviae, 1894. — LXXX, 665 s.
14. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae. 1376—1430 / Collectus opera A. Prochaska. — Kraków: Druk. Wl. L. Anczyca i sp., 1882. — CXVI, 1114 s.
15. Costăchescu M., Documentele moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare: în 2 vol. — Vol. II: Documente externe, scrisori 1348—1458. — Iași: Viața Românească, 1932. — 955 p.
16. Dogiel, M. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae / M. Dogiel. — T. 5. — Vilnae: Ex Typographia Regia et Reipublicae, 1759. — 522 s.
17. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hrsg. von F. G. von Bunge. — Bd. 2: 1301—1367. — Reval, 1855. — XVI, 830 s.
18. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Abteilung, Bd. 3 (1368—1393) / Hrsg. v. F. G. von Bunge. — Reval 1857. — 800 s.
19. Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 4 (1394—1413) / Hrsg. von F. G. von Bunge. — Reval, 1859. — IV, 948 s.
20. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hrsg. von F. G. von Bunge. — Abteilung 1. — Bd. 5. 1414—1423. — Riga: Im Verlage von Nikolai Kymmell, 1867. — 80, 1071 s.
21. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Begr. von F. G. von Bunge ... fortges. von H. Hildebrand. — Abteilung 1. — Bd. 7. 1423 Mai—1429 Mai. — Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner, 1881. — XXXII, 608 s.
22. Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch. Bd. 8 (1429 Mai — 1435) / Hrsg. von H. Hildebrand. — Riga, Moskau, 1884. — 687 s.
23. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Begr. von F. G. von Bunge ... fortges. von H. Hildebrand. — Abteilung 1. — Bd. 9. 1436—1443. — Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner, 1889. — XXV, 722 s.

24. Russisch-Livlandische Urkunden / Gesammelt von K. E. Napiersky. — Sankt Petersburg : Buchdruckerei der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1868. — XXIII, 453 p.
25. Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, gentiumque finitimarum historiam illustrantia / Ed. A. Theiner. — Vol. I. 1217—1409. — Romae, 1860. — XXXII, 788 p.
26. Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, gentiumque finitimarum historiam illustrantia / Ed. A. Theiner. — Vol. II. 1410—1572. — Romae, 1861.

Артикул надруковано у редакцію 28.11.2024

*В. А. Теплова,**доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени,
исторического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат исторических наук*

**У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ БЕЛАРУСИ:
К 200-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ «БЕЛОРУССКОЙ ИЕРАРХИИ»
ПРОТОНЕРЕЯ ИОАННА ГРИГОРОВИЧА**

Имя протоиерея Иоанна Григоровича известно каждому историку, занимающемуся изучением истории православной церкви на белорусских землях, масштабами своей личности и многогранностью интересов: пастырь, историк, археограф и богослов, он вышел далеко за пределы своего отечества. Как археограф Иоанн Григорович был одним из первых, кто систематически собирал и публиковал архивные материалы по истории Беларуси, заложив тем самым фундамент белорусской археографии. Его «Белорусский архив древних грамот», 200 лет появления которого в свет отмечается в 2024 г., сохранил большое количество документов по истории Православной церкви Беларуси. С уверенностью можно сказать, что публикацией этих материалов исследователь оказал своим потомкам неоценимую услугу. Без издательской деятельности протоиерея Иоанна Григоровича они вряд ли бы сохранились до наших дней.

Однако далеко не все из научного наследия археографа получило признание и даже известность. Сохранились проповеди и богословские работы Иоанна Григоровича. Они до сегодняшнего дня не стали предметом изучения и еще ждут своего исследователя [1].

Не получила должной оценки и его «Белорусская иерархия» — первое исследование ученого по истории православия на белорусских землях, подготовленное к публикации в том же 1824 г. Можно сказать, что в 2024 г. состоялось два двухсотлетних юбилея: издание «Белорусского архива древних грамот» и создание рукописи «Белорусской иерархии».

«Белорусская иерархия» — важный этап в научной деятельности историка и археографа. Оказавшись в 1819 г. после окончания Санкт-Петербургской духовной академии в Гомеле, Иоанн Григорович при поддержке графа Н. П. Румянцева продолжил работу по сбору и изучению архивных материалов Полоцка, Витебска, Могилева и Мстиславля, которые составили содержание «Белорусского архива древних грамот». Уже в мае 1820 г. он передал издателю копии десяти актов из могилевского архива и описание редких книг Оршанского, Кутенского, Могилевского братского монастырей и нескольких церквей. Узнавший об архивных поисках о. Иоанна архиепископ Могилевский и Витебский Даниил Михайловский (Мирдамский) попросил ученого собрать и изучить документы, которые находились в епархии и «могли бы много поведать о ее прошлом». О предложении архиепископа протоиерей Иоанн известил графа Н. П. Румянцева в своем письме от 17 апреля 1823 г. [2, с. 35]. Государственный деятель не только с восторгом встре-

тил это предложение, но и порекомендовал предоставить собранный материал для дополнения получившей признание работы иеромонаха Амвросия (Орнатского) «История российской иерархии», шесть томов которой вышли в 1807—1815 гг. Сведения по истории православия на белорусских землях у Амвросия ограничивались краткими, не всегда точными, сообщениями о Полоцкой, Туровской, Могилевской и Минской епархиях [3]. Безусловно, они не устраивали ни белорусского исследователя, который к этому времени собрал куда более значительный материал, ни моголевское епархиальное начальство, предложившее И. Григоровичу другое название работы: «Дополнение к истории Российской иерархии в отношении к белорусскому краю»*, но оно так и осталось одним из вариантов.

С радостью встретил это начинание еще один исследователь церковной истории — Киевский митрополит Евгений (Болховитинов). В своих письмах от 12 августа 1823 г. и 29 апреля 1824 г. к протоиерею Иоанну Григоровичу он просил сообщать ему о новых находках, касающихся церковной истории белорусского края: «По трудолюбию и сведениям Вашим Вы достойны сделанного Вам от Архипастыря поручения... Издание сие будет полезно, по крайней мере, для Белорусской истории», — констатировал киевский Преосвященный [5, с. 85—87]. Кроме того, ознакомившись с многообразием материала, он посоветовал составить отдельную историю Белорусской иерархии, по примеру своей «Киевской иерархии», вышедшей в 1825 г.

К лету 1824 г. рукопись «Белорусской иерархии» была подготовлена и отправлена на рассмотрение Святейшего Синода. В связи с окончанием работы над «Белорусской иерархией» Н. П. Румянцев в письме И. Григоровичу от 15 августа 1824 г. писал: «Я радуюсь, что Ваше Высокопреподобие привели к окончанию Историю Белорусской иерархии» [2, с. 58]. Отметил высокую ценность данного исследования и Киевский митрополит, посоветовав «вместо дополнений Истории Российской Иерархии составить полную Историю Белорусских монастырей» [5, с. 90]. К сожалению, эту задачу реализовать так и не удалось, однако большое количество материала, связанного с деятельностью монастырей, вошло в «Белорусский архив древних грамот».

«Белорусская иерархия» открывается весьма сжатым очерком по истории Могилевской и Витебской епархии, завершающимся кратким биографическим списком ее иерархов от Иосифа I (Бобриковича), первого епископа, поставленного на Могилевскую кафедру в 1632 г., до Даниила Михайловского (Мирдамского) и Иоасафа (Сретенского), современников И. Григоровича. Полоцкая иерархия представлена единым списком иерархов православных и униатских, начиная от епископа Мины и заканчивая униатским архиепископом Иоасоном Смогоржевским, известным своим противостоянием конфессиональной политике императрицы Екатерины II. Автор «Иерархии» не дает оценки деятельности ни моголевских, ни полоцких иерархов. Значение его

* На существование этого названия указывает автор некролога протоиерея И. Григоровича — А. Г. Ободовский [4, с. 100].

работы заключается в воссоздании основных биографических и хронологических сведений о жизни и деятельности белорусских церковных деятелей, необходимых для создания истории православной церкви Беларуси.

Круг источников, который И. Григорович использовал в «Иерархии», весьма обширен. Это не только архивные материалы, выявленные и собранные историком в архивах Могилева, Гомеля, Витебска и Полоцка, но и работы российских и польских исследователей: митрополита Платона (Левшина), В. С. Сопикова, Н. М. Карамзина, Н. Н. Бантыш-Каменского, И. Стебельского, К. Няецкого и др. Однако особую роль в создании «Иерархии» сыграла работа архиепископа Георгия (Конисского) «Историческое известие о епархии Могилевской, в Белой России состоящей, и о епархиях, в Польше бывших, благочестивых, т. е. греко-восточного исповедания, кои римлянами обращены на унию или соединены с Римскою церковью» с приложением «Каталога православных епископов Могилевских» [б. с. 187—217]. Написанная после 1774 г., она была опубликована Иоанном Григоровичем только в 1835 г. Можно предположить, что архив могилевского архиепископа был известен автору «Иерархии». Возможно, работа Конисского послужила толчком к созданию исследования И. Григоровича.

Составной частью «Белорусской иерархии» является очерк «О Могилевской семинарии» со списком ее ректоров и префектов, который открывается краткими сведениями о ректоре семинарии Иоасафе, архимандрите Могилевского братского училищного монастыря, возглавлявшего семинарию с 1798 г. по 1803 г., и доведен до Константина Китовича, инспектора и префекта семинарии до 1814 г. Публикация этого очерка стала первой попыткой осмысления значения православной семинарии, основанной архиепископом Могилевским Георгием (Конисским), в контексте той конфессиональной ситуации, которая сложилась на белорусских землях в конце XVIII — начале XIX в.

Третья часть «Белорусской иерархии» — «Описание белорусских монастырей» — представляет собой составленный в алфавитном порядке список 46 православных монастырей, среди которых 35 мужских и 11 женских обителей*. Благодаря сведениям Григоровича представляется достаточно полная картина непростой истории белорусского монашества, не утратившая своего значения до сегодняшнего дня.

Таким образом, «Белорусская иерархия» протоиерея Иоанна Григоровича явилась первой научной работой историка, специально посвященной истории Православной церкви Беларуси. Несмотря на некоторые неточности в датах, «Белорусская иерархия» открывает современному читателю ценнейшую информацию о жизни и деятельности подвижников и защитников православия, увековечении их памяти, о необходимости возрождения монастырей и приходов, об определении их местонахождения, явления столь востребованного в наше время. В этом контексте работа Иоанна Григоровича, несомненно, является важнейшим письменным доказательством того значения, которое

* См. приложение.

имела на протяжении веков православная вера в жизни белорусского общества, позволяет более полно осмыслить памятные даты и исторические события в истории православия на белорусских землях.

Однако судьба работы Иоанна Григоровича сложилась так, что ее публикация была осуществлена только через 168 лет после того, как была написана. Современники и биографы Григоровича знали о «Белорусской иерархии», однако не представляли, где ее искать. Много позже, в 1862 г., сын протоиерея Иоанна Григоровича Николай в биографическом очерке об отце отмечал, что рукопись «Белорусской иерархии» была отклонена Святейшим Синодом, где и осталась на хранении. Протажа обнаружилась только в конце XX в., и честь ее открытия принадлежит известному белорусскому исследователю Н. В. Николаеву, который обнаружил рукопись в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, куда она попала в 1929 г. вместе с материалами и документами готовящегося к изданию «Словаря белорусского языка» протоиерея Иоанна Григоровича. В 1992 г. работа по благословлению митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета (Вахромеева) была напечатана на белорусском языке к 1000-летию Православной церкви Беларуси [7]. Было бы справедливо в юбилейном 2024 г. «Белорусскую иерархию» переиздать, устранив те опечатки, которые закралась в первое издание этой работы. Думается, что утвердившееся в истории Беларуси суждение о протоиерее Иоанне Григоровиче как археографе должно быть дополнено и другим — это первый историограф истории Православной церкви Беларуси.

Литература и источники

1. Сочинения духовного содержания протоиерея Иоанна Иоанновича Григоровича, с портретом и биографическим очерком автора, изданные Николаем Григоровичем. — СПб.: Тип. Персона, 1862. — 168 с.
2. Переписка протоиерея Иоанна Григоровича с графом Н. П. Румянцевым // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1864. — Книга 2.
3. Амвросий (Орнелский), епископ. История Российской иерархии // История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием. — В Москве, при Синодальной типографии, в 6-и частях: 1807—1815. — Ч. 1. — 1807 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/AmvrosijOrnatskij/istorija-rossijskoj-ierarhii-chast-1>. — Дата доступа: 18.10.2024.
4. Ободовский, А. Г. Некролог протоиерея И. И. Григоровича / А. Г. Ободовский // Журнал Министерства народного просвещения. — 1852. — № 12.
5. Письма митрополита киевского Евгения к протоиерею И. И. Григоровичу // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1864. — Книга 2.
6. Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа белорусского с портретом и жизнеописанием его / Изд. прот. Иоанном Григоровичем. — Ч. 1—2. — СПб.: Тип. Рос. акад., 1835.
7. Грыгаровіч, І. І. Беларуская іерархія. Да тысячагоддзя хрысціянства на Беларусі / І. І. Грыгаровіч. — Мінск: БелЭн, 1992. — 102 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Белорусские монастыри, описанные в работе протоиерея Иоанна Григоровича «Белорусская иерархия»

Епархии	Мужские и женские обители	Название монастырей	Местонахождение		Иные данные
			Согласно «Белорусской иерархии»	Согласно современному территориальному делению	
1	2	3	4	5	6
Бобруйская и Бьховская	мужские	Барколабовский Свято-Духов	Деревня Барколабово Бьховского повета	Деревня Барколабово Бьховского района	Приписной
	женские	Барколабовский Вознесенский (1641 год)	Деревня Барколабово Бьховского повета	Деревня Барколабово Бьховского района	В унию не перешел
Витебская и Оршанская	мужские	Витебский Свято-Троицкий Марков	Около Витебска	Город Витебск	Защатный
		Лукомский	Оршанский повет. Приписной к Кутейнскому	Деревня Лукомль Новолукомльского района	Захвачен униатами
	Оршанский Богоявленский кутейнский (1623 год) Лавра	Могилевская епархия, близ города Орша	Город Орша Витебской области	Ставропигиальный	
	женские	Оршанский Успенский	Близ города Орша Могилевской епархии	Город Орша Витебской области	Общежительный
Гомельская и Жлобинская	мужские	Свято-Лаврентьев	Могилевская губерния, Бельничский повет, 12 верст от Гомеля	На реке Уза Гомельского района	На 1824 год являлся действующим
		Свято-Макариев	Могилевская губерния, Бельничский повет, 20 верст от Гомеля на реке Дрягицуле	Гомельская область	Старообрядческий поповского толка

Авторская работа, составлена на основании материалов архивов

195

1	2	3	4	5	6
		Свято-Пахомиев	Могилевская епархия, 5 верст от Гомеля	Гомельский район	Старообрядческий
		Терешковский (1685 год)	Около деревень Терешковичи и Сипки	Около деревни Терешковичи Гомельского района	В 1765 году возвращен из унии
		Ченский Свято-Успенский (1775 год)	Могилевская епархия, Белицкий повет. На реке Сож	Деревня Ченки, пригород Гомеля	Старообрядческий
Могилевская и Мстиславльская	мужские	Буйничский Свято-Духов Гривенский, или Грьевский	Около Могилева неизвестно	Около Могилева —	Защатный
		Могилевский Богоявленский	Город Могилев. С 1798 года приписной к Буйничскому	Поселок Буйнич, пригород Могилева	Перешел в унию
		Могилевский Преображенский, или Спасский (мужской?)	В архиерейском доме могилевского епископа	Город Могилев	—
		Мстиславльский Свято-Николаевский (XVI век, мужской?)	Мстиславль. Замок	Город Мстиславль	—
		Мстиславльский Свято-Духов Тупичевский (начало XVII века)	Могилевская епархия. Около города Мстиславля	Около города Мстиславля	В унию не перешел
		Свято-Онуфриевский	15 верст от Мстиславля	Приблизительно Мстиславльский район	Перешел в унию к базилианам

196

В. А. Цыганов

1	2	3	4	5	6
		Ахорский Преображенский (начало XVII века)	Могилевская епархия, Чериковский повет. На берегу реки Сож	Деревня Охорь Чериковского района Могилевской области. На берегу реки Сож	Зашпальный
		Пустынский Пресвятой Богородицы	6 верст от Мстиславля	Приблизительно Мстиславльский район	С 1631 года униатский
		Соломеричский	Мстиславльское воеводство	Одноименного названия в Беларуси сейчас нет	Передан униатам
		Стрекаловский (мужской?)	Мстиславльское воеводство	Одноименного названия в Беларуси сейчас нет	Передан униатам базилианам в 1722—1730 годах
		Шкловский Свято-Воскресенский (1702 год)	Могилевская епархия. Около Шклова	Приблизительно Шкловский район Могилевской области	Остался в Православии. Описывается 12 игуменов
	женские	Каспоковский	Климовичский повет, Каспоковичи	Приблизительно район города Каспоковичи	Перешел в унию
		Мазаловский Преображенский	10 верст от Мстиславля Могилевской епархии	Деревня Мазалово Мстиславльского района	Зашпальный. В 1737 году снят униатами базилианами
		Могилевский братский	Город Могилев	Город Могилев	Остался в православии. В 1796 году ликвидирован
		Могилевский Свято-Никольский	Около Могилева	Город Могилев	Остался в православии
		Селицкий	Мстиславльское воеводство. На реке Белая Натопя	Около деревни Селец Мстиславльского района	Отобран униатами в 1747 году
		Церковицкий	Мстиславльское воеводство	Возможно деревня Церковище Климовичского района	Заставили в 1730 году монахов перейти в унию

		3	4	5	6
		Шкловский Свято-Успенский	Могилевская епархия, Шклов	Город Шклов	Остался в православии. В 1795 году ликвидирован
Полоцкая и Глубокская	мужские	Миорский	Около Браслова	Город Миоры	Приписной к Кутейскому Православный. В 1695 году униаты прогнали православных монахов
		Полоцкий Свято-Богородицкий (XII век)	Около Полоцка	Около Полоцка	Основан преподобной Евфросинией. В 1824 году следов его уже не было
		Полоцкий Богоявленский братский	Полоцк	Полоцк	В XVII веке отдан частично иезуитам
		Полоцкий Боржо-Глебский, или Бельчицкий монастырь	Около Полоцка	Полоцк	—
		Полоцкий Свято-Воскресенский	Полоцк. Нижний замок	Полоцк	В 1824 году его следов не было
		Полоцкий Свято-Михайловский Городецкий	Полоцк	Полоцк	—
		Полоцкий Свято-Косьюмо-Дамиановский	Полоцк	Полоцк	В 1824 году его следов не было
		Полоцкий святого апостола Петра	Полоцк. Замок	Полоцк	Сожжен Стефаном Баторием, а имущество отдано иезуитам
		Полоцкий Свято-Предтеченский (XII век)	Около Полоцка	Полоцк	Сожжен Стефаном Баторием. В 1824 году существовали его развалины
		Полоцкий Преображенский, или Заполоцкий монастырь	Около Полоцка	Полоцк	—

1	2	3	4	5	6
		Полоцкий Софийский Полоцкий Свято-Троицкий	Полоцк. Верхний замок Около Полоцка	Полоцк Полоцк	Одним из первых строителей Сожжен Стефаном Баторжем, а имущество отдано иезуитам. В 1824 году его следов не было
	женские	Полоцкий Селицкий, или Славский монастырь (XII век)	Полоцк	Полоцк	Одним из первых строителей
Псковская и Великолукская епархия России	мужские	Невельский Преображенский Невельский Свято- Троицкий	Могилевская епархия Псковская область	Невельский район Псковской области Псковская область	— На 1824 году уже не существовал
		Себецкий Свято- Николаевский (мужской?)	Около города Себеж Псковской епархии	Псковская область	В 1558 году сожжен ливонскими рыцарями

* Таблица составлена по материалам: Греларович Г. Г. Белорусская епархия. Да ты сякаго дзя хрысціянства на Беларусі. — Мінск: БелЭн, 1992 (согласно современному территориальному принципу деления епархий Русской Православной Церкви и районов Республики Беларусь и Российской Федерации).

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28.11.2024

А. Л. Шулаеў,
аспірант Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы,
магістр гістарычных навук

СЛОЎНІК ЗАХОДНЕ-РУСКАЙ (БЕЛАРУСКАЙ) МОВЫ І ГРЫГАРОВІЧА ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА

Праца Івана Іванавіча Грыгаровіча на складанні «Словаря Западно-русского нарѣчя» была расначата каля 1824 г. і працягвалася да самай яго смерці 13 лістапада 1852 г. Шырокая навуковая эрудыцыя, багатая база крыніц, што збіралася напрацягу ўсяго жыцця навукоўцы, немалы імгэт да рэалізацыі задуманага маглі дазволіць гэтаму слоўніку стаць найранейшым слоўнікам беларускай мовы акадэмічнага ўзроўню, а таксама найранейшым слоўнікам старабеларускай мовы (сам Іван Грыгаровіч акрэсліваў гэтулю мову пад назвай «языка “Руськаго” (Ruškj)» [1] і грунтаваў граматычны падмурак мовы на старажытнай кніжнай традыцыі).

На жаль, спачатку смерць самога Івана Іванавіча ў самы час рэдагавання і выдання слоўніка, потым цяжкасці з пошукам новага рэдактара на замену, потым смерць апекуна выдання слоўніка Платона Шырынскага-Шыхматава, і, нарэшце, змена парадыгмы з успрымання мовы як кніжнай традыцыі да так званай «жывой» мовы, гэта значыць, такой, якая грунтуецца на жывым народным маўленні, пахавалі праект выдання «Словаря Западно-русского нарѣчя», каб у 1870 г. (праз 18 гадоў) зусім іншы Іван Іванавіч, Насовіч, выдаў свой слоўнік пад такой жа самай назвай «Словарь Западно-русского нарѣчя», але заснаваны на жывой народнай гаворцы. Слоўнік Грыгаровіча застаўся рэччу ў сабе, няздзейсненым праектам і адначасова архіўным скарбам. Прычым, у адрозненне, напрыклад, ад «Словаря Бѣлорусскаго нарѣчя» Паўла Шпілеўскага, які існаваў выключна ў выглядзе рукапісу, слоўнік Грыгаровіча, прынамсі, часткова пачаў выдавацца, гэта значыць, з'яўляецца рукапісна-друкаваным.

Беларуская частка слоўніка Грыгаровіча

На сённяшні дзень нам вядомы наступныя часткі слоўніка Грыгаровіча, што захоўваюцца ў Беларусі ў архіўных фондах установы «Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва» (далей — БДАМЛМ):

рукапісныя матэрыялы слоўніка на літары А, Б, В (апошняя літара — часткова);

рукапіснае «Собраніе словъ Литовско-Русскаго (бѣлорусскаго) нарѣчя по мужицкому выговору. 25 Декабря 1838 года СПб / 13 мая 1840-18 мая» ў якасці дапаможнага матэрыялу для працы над слоўнікам з асабістага архіва Івана Іванавіча;

адзін з дзесяці друкаваных карэктурных аркушаў;

чатыры рукапісныя дапаўненні для слоўніка на літару А ад іншых аўтараў.

Матэрыялы слоўніка на літары А, Б, В, а таксама дадаткі да слоўніка захоўваюцца ў фондзе 6, вопіс 1. Літара А — у справе 20, літара Б — у спра-

ве 19, літара В — падзелена паміж справамі 19 і 20 [2]. Збор слоў Літоўска-рускай (беларускай) гаворкі па мужыцкім вымаўленні — у справе 16. Дапаўненні да літары А — у справе 20 [3].

Працэс складання і рэдагавання слоўніка паводле аналізу захаваных матэрыялаў выглядае наступным чынам: на падставе сабраных аўтарам з 1824 па 1850-я гг. матэрыялаў, што запісваліся ў выглядзе чарнавікоў у шпэтках, І. Грыгаровіч складаў чыставы матэрыял, які перадаваўся ў друкарню, дзе друкаваліся карэктурныя аркушы і вярталіся рэдактару на праўку; па ўнясенні правак уручную карэктурныя аркушы вярталіся ў рэдакцыю, дзе вырабляліся ўжо чыставыя друкаваныя аркушы. Пасля гэтага друкаваныя чыставыя аркушы дасылаліся іншым спецыялістам для рэвізавання і ўнясення правак і дапаўненняў у слоўнік [4, с. 15].

Асаблівай заслугай І. І. Грыгаровіча стала распрацоўка формы слоўнікавага артыкула з сістэмай лексічных памет, што былі надалей выкарыстаны, для прыкладу, І. Насовічам пры складанні свайго слоўніка.

Прывядзём некалькі слоўнікавых артыкулаў у якасці прыкладу:

«А, 1) Первая буква въ Западнорусскомъ алфавитѣ, произносимая *азь*. 2) Первая *цифра* въ счисленіи, какъ и въ языкахъ Греческомъ и Церковно-Славянскомъ, подъ типломъ (ѧ) означаетъ единицу, а съ подписною лісенкою (ѧ) тысячю. Индиктъ $\dot{\alpha}$ т. е. первый. *Року ѧ фѣм а*, т. е. 1541 г.

АНТИМИ'СЪ, а. с. м. *церж.* Шелковый или холстинный плащ, лежащий въ олтарѣ, на престолѣ, на коемъ изображены Страсти Христовы, освященный архіереємъ, съ положеніемъ въ немъ св. Мошеѣ, антимишь. *Святѣйшій вселенскій Патріархъ Константинопольскій прислалъ (Виленскимъ Православнымъ гражданамъ) антимишь подвижный ... божественную службу служити передъ ними, въ Лядскихъ сторонахъ и въ Нѣмецкихъ ... на дорозѣ.* А. З. Р. II, 66. *Владька Володимирскій Васьянь мѣль дати за иноходника антимишь подвижатный, и не дати.* Лип. Метр. Судн. I, 118 об.

БУСЯ'КЪ, а', с. м. Поцѣлуй.

Ну, Марся, дай бусяка,

Пойду съ тобой краковяка. Пѣс.»

Пецябургская частка слоўніка Грыгаровіча

Экспедыцыя ў фонды Санкт-Пецябургскага філіяла Архіва Расійскай акадэміі навук дазволіла азнаёміцца з наступнымі архіўнымі справамі:

1) фонд 9, вопіс 1, справа 121 «Дѣло о составленіи Протоіереємъ Григоровичемъ Бѣлорусскаго Словаря»;

2) фонд 9, вопіс 4, справа 7 «Словарь западно-русскій» и «Белорусскій словарь». составл. Прот. И. Григоровичем (?) 2 тетр. В пер.: «Словарь древне-русскихъ собственныхъ имен, на лл. тетрад. формата»;

3) фонд 216, вопіс 3, справа 738 «Материалы к словарю древне-русского языка. На буквы "Г", "Д". 2 тт. / Без назв. / 8»;

4) фонд 216, вопіс 3, справа 739 «Григорович, Иоанн, протоиер. Выписки слов из “Летописи Величкі”, 2 тт. / Без назв. / В каждом томе самостоят. Алфав. 8^о»;

5) фонд 216, вопіс 3, справа 740 «Григорович, Иоанн, протоиер. Выписки слов из “Острожской Библии”, в алф. порядке / Без назв.»;

6) фонд 216, вопіс 3, справа 741 «Григорович, Иоанн, протоиер. Материалы к словарю древне-русскому и церковно-славянскому. В алф. Порядке А—У. / Без названия/ Автограф. 8^о»;

7) фонд 216, вопіс 3, справа 742 «Григорович, Иоанн, протоиер. Выписки слов из “Актв Западной России”. В алф. Порядке. / Без назв./ 8^о»;

8) фонд 216 вопіс 3 справа 743 «Григорович, И. И. протоиер. “Pantheon vocabulorum”. Словарные материалы. Автограф. 8^о и 16^о».

У выніку працы з вышэйпералічанымі архіўнымі фондамі было зроблена наступнае:

справа 7 (тут і далей, дзеля зручнасці і лаканічнасці прыводзіцца толькі нумар архіўнай справы). Аналіз почырку тэксту са сшытку «Словарь западно-русский» паказаў, што запісы ў сшытку належаць пяру Івана Грыгаровіча. Аналіз почырку тэксту са сшытку «Белорусский словарь» і справы 121 (стар. 28 справы) паказаў, што хача тэкст і не належыць пяру Грыгаровіча, але сам сшытак захоўваўся ў яго асабістым архіве і быў выкарыстаны пры складанні «Словаря Западно-русского нарѣчія», той жа аналіз паказаў, што і «Словарь древне-русских собственных имен» таксама захоўваўся ў асабістым архіве даследчыка.

справа 738. Аналіз зместу справы паказаў, што ў ёй змяшчаюцца не «Материалы к словарю древне-русского языка. На буквы “Г”, “Д”», а чарнавыя матэрыялы да «Словаря Западно-русского нарѣчія»;

справы 739, 740, 742, 743. Аналіз зместу паказвае, што ў іх змяшчаюцца чарнавыя матэрыялы да «Словаря Западно-русского нарѣчія»;

справа 741. Аналіз зместу справы паказаў, што ў ёй змяшчаюцца не «Материалы к словарю древне-русскому и церковно-славянскому», а чарнавыя матэрыялы да «Словаря Западно-русского нарѣчія»;

справа 121. Аналіз зместу справы паказаў, што ў ёй змяшчаюцца дакументы, датаваныя паміж 20.01(01.02).1848 г. і 24.09(06.10).1853 г., усе яны маюць простае ці ўскоснае дачыненне да працэсу падрыхтоўкі, складання і рэдагавання «Словаря Западно-русского нарѣчія», а таксама да вырашэння лёсу асабістага архіва Івана Грыгаровіча і лёсу працягу выдавання слоўніка пасля яго смерці.

Сярод найбольш важных момантаў, што былі высветлены пры рабоце з вышэйзгаданымі архіўнымі крыніцамі, варта пералічыць наступныя:

З улікам таго, што пералічаныя вышэй справы былі прыняты ў архіў 12.06.1958 г. (архівіст А. Свікуль), можна зрабіць вывад, што пры перадачы т. зв. калекцыі Г. Юдзіна ў Маскву ў Цэнтральны музей літаратуры і мастацтва частка з той калекцыі, а менавіта, частка матэрыялаў з асабістага архіва Івана Грыгаровіча, была перададзена ў Санкт-Пецярбург у філіял Архіва РАН. Нада-

лей, пры рэалізацыі распараджэння Галоўнага архіўнага ўпраўлення пры Савеце Міністраў СССР ад 24.09.1960 г. № 3/7773 (у рамках праграмы па выяўленні і перадачы дакументаў нацыянальных дзяржаў саюзных рэспублік) у Цэнтральны дзяржаўны архіў літаратуры і мастацтва БССР (ЦДАМЛМ БССР), пазней перайменаваны ў БДАМЛМ, як відаць, была перададзена толькі тая частка архіва Івана Грыгаровіча, якая захоўвалася ў Цэнтральным музеі літаратуры і мастацтва ў Маскве. Верагодна, не апошняю ролю тут адыграла тое, што пры складанні вопісаў слоўнікавыя матэрыялы былі акрэслены як «Матэрыялы к словарю древне-русского языка» (справа 738) і «Матэрыялы к словарю древне-русскому и церковно-славянскому» (справа 741).

У справе 121 (стар. 2—5 адв.) быў выяўлены арыгінал плана-прадмовы Івана Грыгаровіча да «Словаря Западно-русского нарѣчія», які да гэтага часу быў вядомы толькі праз публікацыю ў «Очерку жизни протоіерея Іоанна Іоанновича Григоровича», выдадзеным у 1861 г. [5, с. 31—35], а таксама ў публікацыі ў скарачаным выглядзе ў «Отчетах Императорской Академіи Наук» [6, с. 206—209]. Трэба адзначыць, што ў адшуканым тэксе арыгінала плана-прадмовы маюцца, хаця і непрычыпковыя, але шматлікія розначынні з надрукаваным у 1861 г. варыянтам.

Аналіз спраў 121 і 7 паказваў, што сцвярджэнне І. Грыгаровіча, прыведзенае ім у ліставанні, быццам ён з асабістай ініцыятывы вёў працу над збіраннем слоўнікавага матэрыялу да свайго будучага «Словаря Западно-русского нарѣчія» з 1824 па 1848 гг. [5, с. 31—35], з’яўляецца праўдзівым. Напрыклад, тытул яго чарнавога сшытка (справа 7/2, стар. 1) падпісаны наступнымі словамі: «Словарь | Западно-Русскій | Аже великославный и въ мовѣ шьрокій языкъ сла- | венскій ... , лечь же трудность словъ и назвискъ на | которомъ, а иле отъ иныхъ языковъ съ потребности взя | тыхъ, ко выро[бу ...]ыхъ [ко миле] въ собѣ ма[ють] | Января 20. 1848 г. Берында | Ъ». Значыць, датаваны 01.02.1848 г., прытым, што ў гэты сшытак часткова перапісваліся словы з яшчэ ранейшых па часе складання сшыткаў са спраў 739, 740, 742, 743.

У справе 121 (стар. 29—29 адв.) быў выяўлены дакумент з пералікам чарнавых матэрыялаў для «Словаря Западно-русского нарѣчія», што засталіся пасля смерці Івана Іванавіча, аналіз гэтага дакумента ў сукупнасці з іншымі вышэйзгаданымі архіўнымі матэрыяламі дазволіў высветліць пытанне аб захаванасці тых матэрыялаў і іх месцазнаходжанні:

«1) Тетрадь подъ Заглавіемъ: Словарь Западно-Русскій. [...] на всѣ буквы, изъ которыхъ слова на а и б вошли въ напечатанные десять листовъ Словаря Западно-Русского языка [захавалася ў справе 7. — *А. Ш.*].

2) Тетрадь съ словами на литеру д [...] [сшытак захаваны ў справе 738. — *А. Ш.*].

3) Пять тетрадей съ словами на разныя буквы (2,922), выбранными оттуда же [прынамсі, два сшыткі (на літары Г, А—Ө) захаваліся ў справах 738, 741. — *А. Ш.*].

4) Три тетради словъ [...] изъ печатной Лѣтописи Велички [два з трох шпыхаў захаваляся ў справе 739. — *А. III.*]

5) Слова [...] извлеченныя изъ Ипатіевской Лѣтописи и манускрипта подъ заглавіемъ Азбуковникъ [у фондах не выяўлены. — *А. III.*]

6) Выписка изъ Словаря Памвы Берынды [...] [у фондах не выяўлена. — *А. III.*]

7) Словарь личныхъ Западно-Русскихъ именъ [...] [захаваўся ў справе 7. — *А. III.*]

8) Тетрадь подъ названіемъ Бѣлорусскій Словарь, съ словами [...] [захаваляся ў справе 7. — *А. III.*]

9) Слова изъ рукописнаго Хронографа [...] на Церковно-Славянскомъ нарѣчїи [у фондах не выяўлены. — *А. III.*]

10) Слова изъ Острожской Библии [...] [захаваляся ў справе 740. — *А. III.*]

11) Слова изъ тое же Библии и разныхъ сочиненій на Церковно-Славянскомъ и Западно-Русскомъ языкахъ [...] [захаваляся ў справе 740. — *А. III.*]

12) Слова изъ такихъ же разнородныхъ памятниковъ [...] [у фондах не выяўлены, магчыма, у справе 742 захоўваецца частка. — *А. III.*]

13) Тетрадь съ словами изъ Малороссійскихъ Гетманскихъ Универсаль [у фондах не выяўлена. — *А. III.*]

15) Тридцать два листка, названные Pantheon Vocabulorum, въ котормъ помѣщены слова [...] изъ разныхъ печатныхъ и письменныхъ источниковъ» [збор захаваўся ў справе 743, прычым на сѣнняшні дзень там 49 аркушаў. — *А. III.*]

У справе 121 (стар. 8—13 адв.) выяўлены «начальный опытъ словаря по Западнорусскому нарѣчїю», датаваны 08.12(20.12).1848 г., які складаецца са 177 слоўнікавых артыкулаў, з якіх 36 супадаюць па рэестравых словах са словамі з надрукаванай часткі з фондаў БДАМЛІМ. Склад слоўнікавых артыкулаў з Вопыту — значна карацейшы, чым матэрыялы з Беларусі. У першых зона апісальная (або перакладная) складаецца часам проста з аднаго слова, адсутнічае ўказанне на сферу выкарыстання лексемы — добра відаць, што Вопыт стаў першым крокам, загатоўкай, на падставе якой І. Грыгаровіч пазней выпрацаваў паўнаважна структуру слоўнікавага артыкула для свайго слоўніка.

Вывучэнне спраў 7, 738, 739, 740, 741, 742, 743 дазволіла выявіць чарнавія слоўныя матэрыялы. Асаблівасці гэтых матэрыялаў заключаюцца ў тым, што абсолютная большасць слоў або не мае тлумачэнняў (слоўнікавыя артыкулы складаюцца толькі з самога рэестравага слова), або мае зусім мінімальнае тлумачэнне ці нават замест тлумачэння проста спасылку на крыніцу, адкуль яно было выпісана. Гэтая сітуацыя добра ілюструецца ў пытанні з допіку акадэміка Якава Барэдняка, якому была даручаная ацэнка матэрыялаў, што засталася пасля смерці І. Грыгаровіча (справа 121, стар. 29 адв.): «Счетъ словъ, заключающихся въ словарныхъ матеріалахъ, показанъ здѣсь по доставленному мнѣ реестру [...] итогу всѣхъ словъ 51,597, изъ нихъ объяснено или приведены примеры на 20,983,

не аб'яснено 30,614 [...] Но для большой вѣрности, я полагаю бы вновь прывѣ- рить зготы итогы, потому что, [...] Въ доставленномъ мнѣ реестрѣ въ числѣ об- ясненныхъ словъ показаны и такія, при которыхъ находятся только примѣры или указаны страницы книгъ, изъ которыхъ тѣ слова заимствованы». З гэтага стано- вядца зразумелай адна з галоўных праблем, што паўсталі перад аўтарам-рэдакта- рам слоўніка, — аб'яднаць тлумачэння большасці слоў (згодна з Я. Бярэдні- кавым — 20 983 слова, хаця, верагодна, нават больш), што ў сукупнасці і з так вялікім аб'ёмам працы па рэдактуры стварала проста гіганцкую праблему. Разам з тым, Іван Іванавіч гэтую праблему паспяхова вырашаў, і нават наракаў на павольную працу акадэмічнага выдавецтва (справа 121, с. 21): «Если бы Типо- графія дѣйствовала поспѣшнѣе, я могъ бы къ этому же времени представить еще два печатныхъ листа. Выходить, что съ этимъ надобно еще подождать. Потерп- лю. Между тѣмъ, пока силы служатъ, продолжаю работать».

Вывучэнне справы 121 таксама дазволіла ўдакладніць момант, калі І. Грыгаровіч спыніў сваю працу над рэдагаваннем слоўніка. У яго заяве на імя Старшыні П. Адзела Імператарскай акадэміі навук ад 19.01(31.01).1852 г. (с. 20): «По преклонности лѣтъ моихъ, соединенной съ частыми недугами, при- знаюсь, чувствую себя въ немаломъ затрудненіи продолжитъ съ должнымъ успѣхомъ занятія свои по составленію “Словаря Западнорусскаго нарѣчія”, и потому вынужденнымъ нахожусь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, уволить меня отъ этой обязанности. Теперь дѣло сіе установлено, кажется, какъ слѣдуетъ ему быть, и другому съ силами болѣе свѣжими, конеч- но, удобнѣе будетъ надъ ними трудиться. Матеріалы же для Бѣлорусскаго Сло- варя, поступившіе ко мнѣ изъ втораго Отдѣленія Академіи, одолжаюсь пере- дать г. Секретарю М. А. Коркунову». Такім чынам, І. Грыгаровіч праз цяжкую хваробу быў вымушаны спыніць працу над слоўнікам за дзевяць з паловай месяцаў да сваёй смерці.

Вывучэнне справы 121 дазволіла ўдакладніць яшчэ адно пытанне наконт разбору слоўнікавых матэрыялаў пасля смерці Івана Іванавіча, як зана- тавана ў працяголе пасяджэння П. Адзела Акадэміі навук ад 09.1853 г.: «И. И. Срезневскій представилъ Бѣлорусскія слова, в двухъ тетрадахъ, остав- шихся послѣ покойнаго Протоіерея І. Григоровича, приведенныя въ азбучный порядокъ г. Шпилевскимъ, Определѣно: имѣть оныя въ виду для Бѣлорусскаго Словаря». Разам з тым заставаліся пад пытаннем аб'ём і змест перапісаных П. Шпілеўскім слоў з матэрыялаў І. Грыгаровіча. Нягледзячы на тое што саміх двух шыткаў у архіўных справах адшукаць не атрымалася, на с. 35 маецца ўдакладненне наконт аб'ёму перапісаных слоў: «Вашему Превосходительству извѣстно, что я передалъ Измаилу Ивановичу [Срезневскому. — А. III] 10.000 (тысячь) списанныхъ мною словъ со Сборника покойнаго Протоіерея Григо- ровича». З гэтай цытаты бачна, што аб'ём перапісанага П. Шпілеўскім быў зусім невялікі, калі ўлічыць, што матэрыялы слоўніка на літары А, Б, В (част- кова) складалі 3929 слоў.

Вывучэнне справы 121 дапамагло ўдакладніць і імя аўтара аднаго з дапаўненняў на літару А ад іншых аўтараў. Ім быў настаўнік Дынабургскай гімназіі Ляскоўскі (нагадаем, што ўсяго дапаўненняў было чатыры: ад старэйшага настаўніка гісторыі, архівіста Дынабургскай гімназіі Аляксандра Міхайлавіча Сазонава, настаўніка Смаленскай духоўнай семінарыі Сямёна Шымковіча, [магістранта багаслоўя Санкт-Пецярбургскай духоўнай акадэміі] А[ляксандра] А[ндрэевіча] Станкевіча і безыменнае).

Нарэшце, вывучэнне справы 121 дазволіла дадаць дэталі да працэсу перадачы матэрыялаў пасля смерці Івана Грыгаровіча ад яго ўдавы ў Акадэмію навук, чаму ў справе прысвечаны тры дакументы (стар. 39—39 адв., 40, 41—41 адв.). Па сутнасці справы ўдакладняецца сам працэс перадачы матэрыялаў, а таксама грашовая сума, уключаная за іх (трыста рублёў срэбрам).

Пры працы з дакументамі былі выяўлены 2 філіграні (першая — Копнінскай фабрыкі Елізаветы Баташэвай, 1821 г. [7. с. 56]; другая — нявызначаная), а таксама на дакументах са справы 121 — шпэмпелі папяровых фабрык: Імператарскай пецяргофскай (с. 7—15), папяровай фабрыкі ў Парыжы з выявай карабля (с. 21, 22), папяровай фабрыкі ў Парыжы (с. 35, 37), папяровай фабрыкі Роджэрс і Рэйнэра (с. 40), папяровай фабрыкі ў Батэ (з подпісам «BATH» (с. 42)).

У заключэнне трэба адзначыць, што на дадзены момант застаюцца яшчэ пытанні наконт лёсу матэрыялаў да слоўніка І. Грыгаровіча. Напрыклад: ці захаваліся два вышэйзгаданыя сшыткі, куды П. Шпэлеўскім былі перапісаны 10.000 слоў з чарнавікоў Грыгаровіча? Таксама застаюцца пытанні наконт таго, ці захаваліся і дзе знаходзяцца тэа матэрыялы, што засталіся пасля смерці Івана Іванавіча, але не адшуканыя ў Санкт-Пецярбургскім філіяле Архіва РАН. Пошукі працягваюцца.

Крыніцы і літаратура

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. — Ф. 9. Воп. 1. Стр. 121. Арк. 2 адв.
2. БДАМЛМ. — Ф. 6. Воп. 1. Адз. зах. 19, 20.
3. БДАМЛМ. — Ф. 6. Воп. 1. Адз. зах. 16, 20.
4. Шула-Сянчэўскі, А. Рукпісны помнік беларускай лексікаграфіі 1-й паловы XIX ст.: «Словарь Западно-Русского нарѣчья прот. І. І. Григоровича (составленъ 3 іюля (21 іюня) 1851 г.)» [літары А, Б, В] / А. Шула-Сянчэўскі. — Мінск: Альфа-кніга, 2023. — 418 с., іл.
5. Очеркъ жизни протоіереея Іоанна Іоанновича Григоровича: Посвящается Варварѣ Павловнѣ Барыковой. — СПб: тип. духовнаго журнала «Странникъ», 1861.
6. Отчеты Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности за первое десятилітіе съ его учрежденія, сост. по опредѣленію отдѣленія академикомъ П. А. Плетневымъ. — СПб: тип. Имп. Академіи Наукъ, 1852.
7. Клепиков, С. Филигрانی и шпемпелі на бумаге русскаго и иностраннаго производства XVII—XX вв. / С. Клепиков. — М.: Изд. Всесоюзной Книжной палаты, 1959. — 306 с., ил.

Арттыкул напісаны ў рэдакцыю 28.11.2024

РЭЗЮМЭ

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Пытанні археаграфіі на Першай усебеларускай канферэнцыі архіўных работнікаў (да 100-годдзя скітання канферэнцыі).

У артыкуле разглядаецца праца Першай усебеларускай канферэнцыі архіўных работнікаў (Мінск, 1924 г.), яе ўклад у развіццё беларускай археаграфіі.

Гярновіч Таццяна Дзмітрыеўна. Браніслаў Усас — захавальнік Дзяржаўнага архіва ў г. Мінску (1919 год).

Публікацыя ўводзіць у навуковы абарот справаздачу Браніслава Усаса ад 22 мая 1920 г. аб складзе архіўных фондаў у Мінску. У прадмове да публікуемага дакумента разглядаюцца акалічнасці стварэння і змест запіскі Усаса, у якой ён апісвае стан архіўных фондаў пасля рэвалюцыйных падзей і акупацый. Прыводзіцца інфармацыя аб біяграфіі Б. Усаса і папярэдніх публікацыях пра яго жыццё і дзейнасць. Даецца характарыстыка дакументальнай спадчыны Б. Усаса, прыводзяцца звесткі аб месцах яе захавання і папярэдніх публікацыях. Асабліва ўвага надаецца важнай ролі Б. Усаса ў захаванні беларускіх архіваў у складаны гістарычны перыяд 20-х гг. XX ст.

Бялюўскі Аляксандр Міхайлавіч, Тумаш Мар'яна Яўгенаўна. «Узор, які інакш не ўбачыш»: штодзённасць беларусаў другой паловы XX ст. праз прызму «лістоў ва ўладу» (на матэрыялах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь).

У артыкуле аўтарамі паказаны магчымасці лінгвістычных аналітычных стратэгий у даследаванні лістоў грамадзян у дзяржаўныя органы як крыніца гісторыі штодзённасці Беларусі другой паловы XX ст. на прыкладзе дакументаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. Выяўлена, што, нягледзячы на хуткія сацыяльныя змены, якія адбываліся ў дачыненні перыяд, лексіка-фразеалагічныя сродкі аўтараў лістоў дэманструюць устойлівую сувязь іх светапогляду з традыцыйнай культурай.

Жук Віталь Мікалаевіч. Аб датаванні службовага ліста міністра сельскай гаспадаркі БССР С. С. Касцюка (з гісторыі стварэння Акадэміі сельскагаспадарчых навук БССР).

Прадметам даследавання з'яўляецца службовы ліст міністра сельскай гаспадаркі БССР С. С. Касцюка, адрасаваны першаму сакратару ЦК КПБ К. Т. Мазураву, па пытанні стварэння новага навукова-метадычнага цэнтру — Акадэміі сельскагаспадарчых навук БССР. Устаноўлена, што ў названай карэспандэнцыі адсутнічала важная частка справядливых рэквізитаў. З мэтай устанавлення даты дакумента праведзены аналіз яго зместу і формы. Даказана, што ліст С. С. Касцюка падрыхтаваў у інтэрвале часу з 25 кастрычніка 1956 г. па 8 студзеня 1957 г., аднак афіцыйна нікуды не адсылаў, а выкарыстаў у якасці даклада на пасяджэнні Бюро ЦК КПБ 9 студзеня 1957 г.

Дзярновіч Кацярына Пятроўна. Тэрытарыяльныя (гарадскія або раённыя) архівы ў Рэспубліцы Беларусь: гісторыя і сучаснасць.

У артыкуле разглядаецца гісторыя стварэння тэрытарыяльных (гарадскіх або раённых) архіваў, іх станаўленне і сучасны стан. Перадумовы стварэння такіх архіваў з'явіліся ў 1920-я гады, аднак толькі з 1990-х гадоў вялася непасрэдная праца па іх стварэнні. У адпаведнасці з пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 26 сакавіка 1998 г. № 464 «Аб асноўных напрамках развіцця архіўнай справы і справядлівасці ў Рэспубліцы Беларусь да 2000 года» на працягу 1998—2002 гадоў былі створаны архівы па асабовым складзе ў абласцях і г. Мінску. З 2012 года яны атрымалі назву тэрытарыяльныя (гарадскія або раённыя) архівы. У цяперашні час 122 такіх архіва камплектуюцца дакументамі рэарганізава-

ных, ліквідаваных арганізацый, індывідуальных прадпрыемстваў, якія спынілі дзейнасць, за выключэннем дакументаў, што падлягаюць перадачы на пастаяннае захоўванне.

Іванова Вольга Сяргееўна. Падыходы да збору і аналізу вусных успамінаў.

У артыкуле разглядаюцца асноўныя падыходы да збору, захоўвання і аналізу вусных успамінаў — даследчыцкі (тэматычны) і архіўны (інфармацыйны). Даюцца вызначэнні асноўных тэрмінаў у межах гэтых працэсаў — вусны ўспамін, інтэрв'ю, рэспандэнт, транскрыпцыя і інш. Робіцца выснова аб тым, што працэс запісу вусных успамінаў, іх транскрыбаванне і аналіз з'яўляюцца даволі складанымі і працаёмкімі, што з'яўляецца пэўным выклікам для даследчыка і архівіста. Але ў той жа час збор і захоўванне вусных успамінаў дазваляюць значна пашырыць крыніцзнаўчую базу, захавань цэлы комплекс актуальнай для грамадства інфармацыі, паглыбіць магчымасці навуковых даследаванняў.

Несцяровіч Юрый Уладзіміравіч. Да аптымізацыі паняццяў, што тэрмінуюцца як «арыгінал дакумента», і паняццяў і тэрмінаў у справаходстве і архіўнай справе, дакументазнаўстве і архівазнаўстве, якія з імі суадносяцца.

Адмова ад выкарыстання тэрмінавадзякі «арыгінал» у справаходстве і дакументазнаўстве прыводзіць да спрошчанага апісання арганізацыі работы са службовымі дакументамі і дакументавароту. Прапановуецца каардынаваць тэрмінапарат заканадаўства і несупярэчліва адкараляваным паняццёвым апаратам навуковых тэорыі. Прадуктыўна адрозніваць статусную стадыяльнасць адзінкавага дакумента, звязаную са змяненнем яго сацыяльнага статусу, семантычную стадыяльнасць дакумента, абумоўленую змяненнем зместу інфармацыі, тэхнічную стадыяльнасць, выкліканую капіяльнасцю дакументаў.

Падзнякоў Валерыі Сямёнавіч. Матэрыялы да гісторыі архіваў Беларусі. Ч. 2. Архіў епіскапа Кірылы Тарлецкага ў Пінску (1596 г.).

У артыкуле публікуюцца дакументы канца XVI — пачатку XVII ст., у якіх месцяцца звесткі пра архіў епіскапа Кірылы Тарлецкага ў Пінску.

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Чвэрць стагоддзя пасля (да 200-годдзя беларускай археаграфіі).

Разглядаюцца асноўныя вынікі арганізацыйнага, навукова-метадычнага, практычнага характару ў галіне археаграфіі, дасягнутыя ў Беларусі за 25 гадоў пасля правядзення на гістарычным факультэце БДУ Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Праблемы беларускай археаграфіі (да 175-годдзя выхаду ў свет «Беларускага архіва старажытных грамад)», адзначаецца, што за гэты час была сфарміравана ўласная метадычная база ў галіне археаграфіі, звернута значная ўвага на распрацоўку тэарэтычных аспектаў археаграфіі, яе гісторыі. У якасці аднаго з прыярытэтных напрамкаў развіцця практычнай археаграфіі ў будучым вызначаюцца падрыхтоўка электронных публікацый дакументаў, работа з электроннымі гістарычнымі крыніцамі.

Юмашана Юлія Юр'еўна. Праблемы публікацыі гістарычных крыніц у электронным асяроддзі.

У артыкуле прадстаўлены абавольняючы погляд на гісторыю публікацыі гістарычных крыніц у электронным асяроддзі, сфарміраваны і пералік спецыфічных рыс, уласцівых электронным публікацыям, абазначана кола праблем публікацыі гістарычных крыніц у электронным асяроддзі, а таксама зроблена выснова аб фарміраванні новай дапаможнай дысцыпліны — археаграфіі інфармацыйнай эпохі.

Казлоў Уладзімір Пятровіч. Аб слоўніку тэрмінаў і вызначэнняў навуковай дысцыпліны «Гістарычная дакументалогія».

У артыкуле аналізуюцца выгляд слоўніка «Гістарычная дакументалогія. Слоўнік тэрмінаў і азначэнняў», прапануюцца тэрміналагічная сістэма новай навуковай і вучэбнай дысцыпліны «Гістарычная дакументалогія», якая адлюстроўвае яе канцэптуальныя і часткова тэарэтычныя асновы.

Хархордзіна Таццяна Іваненцьеўна. Дакументы і архівы асабістага паходжання як крыніцы духоўнага жыцця: антрапалагічны паварот у архівазнаўстве.

Разглядаецца збіранне архіваў асабістага паходжання, якія прайшлі няпросты шлях, фарміраваліся людзьмі ў адпаведнасці з іх уласнымі ўяўленнямі аб архіўна-духоўных функцыях. Дакументы асабістага паходжання — помнікі чалавечай творчасці і чалавечых лёсаў, аб'ектыўныя сведчанні духоўнага жыцця, і перад намі паўстаюць увакрасшаныя лёсы жывых асоб. Эвалюцыя ўяўленняў аб патэнцыяльнай каштоўнасці тых ці іншых дакументаў, на жаль, прыводзіла да іх безваротнага знішчэння. Адпаведна, па-за архівамі заставаліся «жывыя» дакументы, якія адлюстроўваюць канкрэтныя праявы прыватнага жыцця розных сацыяльных груп. У сувязі з гэтым даводзіцца канстатаваць якасныя страты крыніцавай базы, сфарміраванай у саветскі перыяд, калі прывяржэтнымі былі правы і інтарэсы дзяржавы, а не чалавека.

Аналізуюцца антрапалагічны паварот у архівазнаўстве ў канцы XX ст., калі пачаўся паступовы адыход ад уяўленняў аб грамадстве як толькі аб выніку дзейнасці дзяржаўных устаноў, і ўвага пераасціда на працэсы паўсядзённага жыцця грамадства, на «шараговага» ўдзельніка сацыяльных працэсаў. У фокусе даследаванняў аказваюцца ўнутраныя памыць чалавека, не вынік, а працэс яго эмацыянальна-духоўнага развіцця ў кантэксце штодзённасці.

Міхальчанка Сяргей Іванавіч. Неапублікаваныя лісты С. К. Макоўскага Я. А. Ляцкаму 1920-х гг.

Аналізуюцца неапублікаваныя лісты паэта, мастацтвазнаўцы і выдаўца С. К. Макоўскага філалагу і выдаўцу Я. А. Ляцкаму, якія захоўваюцца ў Літаратурным архіве Музея нацыянальнай літаратуры Чэхіі ў Празе. Паказваюцца іх важнасць для аднаўлення гісторыі рускай эміграцыі першай хвалі ў міжваеннай Чэхаславакіі, даюцца дэталі арганізацыі выдавецтва «Польмя» і Саюза рускіх пісьменнікаў і журналістаў у Чэхаславакіі.

Іванова Вольга Сяргеёўна. «Беларускі архіў старажытных грамаў» І. Грыгаровіча і даследаванне беларускіх архіваў у першай чвэрці XIX ст.

І. Грыгаровіч вядомы найперш як археограф, гісторык царквы, лінгвіст. У артыкуле характарызуецца яго дзейнасць як даследчыка тагачасных беларускіх архіваў, на падставе ўскосных даных археографічных публікацый, дакументаў асабістага фонду і перапіскі з дзеячамі Румынаўскага гуртка.

Макаранка Алена Аляксандраўна. Падрыхтоўка факсімільнага выдання першай і другой частак «Беларускага архіва старажытных грамаў».

У артыкуле даецца інфармацыя аб працэсе падрыхтоўкі факсімільнага перавыдання кнігі «Беларускі архіў старажытных грамаў» Івана Грыгаровіча (частка першая, 1824) і факсімільнага выдання рукапісу другой часткі.

Гірноўніч Таццяна Дзмітрыеўна. Архіў і музей: інтэграцыя і размежаванне падыходаў у рабоце з архіўнымі і музейнымі дакументамі.

У артыкуле аналізуюцца метады працы з архіўнымі дакументамі архіўных і музейных работнікаў.

Антановіч Зінаіда Васільеўна. Дакументацыя прадстаўніцтваў хрысціянскіх канфесій Беларусі як аб'ект камеральнай археаграфіі XIX — XXI стст.

У артыкуле на падставе змяненняў у аб'ектах публікацыі і падыходах да складання згалоўкаў і легенд вылучаны чатыры перыяды развіцця камеральнай археаграфіі, падчас якіх увагу археаграфу прыцягвалі пераважна старажытныя дакументы, што захоўваліся ў складзе спраў канфесіянальных прадстаўніцтваў, а таксама распарадчя і ўліковая дакументацыя. Легенда ўключала ад характарыстыкі знешніх прыкмет дакумента, шляхоў яго выяўлення ў першай трэці XIX ст., да пераважна пошукавых даных з другой паловы XIX ст. да сучаснасці. Аўтар прыйшла да высновы аб пераймальнасці падыходаў, аднак адзначае неабходнасць пашырэння відавoga складу публікуемых дакументаў прадстаўніцтваў хрысціянскіх цэркваў Беларусі з улікам іх справядных сувязей як аб'ектаў камеральнай археаграфіі.

Саломкіна Надзея Сяргееўна. Тэматычны агляд лічбавых выставак архіўных дакументаў на сайтах рэспубліканскіх архіваў Беларусі (2005—2024 гг.).

У артыкуле разглядаюцца лічбавыя выставы архіўных дакументаў, размешчаныя на сайтах рэспубліканскіх архіваў Беларусі з 2005 па 2024 год. Паказана, што тэматыка лічбавых выстаў архіўных дакументаў абумоўлена як сацыяльнай значнасцю гістарычных падзей, так і актуальнасцю і наяўнасцю інфармацыйнай нагоды. У перыяд 2005—2020 гг. інтэрнэт-праекты размяшчаліся выключна на сайце «Архівы Беларусі» і былі прысвечаны Вялікай Айчыннай вайне і класікам беларускай літаратуры. З 2020 г. лічбавыя выставы сталі размяшчацца толькі на афіцыйных сайтах архіўных устаноў. Тэматыка іх розная: юбілей персаналіі і дзяржаўных устаноў, падзей войнаў (вайна 1812 года, Першая сусветная вайна, Вялікая Айчынная вайна), трагедыя на Чарнобыльскай АЭС.

Чэчулін Захар Валер'евіч. Дакументы архіва вялікіх князёў літоўскіх другой паловы XIV — першай паловы XV ст. у святле археаграфіі.

У артыкуле разглядаюцца археаграфічныя публікацыі дакументаў другой паловы XIV — першай паловы XV ст., якія паходзяць з архіва вялікіх князёў літоўскіх. Прааналізаваўшы нямецкія, польскія, расійскія, беларускія і румынскія публікацыі XVIII—XXI стст., аўтар прыходзіць да высновы, што на дачыненне момант не існуе адзінага тэматычнага зборніка, які ўтрымліваў бы ўсе тэксты і апісанні дакументаў архіва вялікіх князёў літоўскіх другой паловы XIV — першай паловы XV ст., а найбольшая каштоўнасць археаграфічных публікацый гэтых дакументаў заключана ў іх магчымасці выступаць крыніцай рэканструкцыі тэкстаў і апісанняў дакументаў, якія былі беззваротна страчаны.

Цяглова Валентына Анатольеўна. Каля вытокаў вывучэння гісторыі Праваслаўнай царквы Беларусі: да 200-годдзя стварэння «Беларускай іерархіі» протаіерэя Іаана Грыгаровіча.

У артыкуле аналізуецца стварэнне протаіерэем Іаанам Грыгаровічам кнігі «Беларуская іерархія» (1824).

Шуляеў Андрэй Леанідавіч. Слоўнік заходне-рускай (беларускай) мовы І. Грыгаровіча як гістарычная крыніца.

У артыкуле аналізуецца працэс стварэння Іванам Грыгаровічам слоўніка заходне-рускай (беларускай) мовы, які цягнуўся з 1824 па 1852 г.

РЕЗЮМЕ

Шумейко Михаил Федорович. Вопросы археографии на Первой всебелорусской конференции архивных работников (*к 100-летию созыаа конференции*).

В статье рассматриваются работа Первой всебелорусской конференции архивных работников (Минск, 1924 г.), ее вклад в развитие белорусской археографии.

Гернович Татьяна Дмитриевна. Бронислав Уссас — хранитель Государственного архива в г. Минске (1919 год).

Публикация вводит в научный оборот отчет Бронислава Уссаса от 22 мая 1920 г. о составе архивных фондов в Минске. В предисловии к публикуемому документу рассматриваются обстоятельства создания и содержание записки Уссаса, в которой он описывает состояние архивных фондов после революционных событий и оккупаций. Приводится информация о биографии Б. Уссаса и предыдущих публикациях о его жизни и деятельности. Дается характеристика документального наследия Б. Уссаса, приводятся сведения о местах ее хранения и предыдущих публикациях. Особое внимание уделяется важной роли Б. Уссаса в сохранении белорусских архивов в сложный исторический период 20-х гг. XX в.

Белявский Александр Михайлович, Тумаш Марианна Евгеньевна. «Узор, невидимый иначе»: повседневность белорусов второй половины XX в. через призму «писем во власть» (*по материалам Национального архива Республики Беларусь*).

В статье авторами продемонстрированы возможности лингвистических аналитических стратегий в исследовании писем граждан в государственные органы как источников по истории повседневности Беларуси второй половины XX в. на примере документов Национального архива Республики Беларусь. Выявлено, что, несмотря на быстрые социальные изменения, происходившие в данный период, лексико-фразеологические средства, используемые авторами писем, демонстрируют устойчивую связь их ментальности с традиционной культурой.

Жук Виталий Николаевич. О датировке служебного письма министра сельского хозяйства БССР С. С. Костюка (*из истории создания Академии сельскохозяйственных наук БССР*).

Предметом исследования является служебное письмо министра сельского хозяйства БССР С. С. Костюка, адресованное первому секретарю ЦК КПБ К. Т. Мазурову, по вопросу создания нового научно-методического центра — Академии сельскохозяйственных наук БССР. Установлено, что в указанной корреспонденции отсутствовала важная часть делопроизводственных реквизитов. С целью установления даты документа проведен анализ его содержания и формы. Доказано, что письмо С. С. Костюка готовил в период времени с 25 октября 1956 г. по 8 января 1957 г., однако официально нигде не отсылал, а использовал в качестве доклада на заседании Бюро ЦК КПБ 9 января 1957 г.

Дернович Екатерина Петровна. Территориальные (городские или районные) архивы в Республике Беларусь: история и современность.

В статье рассматривается история создания территориальных (городских или районных) архивов, их становление и современное состояние. Предпосылки создания таких архивов появились в 1920-е годы, однако только с 1990-х годов велась непосредственная работа по их образованию. В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 марта 1998 г. № 464 «Об основных направлениях развития архивного дела и делопроизводства в Республике Беларусь до 2000 года» на протяжении 1998—

2002 годов были созданы архивы по личному составу в областях и г. Минске. С 2012 года они получили название территориальные (городские или районные) архивы. В настоящее время 122 таких архива комплектуются документами реорганизованных, ликвидированных организаций, прекративших деятельность индивидуальных предпринимателей, за исключением документов, подлежащих передаче на постоянное хранение.

Иванова Ольга Сергеевна. Подходы к сбору и анализу устных воспоминаний.

В статье рассматриваются основные подходы к сбору, хранению и анализу устных воспоминаний — исследовательский (тематический) и архивный (информационный). Даются определения основных терминов в рамках этих процессов — устное воспоминание, интервью, респондент, транскрипция и др. Делается вывод о том, что процесс записи устных воспоминаний, их транскрибирование и анализ являются довольно сложными и трудоемкими, что является определенным вызовом для исследователя и архивиста. Но в то же время сбор и сохранение устных воспоминаний позволяют значительно расширить источниковедческую базу, сохранить целый комплекс актуальной для общества информации, углубить возможности научных исследований.

Нестерович Юрий Владимирович. К оптимизации понятий, терминируемых как «подлинник документа» и соотносимых с ними понятий и терминов в делопроизводстве и архивном деле, документоведении и архивоведении.

Отказ от использования терминоединицы «подлинник» в делопроизводстве и документоведении приводит к утрированному описанию организации работы со служебными документами и документооборота. Предлагается координировать терминологический аппарат законодательства с непротиворечиво откорректированным понятийным аппаратом научных теорий. Продуктивно различать статусную стадийность единичного документа, связанную с изменением его социального статуса; семантическую стадийность документа, обусловленную изменением содержания инфопродукта; техническую стадийность документа, вызываемую копийностью документов.

Поздняков Валерий Семенович. Материалы по истории архивов Беларуси. Ч. 2. Архив епископа Кирилла Терлецкого в Пинске (1596 г.).

В статье публикуются документы конца XVI — начала XVII в., в которых содержатся сведения об архиве епископа Кирилла Терлецкого в Пинске.

Шумейко Михаил Федорович. Четверть века спустя (к 200-летию белорусской археографии).

Рассматриваются основные результаты организационного, научно-методического, практического характера в области археографии, достигнутые в Беларуси за 25 лет после проведения на историческом факультете БГУ Международной научной конференции «Проблемы белорусской археографии» (к 175-летию выхода в свет «Белорусского архива древних грамот»), отмечается, что за это время была сформирована собственная методическая база в области археографии, обращено значительное внимание на разработку теоретических аспектов археографии, ее истории. В качестве одного из приоритетных направлений развития практической археографии в будущем определяется подготовка электронных публикаций документов, работа с электронными историческими источниками.

Юмашева Юлия Юрьевна. Проблемы публикации исторических источников в электронной среде.

В статье представлен обобщающий взгляд на историю публикации исторических источников в электронной среде, сформирован и перечень специфических черт, присущих электронным публикациям, обозначен круг проблем публикации исторических

источников в электронной среде, а также сделан вывод о формировании новой вспомогательной дисциплины — археографии информационной эпохи.

Козлов Владимир Петрович. О словаре терминов и определений научной дисциплины «Историческая документология».

В статье анонсируется выход словаря «Историческая документология. Словарь терминов и определений», предлагается терминологическая система новой научной и учебной дисциплины «Историческая документология», отражающая ее концептуальные и отчасти теоретические основы.

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна. Документы и архивы личного происхождения как источники духовной жизни: антропологический поворот в архивоведении.

Рассматривается собрание архивов личного происхождения, прошедших непостоянный путь, формировавшихся людьми в соответствии с их собственными представлениями об архивно-духовных функциях. Документы личного происхождения — памятники человеческого творчества и человеческих судеб, объективные свидетельства духовной жизни, и перед нами встают воскрешенные судьбы живых личностей. Эволюция представлений о потенциальной ценности тех или иных документов, к сожалению, приводила к их безвозвратному уничтожению. Соответственно, вне архивов оставались «живые» документы, отражающие конкретные проявления частной жизни разных социальных групп. В этой связи приходится констатировать качественные потери источниковой базы, сформированной в советский период, когда приоритетными были права и интересы государства, а не человека.

Анализируется антропологический поворот в архивоведении в конце XX в., когда начался постепенный отход от представлений об обществе как только о результате деятельности государственных учреждений, и внимание переносится на процессы повседневной жизни общества, на «рядового» участника социальных процессов. В фокусе исследований оказываются внутренняя память человека, не результат, а процесс его эмоционально-духовного развития в контексте повседневности.

Михальченко Сергей Иванович. Неопубликованные письма С. К. Маковского Е. А. Ляцкому 1920-х гг.

Анализируются неопубликованные письма поэта, искусствоведа и издателя С. К. Маковского филологу и издателю Е. А. Ляцкому, хранящиеся в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии в Праге. Показывается их важность для воссоздания истории русской эмиграции первой волны в межвоенной Чехословакии, даются детали организации издательства «Пламя» и Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.

Иванова Ольга Сергеевна. «Белорусский архив древних грамот» И. Григоровича и исследование белорусских архивов в первой четверти XIX в.

И. Григорович известен прежде всего как археограф, историк церкви, лингвист. В статье характеризуется его деятельность как исследователя белорусских архивов того времени, на основании косвенных данных археографических публикаций, документов личного фонда и переписки с деятелями Румянцевского кружка.

Масаренко Елена Александровна. Подготовка факсимильного издания первой и второй частей «Белорусского архива древних грамот».

В статье дается информация о процессе подготовки факсимильного переиздания книги «Белорусский архив древних грамот» Ивана Григоровича (часть первая, 1824) и факсимильного издания рукописи второй части.

Гернович Татьяна Дмитриевна. Архив и музей: интеграция и разграничение подходов в работе с архивными документами.

В статье анализируются методы работы с архивными документами архивных и музейных работников.

Антонович Зинаида Васильевна. Документация представительств христианских конфессий Беларуси как объект камеральной археографии XIX — XXI вв.

На основе изменения объектов публикации и подходов к составлению заголовков и легенд в статье выделено четыре периода развития камеральной археографии, в ходе которых внимание археографов привлекали главным образом древние документы, хранившиеся в делах конфессиональных представительств, а также распорядительная и учетная документация. Легенда включала описание внешних особенностей документа, путей его выявления в первой трети XIX в. и была сокращена до преимущественно поисковых данных со второй половины XIX в. до настоящего времени. Автор пришел к выводу о преобладании археографических подходов, однако отмечает необходимость расширения видového состава публикуемых документов представительств христианских конфессий Беларуси с учетом их делопроизводственных связей как объектов камеральной археографии.

Соломзина Надежда Сергеевна. Тематический обзор цифровых выставок архивных документов на сайтах республиканских архивов Беларуси (2005—2024 гг.).

В статье рассмотрены цифровые выставки архивных документов, размещенные на сайтах республиканских архивов Беларуси с 2005 по 2024 год. Показано, что тематика цифровых выставок архивных документов обусловлена как социальной значимостью исторических событий, так и актуальностью и наличием информационного повода. В период 2005—2020 гг. интернет-проекты размещались исключительно на сайте «Архивы Беларуси» и были посвящены Великой Отечественной войне и классикам белорусской литературы. С 2020 г. цифровые выставки стали размещаться только на официальных сайтах архивных учреждений. Тематика их различна: юбилей персоналий и государственных учреждений, события войн (война 1812 года, Первая мировая война, Великая Отечественная война), трагедия на Чернобыльской АЭС.

Чечулин Захар Валерьевич. Документы архива великих князей литовских второй половины XIV — первой половины XV в. в свете археографии.

В статье рассматриваются археографические публикации документов второй половины XIV — первой половины XV в., происходящих из архива великих князей литовских. Проанализировав немецкие, польские, российские, белорусские и румынские публикации XVIII—XXI вв., автор приходит к выводу, что на сегодняшний день не существует единого тематического сборника, который включал бы все тексты и описания документов архива великих князей литовских второй половины XIV — первой половины XV в., а наибольшая ценность археографических публикаций этих документов заключается в их возможности выступать источником по реконструкции текстов и описаний документов, которые безвозвратно утрачены.

Теплова Валентина Анатольевна. У истоков изучения истории Православной церкви Беларуси: к 200-летию создания «Белорусской иерархии» протоиерея Иоанна Григоровича.

В статье анализируется создание протоиереем Иоанном Григоровичем книги «Белорусская иерархия» (1824).

Шулаев Андрей Леонидович. Словарь западно-русского (белорусского) языка И. Григоровича как исторический источник.

В статье анализируется процесс создания Иваном Григоровичем словаря западно-русского (белорусского) языка, длившийся с 1824 по 1852 г.

SUMMARY

Michail Shumeyka. Issues of Archaeography at the First All-Belarusian Conference of Archival Workers (*on the 100th anniversary of the Conference*).

The article examines the work of the First All-Belarusian Conference of Archival Workers (Minsk, 1924), its contribution to the development of Belarusian archaeography.

Tatsyana Gyarnovich. Bronislav Ussas — Keeper of the State Archive in Minsk (1919).

The publication introduces Bronislav Ussas's Report of May 22, 1920, on the composition of archival collections in Minsk into scientific circulation. The preface to the published document examines the circumstances of the creation and content of Ussas's note, in which he describes the state of the archival collections after the revolutionary events and occupations. It provides information about B. Ussas's biography and previous publications about his life and activities. It gives a characterization of B. Ussas's documentary heritage, providing details on the places of its preservation and previous publications. Special attention is given to B. Ussas's crucial role in preserving Belarusian archives during the challenging historical period of the 1920s.

Aliaksandr Bialiauski, Maryana Tumash. «A Pattern Otherwise Invisible»: Everyday Life of the Belarusians in the 2nd Half of 20th ct. Through Their Letters to the Authorities (*Based on Materials of the National Archive of the Republic of Belarus*).

In the article authors show the possibilities of linguistic analytical strategies in the study of letters from citizens to government bodies as sources on the history of everyday life in Belarus in the 2nd half of 20th century using the example of documents from the National Archives of the Republic of Belarus. It was revealed that despite the rapid social changes that took place during this period, the speech practices influenced the writing of letters demonstrate a stable connection of their authors' mentality with traditional culture.

Vitali Zhuk. About Dating of the Official Letter of the Minister of Agriculture of the BSSR S. S. Kostyuk (*from the history of creation of the Academy of Agricultural Sciences of the BSSR*).

The subject of the study is the official letter of the Minister of Agriculture of the BSSR S. S. Kostyuk, addressed to the First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the BSSR K. T. Mazurov, on the issue of creating a new scientific and methodological centre — the Academy of Agricultural Sciences of the BSSR. It was found that the aforementioned correspondence lacked an important part of the record keeping requisites. The content and form of the document was analysed in order to establish its date. It was proved that S. S. Kostyuk prepared the letter in the time interval between 25 October 1956 and 8 January 1957, but don't officially sent anywhere. He used it as a report at the meeting of the Bureau of the Central Committee of the Communist Party of Belarus on 9 January 1957.

Ekaterina Demovich. Territorial (city or district) archives in Republic of Belarus: history and present.

The article discusses the history of the creation of territorial (city or district) archives, their formation and current state. The prerequisites for the creation of such archives appeared in the 1920s, but only since the 1990s direct work has been carried out on their formation. In accordance with the Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated March 26, 1998 No. 464 «On the main directions of the development of archival science and office management in the Republic of Belarus until 2000», archives on personnel were created in the regions and Minsk during 1998—2002. Since 2012, they have been called territorial (city or district) archives. Currently, 122 such archives are completed with records of reorganized, liquidated organizations

that have ceased the activities of individual entrepreneurs, with the exception of documents subject to transfer for permanent storage.

Volha Ivanova. Approaches to the collection and analysis of the oral memories.

The article discusses the main approaches to the collection, storage and analysis of oral memories — research (thematic) and archival (informational). Definitions of the main terms within these processes are given — oral memories, interview, respondent, transcription, etc. It is concluded that the processes of recording oral memories, transcribing and analyzing them are quite complex and time-consuming, which is a definite challenge for the researcher and archivist. But at the same time the collection and storage of oral memories can significantly expand the source base, preserve a whole range of information relevant to society, and deepen the possibilities of scientific research.

Yury Niestsiarovich. On the optimization of concepts termed as «original document» and related concepts and terms in office work and archival affairs, document management and archival science.

The refusal to use the term «original» in office management and documentation leads to an exaggerated description of the organization of work with official documents and document management. It is proposed to coordinate the terminological apparatus of legislation with the conceptual apparatus of scientific theories. It is productive to distinguish between the status-stadiality of a single document associated with a change in its social status; semantic stadiality of document specified by a change in the content of an information product; technical stadiality of a document caused by the copying of documents.

Valery Pazdniakou. Materials on the history of archives of Belarus. Part 2. Archive of Bishop Kiryła Tarlecki in Pinsk (1596).

The article publishes documents from the late 16th to early 17th centuries, which contain information about the archive of Bishop Kiryła Tarlecki in Pinsk.

Michail Shumeyka. A quarter of a century later (*to the 200th anniversary of Belarusian archeography*).

The article discusses the main results of organizational, scientific, methodological, practical nature in the field of archeography, achieved in Belarus over 25 years after the International Scientific Conference «Problems of Belarusian Archeography» (to the 175th anniversary of the publication of the «Belarusian Archive of Ancient Letters») was held at the Faculty of History of the Belarusian State University. It is noted that during this time, its own methodological base in the field of archeography was formed, significant attention was paid to the development of theoretical aspects of archeography, its history. Preparation of electronic publications of documents, work with electronic historical sources are defined as one of the priority areas for the development of practical archeography in the future.

Julia Yumasheva. Problems of publishing historical sources in the electronic environment.

The article presents a generalizing view of the history of publishing historical sources in the electronic environment, a list of specific features inherent in electronic publications is formed, a range of problems of publishing historical sources in the electronic environment is outlined, and a conclusion is made about the formation of a new auxiliary discipline — archeography of the information age.

Vladimir Kozlov. On the dictionary of terms and definitions of the scientific discipline «Historical documentology».

The article announces the release of the dictionary «Historical Documentology. Dictionary of Terms and Definitions», proposes a terminological system of the new scientific and academic discipline «Historical documentology», reflecting its conceptual and partly theoretical foundations.

Tatiana Khorkhordina. Documents and archives of personal origin as sources of spiritual life: an anthropological turn in archival science.

The article examines the collection of archives of personal origin that have gone through a difficult path, formed by people in accordance with their own ideas about archival and spiritual functions. Documents of personal origin — the monuments of human creativity and human destinies, objective evidence of spiritual life, and we see the resurrected destinies of living individuals. The evolution of ideas about the potential value of certain documents, unfortunately, led to their irretrievable destruction. Accordingly, «living» documents reflecting specific manifestations of the private life of different social groups remained outside the archives. In this regard, it is necessary to note the qualitative losses of the source base formed during the Soviet period, when the rights and interests of the state, rather than the individual, were a priority.

The article analyzes the anthropological turn in archival science at the end of the 20th century, when a gradual departure from the idea of society as only the result of the activities of state institutions began, and the attention was shifted to the processes of everyday life of society, to the «ordinary» participant of social processes. The focus of the research is on a person's internal memory, not the result, but the process of his emotional and spiritual development in the context of everyday life.

Sergey Mikhilchenko. Unpublished letters from S. K. Makovsky to E. A. Lyatsky of the 1920s.

The article analyzes unpublished letters of the poet, art historian and publisher S. K. Makovsky to the philologist and publisher E. A. Lyatsky, contained in the Literary Archive of the Museum of National Literature of the Czech Republic in Prague. It shows their importance for reconstructing the history of the first wave of Russian emigration in interwar Czechoslovakia; details are given of the organization of the *Plannya* publishing house and the Union of Russian Writers and Journalists in Czechoslovakia.

Volha Ivanova. I. Grigorovich's «Belarusian Archive of Ancient Documents» and the study of the Belarusian archives in the first quarter of the XIX century.

I. Grigorovich is known primarily as the archaeographer, church historian, and linguist. The article characterizes his activity as a researcher of the Belarusian archives of that time, based on indirect data from archaeological publications, documents from his personal fund and correspondence with the members of the Rumyantsev circle.

Elena Makarenko. Preparation of a facsimile edition of the first and second parts of the «Belarusian Archive of Ancient Letters».

The article provides information on the process of preparing a facsimile reprint of the book «Belarusian Archive of Ancient Letters» by Ivan Grygarovich (part one, 1824) and a facsimile edition of the manuscript of the second part.

Tatsyana Gyarnovich. Archive and museum: integration and differentiation of approaches in working with archival documents.

The article analyzes the methods of working with archival documents of archival and museum workers.

Zinaida Antonovich. Documentation of Christian Denominations in Belarus as an Object of Archeography in the 19th—21st centuries.

Based on changes in objects of publication and approaches to compiling titles and legends, the article identifies four periods in the development of descriptive archeography, during which attention of archeographers were mainly attracted by ancient documents stored in the files of confessional representative offices, as well as administrative and accounting documentation. The legend included a description of the external features of the document, ways of its identification in the first third of the 19th century, and was reduced to mainly finding aids from the second half of the 19th century to the present. The author came to the conclusion about the continuity of archeographic approaches, but notes the need to expand the species composition of published documents of representative offices of Christian denominations in Belarus, taking into account their office connections, as objects of descriptive archeography.

Nadezhda Solomkina. Thematic review of digital exhibitions of archival documents on the websites of the republican archives of Belarus (2005—2024).

The article examines digital exhibitions of archival documents posted on the websites of the republican archives of Belarus from 2005 to 2024. It is shown that the subject matter of digital exhibitions of archival documents is determined by both the social significance of historical events and the relevance and availability of an informational reason. In the period 2005—2020, Internet projects were posted exclusively on the website «Archives of Belarus» and were dedicated to the Great Patriotic War and the classics of Belarusian literature. Since 2020, digital exhibitions began to be posted only on the official websites of archival institutions. Their topics are miscellaneous: anniversaries of personalities and government agencies; 3) wars (War of 1812, World War I, Great Patriotic War); 4) Tragedy at the Chernobyl Nuclear Power Plant.

Zakhar Chechulin. Documents of the archive of the Grand Dukes of Lithuania of the second half of the 14th — first half of the 15th centuries in the light of archeography.

The article examines publications of documents of the second half of the 14th — first half of the 15th centuries, originating from the archive of the Grand Dukes of Lithuania. Having analyzed German, Polish, Russian, Belarusian and Romanian publications of 18th—21st centuries, the author comes to the conclusion that today there is no single thematic edition that would include all the texts and descriptions of documents of the archive of the Grand Dukes of Lithuania of the second half of the 14th — first half of the 15th centuries, and the greatest value of archeographic publications of these documents lies in their ability to act as a source for the reconstruction of texts and descriptions of documents that were irretrievably lost.

Valentina Teplova. At the origins of the study of the history of the Orthodox Church of Belarus: on the 200th anniversary of the creation of the «Belarusian Hierarchy» by Archpriest John Grigorovich.

The article analyzes the creation of the book «Belarusian Hierarchy» by Archpriest John Grigorovich (1824).

Andrey Shulaeti. Dictionary of the West Russian (Belarusian) Language by I. Grigorovich as a Historical Source.

The article analyzes the process of creating a dictionary of the West Russian (Belarusian) language by Ivan Grigorovich, which lasted from 1824 to 1852.

ПРАВИЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ**«БЕЛАРУСКАГА АРХЕАГРАФІЧНАГА ШТОГОДНІКА»**

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні ў розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументазнаўства і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя работы.
2. Рэдакцыйная калегія прымае да разгляду матэрыялы, якія адпавядаюць патрабаванням, што прад'яўляюцца Вышэйшай атэстацыйнай камісіяй Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў.
3. Рэдакцыйная калегія публікуе ў першую чаргу артыкулы, прадстаўленыя асобамі апошняга года адукацыі пасля ВНУ (аспірантура, дактарантура, саіскальніцтва).
4. Аўтары нясуць асабістую адказнасць за прадстаўленне ў рэдакцыю раней апублікаваных артыкулаў ці артыкулаў, прынятых да публікацыі іншымі выданнямі.
5. Аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў нясуць адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасылак.
6. Аўтары разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выпіску з пратакола пасяджэння вучонага савета, аддзела, кафедры з месца працы (вучобы) з рэкамендацый артыкула да публікацыі.
7. Замест выпіскі з пратакола дапускаецца прадстаўленне двух рэцэнзій спецыялістаў у той галіне ведаў, у якой праводзілася даследаванне, якія маюць вучоную ступень доктара і (або) кандыдата навук. Рэцэнзіі павінны змяшчаць рэкамендацыі артыкула да публікацыі.
8. Для публікацыі дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацый да друку не патрэбны.
9. Рукапіс завяршаецца подпісам аўтара з указаннем даты, таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы (вучобы), пасада, вучоная ступень, званне, кантактныя тэлефоны (e-mail) для сувязі рэдакцыі з аўтарам (e-mail публікуецца). Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычная электронная версія артыкула.
10. Да артыкула прыкладаецца анатацыя на беларускай (рэзюмэ), рускай (резюме) і англійскай (summary) мовах аб'ёмам 100—150 слоў.
11. Аб'ём навуковага артыкула — не менш за 14 тыс. і не больш за 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацыі дакументальных крыніц — да 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца шрыфтам Times New Roman, кельце 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвалы, палі верхняе і ніжняе 2 см, левае 3 см, правае 1,5 см.
12. Спасылкі на крыніцы афармляюцца ў адпаведнасці з главай 3 Інструкцыі аб парадку афармлення дысертацыі, дысертацыі ў выглядзе навуковага даклада, аўтароферата дысертацыі і публікацыі па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 28.02.2014 № 3 (у рэдакцыі пастановы Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.08.2022 № 5).
13. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца да публікацыі ў штогодніку наступнага года.

14. Рэдакцыйная калегія не бярэ платы за публікацыю навуковых артыкулаў.

*Рэдакцыйная калегія
«Беларускага археаграфічнага штогодніка»
вул. Крапоткіна, 89/1, каб. 44,
220002, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь
arheograph@belniiadad.by*

ЗМЕСТ

АРТЫКУЛЫ

- М. Ф. Шумейко.* Вопросы археографии на Первой всебелорусской конференции архивных работников (к 100-летию созыва конференции)..... 5
- Т. Д. Гернович.* Бронислав Уссас — хранитель Государственного архива в г. Минске (1919 год)..... 15
- А. М. Белявский, М. Е. Тумши.* «Узор, невидимый иначе»: повседневность белорусов второй половины XX в. через призму «писем во власть» (по материалам Национального архива Республики Беларусь)..... 24
- В. Н. Жук.* О датировке служебного письма министра сельского хозяйства БССР С. С. Костюка (из истории создания Академии сельскохозяйственных наук БССР)..... 37
- Е. П. Дернович.* Территориальные (городские или районные) архивы в Республике Беларусь: история и современность..... 53
- В. С. Иванова.* Падыходы да збору і аналізу вусных успамінаў..... 64
- Ю. В. Нестерович.* К оптимизации понятий, терминируемых как «подлинник документа» и соотносимых с ними понятий и терминов в делопроизводстве и архивном деле, документоведении и архивоведении..... 70

ПУБЛІКАЦЫ ДАКУМЕНТАЎ

- В. С. Пазднякоў.* Матэрыялы да гісторыі архіваў Беларусі. Ч. 2. Архіў епіскапа Кірылы Тарлешкага ў Пінску (1596 г.)..... 86

МАТЭРЫЯЛЫ КРУГЛАГА СТАЛА З МІЖНАРОДНЫМ УДЗЕЛАМ «200-ГОДДЗЕ БЕЛАРУСКАЙ АРХЕАГРАФІЎ»

- М. Ф. Шумейко.* Четверть века спустя (к 200-летию белорусской археографии)..... 107
- Ю. Ю. Юмашева.* Проблемы публикации исторических источников в электронной среде..... 114
- В. П. Козлов.* О словаре терминов и определений научной дисциплины «Историческая документология»..... 120
- Т. П. Хорхордина.* Документы и архивы личного происхождения как источники духовной жизни: антропологический поворот в архивоведении..... 128
- С. П. Михальченко.* Неопубликованные письма С. К. Маковского Е. А. Ляцкому 1920-х гг..... 137
- В. С. Иванова.* «Беларускі архіў старажытных грамаў» І. Грыгаровіча і даследаванне беларускіх архіваў у першай чвэрці XIX ст. 141
- Е. А. Макаренко.* Подготовка факсимильного издания первой и второй частей «Белорусского архива древних грамот»..... 152
- Т. Д. Гернович.* Архив и музей: интеграция и разграничение подходов в работе с архивными документами..... 159

<i>З. В. Антановіч.</i> Дакументацыя прадстаўніцтваў хрысціянскіх канфесій Беларусі як аб'ект камеральнай археаграфіі XIX—XXI стст.	168
<i>Н. С. Саломкіна.</i> Тематический обзор цифровых выставок архивных документов на сайтах республиканских архивов Беларуси (2005—2024 гг.).....	176
<i>З. В. Чэчулін.</i> Дакументы архіва вялікіх князёў літоўскіх другой паловы XIV—першай паловы XV ст. У святле археаграфіі.....	183
<i>В. А. Теплова.</i> У истоков изучения истории Православной церкви Беларуси: к 200-летию создания «Белорусской иерархии» протоиерея Иоанна Григоровича.....	191
<i>А. Л. Шулаев.</i> Слоўнік заходне-рускай (беларускай) мовы І. Грыгаровіча як гістарычная крыніца.....	200
Рэзюмэ.....	207
Резюме.....	211
Summary.....	216
Правілы для аўтараў.....	220

CONTENTS

ARTICLES

- M. Shumeyka*. Issues of Archaeography at the First All-Belarusian Conference of Archival Workers (on the 100th anniversary of the Conference) 5
- T. Gyarnovich*. Bronislav Ussas — Keeper of the State Archive in Minsk (1919)..... 15
- A. Bialiauski, M. Tumash*. «A Pattern Otherwise Invisible»: Everyday Life of the Belarusians in the 2nd Half of 20th ct. Through Their Letters to the Authorities (Based on Materials of the National Archive of the Republic of Belarus)..... 24
- V. Zhuk*. About Dating of the Official Letter of the Minister of Agriculture of the BSSR S. S. Kostyuk (from the history of creation of the Academy of Agricultural Sciences of the BSSR)..... 37
- E. Dernovich*. Territorial (city or district) archives in Republic of Belarus: history and present 53
- V. Ivanova*. Approaches to the collection and analysis of the oral memories 64
- Y. Niestsiarovich*. On the optimization of concepts termed as «original document» and related concepts and terms in office work and archival affairs, document management and archival science 70

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

- V. Pazdnakoi*. Materials on the history of archives of Belarus. Part 2. Archive of Bishop Kiryla Tarlecki in Pinsk (1596) 86

MATERIALS OF ROUND TABLE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION «200TH ANNIVERSARY OF BELARUSIAN ARCHEOGRAPHY»

- M. Shumeyka*. A quarter of a century later (to the 200th anniversary of Belarusian archeography) 107
- J. Yumasheva*. Problems of publishing historical sources in the electronic environment 114
- V. Kozlov*. On the dictionary of terms and definitions of the scientific discipline «Historical documentology»..... 120
- T. Khorkhordina*. Documents and archives of personal origin as sources of spiritual life: an anthropological turn in archival science 128
- S. Mikhailchenko*. Unpublished letters from S. K. Makovsky to E. A. Lyatsky of the 1920s 137
- V. Ivanova*. I. Gngorovich's «Belarusian Archive of Ancient Documents» and the study of the Belarusian archives in the first quarter of the XIX century 141
- E. Makarenko*. Preparation of a facsimile edition of the first and second parts of the «Belarusian Archive of Ancient Letters» 152
- T. Gyarnovich*. Archive and museum: integration and differentiation of approaches in working with archival documents 159
- Z. Antonovich*. Documentation of Christian Denominations in Belarus as an Object of Archeography in the 19th—21st centuries 168

<i>N. Solomkina</i> . Thematic review of digital exhibitions of archival documents on the websites of the republican archives of Belarus (2005—2024).....	176
<i>Z. Chechulin</i> . Documents of the archive of the Grand Dukes of Lithuania of the second half of the 14 th — first half of the 15 th centuries in the light of archeography.....	183
<i>V. Teplova</i> . At the origins of the study of the history of the Orthodox Church of Belarus: on the 200 th anniversary of the creation of the «Belarusian Hierarchy» by Archpriest John Grigorovich.....	191
<i>A. Shulaev</i> . Dictionary of the West Russian (Belarusian) Language by I. Grigorovich as a Historical Source.....	200

Навуковае выданне

Беларускі археаграфічны штогоднік

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 25

Рэдактары: *Т. В. Славей, А. У. Хмялеўская*
Карэктар *А. А. Мясціца*
Камп'ютарная вёрстка *П. А. Рэзванова*

Падпісана да друку 06.12.2024. Формат 60×84¹/₁₆.
Папера 80 г/м². Рызграфія. Умоўн. друк. арк. 13.25. Улік.-выд. арк. 14.15.
Тыраж 45 экз. Зак. 13.

Установа «Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы» (БелНДЦАС).
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдання, вытворчы
і распаўсюджвальнік друкаваных выданняў № 1/229 ад 24.03.2014.
Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск